

НОВЫЙ

Российский писатель

Электронный литературно-художественный
альманах прозы и поэзии

№ 6 декабрь 2023

В начале было Слово!

**Электронный литературно-художественный
альманах прозы и поэзии
Основан в 2022 году**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Александр МИШЕНКОВ –
член Союза российских писателей

Николай АЛЕШКОВ –
член Союза российских писателей

Галина БУЛАТОВА –
член Союза российских писателей

Владимир ПЛОТНИКОВ –
член Союза писателей России

Валерия САЛТАНОВА –
член Союза писателей России

Ирина ЕВДОКИМОВА –
ответственный секретарь

Материалы принимаются документом Word (шрифт – Times New Roman,
кегель 14, без интервала) на e-mail: agmishenkov1949@gmail.com
Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе,
электронный адрес, фото автора (3 на 4, вертикальная ориентация).
Объем присылаемых текстов: поэзия – не более 300 строк; проза –
не более 20 тыс. знаков с пробелами (по счётчику Word).

Обязательны:

пропечатка буквы «ё», использование кавычек-ёлочек: «»», среднего тире: –
Решение о публикации принимается редакционным советом альманаха.

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка редактора

В Новый год с новыми надеждами	5
--------------------------------------	---

В объективе – Донбасс

Павел БЕСПОЩАДНЫЙ. Донбассу жить! <i>Стихи</i>	6
Елена АДИНЦОВА. <i>Стихи</i>	12
Никита БРАГИН. <i>Стихи</i>	14
Евгений КАСАТКИН. <i>Стихи</i>	17
Сергей КРИВОНОС. <i>Стихи</i>	21
Наталья ЛИТВИНЕНКО. <i>Стихи</i>	22
Наталья МАКЕЕВА. <i>Стихи</i>	26
Екатерина РОМАЦУК. <i>Стихи</i>	29
Владислав РУСАНОВ. <i>Стихи</i>	31
Светлана САВИНСКАЯ. <i>Стихи</i>	34
Валерия САЛТАНОВА. <i>Стихи</i>	36
Виктория СЕМИБРАТСКАЯ. <i>Стихи</i>	40
Леонид СОВЕТНИКОВ. <i>Стихи</i>	42
Анна СЫРОМЯТНИКОВА. <i>Стихи</i>	44
Наталья ТЕБЕЛЕВА. <i>Стихи</i>	45
Юрий ЧЕРЕПАХИН. <i>Стихи</i>	48
Андрей ШУХАНКОВ. <i>Стихи</i>	50

Проза

Юрий СЕМЁНОВ. <i>Душегубка</i>	53
Евгений АСТАШКИН. <i>Неожиданная встреча</i>	59
Наталья КАГАЛЬНИЦКАЯ. <i>Кто на новенького?</i>	74
Валерий ТИМОФЕЕВ. <i>Скользкий джек-пот</i>	79
Иван БУРАКОВ. <i>Вреднящий</i>	82

Крымские друзья

Вячеслав КИЛЕСА. <i>Стихи</i>	88
Ирина НИКИТИНА. <i>Стихи</i>	89
Людмила КУЛИК-КУРАКОВА. <i>Стихи</i>	90
Светлана КАПЛИНА. <i>Стихи</i>	92
Наталья СИДОРОВА. <i>Стихи</i>	93
Марина ТРУСЕВИЧ. <i>Стихи</i>	94

Память

Вячеслав ХАРИТОНОВ. *«Моя Россия, я тобой велик!»*.....95

Юбилей

Вячеслав СМИРНОВ. *Эдуарду Паиневу – 90 лет*.....108

Русская сказка

Дмитрий АНИКИН. *Огниво*.....119

Поэзия Поволжья

Александр ВОРОНЦОВ (*г. Тольятти*) 132

Тамара КИРИЛЛИНА (*г. Тольятти*)141

Ольга КУЗЬМИЧЁВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ (*г. Набережные Челны*).....145

Анатолий КУЛИКОВ (*г. Тольятти*)151

Татьяна ЛАВРИНОВА (*г. Тольятти*)153

Виктор МАЛАХОВ (*г. Ульяновск*)155

Марина ЧЕРЕМИСОВА (*г. Казань*)158

Поволжская проза

Пётр БУЛАТОВ. *Дед Ермошка*164

Игорь ГАЛИЛЕЕВ. *Мариночка*171

Татьяна ГОГОЛЕВИЧ. *Красные яблоки в холодных садах*177

Айдар САХИБЗАДИНОВ. *На Волге*182

Евгений ЭРАСТОВ. *Забытая рукопись*191

Детство

Олег КОРНИЕНКО. *«Петля Нестерова»*199

Валентина ЮДИНА. *Стихи*202

Наталья БОНДАРЕНКО. *Пупсики*208

В НОВЫЙ ГОД С НОВЫМИ НАДЕЖДАМИ

Вот и наступил день выхода шестого номера электронного альманаха, который уверенно перешагнул черту своего маленького юбилея. Наши многочисленные авторы со всех концов России и ближнего зарубежья оказали нам неоценимую поддержку, альманах заработал, радуя читателей творчеством известных писателей и открывая новые имена.

Литература – это вселенная, состоящая из множества маленьких планет. Собранные в отдельные разделы авторы из разных регионов – такие планеты. Слово, добываемое писателями в недрах могучего русского языка, каждый раз становится тем единственным словом, которое безошибочно находит путь к сердцам читателей.

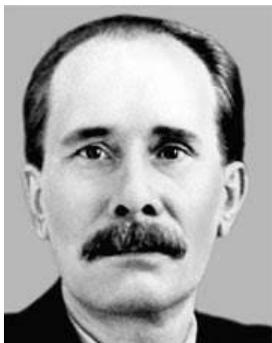
Впереди самый долгожданный праздник – Новый год. Улицы украшаются разноцветными огнями, а душа полнится новогодним настроением и предвкушением волшебства. И не важно, взрослый это или ребёнок, мужчина или женщина – Новый год объединяет всех и каждого, вселяет надежду на лучшую жизнь, на мирное небо над головой.

Наши воины зорко следят за чистотой мирного неба и решительно пресекают любые попытки последователей нацизма покуситься на наши земли. Между тем, недруги России, теряя честь и достоинство, продолжают злобные нападки на страну, впадают в ярость, порождаящую безразличие к судьбам собственных народов. Редакционный совет принял единственно верное решение – отдать первые страницы альманаха авторам поэтических произведений, которые говорят о стойкости, мужестве, отваге и героизме защитников Родины.

Не секрет, что самое сильное оружие любого литературного издания – это авторы и читатели, а наш альманах любит и ценит каждого, кто присоединяется к нам.

Вы – наша большая семья, благодаря вам мы продолжаем создавать вместе уникальные моменты, которые останутся в памяти и продолжат существование на страницах электронного литературно-художественного альманаха прозы и поэзии «Новый российский писатель»!

*Александр МИШЕНКОВ,
главный редактор*

Павел БЕСПОЩАДНЫЙ (ИВАНОВ)

(1895–1968)

Родился в с. Всеславль Смоленской губернии. В 1907–1917 годах работал шахтёром в Донбассе, на Селезнёвских рудниках (ныне город Перевальск), участник Гражданской войны. Первые стихи опубликованы в 1924 году в газете «Кочегарка» – город Артёмовск (Бахмут). Тогда же оставил шахтёрский труд и перешёл работать в газету в отдел писем. В 1932 году переехал в Горловку, куда была переведена редакция газеты «Кочегарка». В 1941 году был эвакуирован в Среднюю Азию (на фронт не попал по состоянию здоровья). После освобождения Донбасса вернулся на Украину, сперва в Краснодар, потом в Ворошиловград, в начале 50-х годов – в Горловку. Обладатель звания «Почётный шахтёр СССР», ордена Ленина, ордена Трудового Красного Знамени, первый лауреат премии им. Артёма, учреждённой донецким комсомолом, Почётный гражданин Горловки. Автор 32 книг, в т.ч. «Каменная книга», «Наследство», «Год в Кочегарке», «Заметная звезда», «Шахтёрские песни», «Степь донецкая», «Горный пламень», «Над шахтой летят журавли», «Всегда с Донбассом». С 1990 года в Горловке существует городская литературная премия его имени в размере пяти минимальных зарплат. Лауреату вручается диплом и памятная медаль.

ДОНБАССУ ЖИТЬ!

Пока в груди шахтёрской сердце живо
И в сердце кровь сыновняя тепла,
Хочу, чтоб песня с врубровкой дружила,
Варила сталь и в глубь ствола вела,
Клепала клетки, и вздымала зданья,
И на лесах большого созиданья
Примером высшей доблести была.

Донбассу жить!.. Сирена шлёт сирене
Горняцкой дружбы благовест стальной:
Донбасс никто не ставил на колени,
И никому поставить не дано!
И нет земли прекрасней, вдохновенней,
Где всё творцом-народом создано.
Донбасс никто не ставил на колени
И никому поставить не дано!

* * *

Сегодня раздвигаю шторы
В квартирах шахтного окна.
И вторят мне друзья-шахтёры,
И вторит шахты глубина.

Поют и обушки, и санки,
Поют подшипники шкива.
Звенят победой спозаранку
Труда горящие слова.

Что в подземелье все туннели
Зажгут один артельный свет,
Чтобы одним слова звенели,
Твои слова, Донбасс-поэт!

Летите к чёрту, лиры, арфы,
Гуди про новое, канат!
Вон на плитах запела Марфа
(У нас откатчицей она).

О своды, каменные залы,
Я вашей песнею зажжён,
Пою я угольную залежь,
Весёлый гул, железный звон.

* * *

Жизнь была только в корке хлеба,
Грыз я чёрствую, трудно рос,
Батка клял и пласты, и небо,
И с тоски меня бил до слёз.

Вечно бедность и недостаток,
Бесконечный, тяжёлый вздох,
И ругала с тоскою matka:
«Лучше б ты, не родившись, издох».

Ну, а если увидят книжку –
Пропадай и скрывайся с глаз.
Даже грамоте, видно, мальчишку,
Научил ты, старик-Донбасс!

* * *

Есть такой городок шахтёрский,
Мне вовек его не забыть –
Там и слёзы я прятал в горстку,
Там учился работать и жить.

Лампы, словно немые гири,
Гнули долу твою судьбу,
Открывая в подземном мире
Трудный путь малышу-рабу.

Нам бы только учиться в школе
Под крылом матерей, отцов,
А судьба по шахтёрскому полю
Разбросала горняцких птенцов.

На двенадцать часов претяжких
Разносить по забоям свет
И делить свои горе-упряжки
На двенадцать ребячьих лет...

Отработал. Не выпрямишь спину...
Но в землянку пора, на гора,
Там жена прокликает судьбину,
Там без хлеба сидит детвора.

И огрызок проугленный хлеба
Из забоя несёшь малышам...
Глянешь в небо: хорошее небо,
А от жизни бушует душа.

Видно, горе в вине не утопишь,
Сердцу жарко – что уголь горит.
В сердце ярость и слышен ропот:
С богачами пора говорить:

Мы свели с вами счёты-расчёты
За лишения, матку-нужду.
Вас крошили ружьём, пулемётом
В восемнадцатом славном году...

* * *

Запомни, грозный террикон,
Лицо врага. Навек запомни,
Кто мучит семьи горняков,
Кто истязал родные домны.
Запомни, грозный террикон,
Как враг привёл под снежный купол
Казнить столетних стариков,
Пытать железный Мариуполь.
Запомни девять тысяч мук,
Сердец пробитых девять тысяч
И восемнадцать тысяч рук...

Пусть сохранятся на века
Бессмертной памятью герои:
Старик с лопатой в руках,
Вперёд шагнувший из забоя,
И мать с поднятою киркой
(В руке – рука малютки-сына),
Готовая на смертный бой
За свой Донбасс, за Украину.

ТРУД

Труду открыто сердце настезь,
О нём стихов слагаю строки.
В песчинке вижу горы счастья,
В углинке – чугуна потоки.

Так каждый день. Ни на мгновенье
Я не даю себе покоя...
Поэзия – всегда горенье,
И я люблю её такую.

В ГОСПИТАЛЕ

Пускай глаза мои погаснут,
остынет кровь...
Но будет жить родной Донбасс мой –
моя любовь!

И шум шкивов, и вздох подъёмной,
вагонов бег,
неукротимый, неуёмный
откатчиц смех.

Про эти руки золотые
напишут гимн.
Они средь нас – труда святые, –
молитесь им!

Когда шахтёр идёт навстречу, –
благоговей...
Он света нового предтеча,
он – Прометей.

Он поднял солнце из забоя –
огонь побед.
Он грозный меч в руках героя –
и жизнь, и свет.

УКРАИНЕ

В перекличке сирен и рулад соловьиных
Ты растила меня, ты меня берегла,
Ты мне больше, чем мать, благодать – Украина,
Ты к источнику песен меня привела.

У горняцких копров, терриконов высоких
Зазвенел твой птенец, твой воспитанник – сын,
Ты учила слагать меня нежные строки
И железные гимны горячих годин!

Ты на бой повела закалённый Донбасс твой,
Чтоб разбил, разметал изувера-врага.

Ты светила в бою нам зарницею ясной...
И металась шрапнель, и зверела пурга.

Но котовцы крошили врагов эскадроны,
Таращанцы крушили Эйхгорна полки.
Били царских сатрапов и чёрных баронов
Закалённые в схватках бойцы-горняки.

Передышка. Шахтёр едет в Киев столичный,
в Киев – сказочный город, к знакомым, к родным.
Рассказать о Донбассе, о жизни рудничной,
Посмотреть на Днепро, поздороваться с ним!

Просидеть до зари на Владимирской горке,
Проследить, как стремителен звёзд перелёт,
Иль к могиле Тараса лететь на моторке, –
Днепр весной и слепит, и кипит, и поёт...

Сколько песен приветных нашепчет Славута!
Сколько в Каневе я передумаю дум!..
Как вы дороги мне, золотые минуты!
Как ты близок, Донбасса строительный шум!

Украина моя, край любимый, певучий!
Непокорен и горд твой народ-богатырь,
Никакие разбойные чёрные тучи
Не затмят эту высь, эту даль, эту ширь!

Елена АДИНЦОВА

(ДНР, г. Донецк)

Поэт, прозаик, публицист. Член Союза писателей ДНР. Руководитель Международной литературной интернет-площадки «Проект Современник», автор идеи первой хрестоматии по сетелитературе «Почему я никогда не напишу об этом в соцсетях». Эксперт жюри международных литературных конкурсов. С 2004 по 2014 год руководитель и выпускающий редактор двух культурно-информационных изданий. Участник более 60 сборников поэзии и прозы периодических изданий России, Австрии, Израиля, США, Индии. Дипломант Всероссийского поэтического конкурса «От фонаря» (Тольятти, 2022), лауреат Всероссийского поэтического конкурса «Человеки и коты» (Тольятти, 2023). Член жюри Всероссийского поэтического конкурса «VOZрождение Родины» (Тольятти, 2023).

ПЕСНЯ

Не страшишь воды, не страшишь огня,
Девиче – кольцо, молодцу – коня,
Выткано давно жизни полотно –
Огненной реки ледяное дно.

Братья-берега, да сестра река,
Крепостью в бою налилась рука.
Сломано копье, а в груди стрела,
Небо над мостом накрывает тьма.

Выпадет роса на зелёный лист,
Не ходи туда, где змеиный свист.
С ветром по пути полетит молва
По тому как жил – слава иль хула.

Коль рождён ты здесь, где пылает лёд,
Из криницы пьёшь горько-сладкий мёд.
На заре покос, на закате бой,
Превратись же в щит стороны родной.

Из богатств земных выбираем честь,
Дабы множить рать, что числом не счесть,
И в урочный час место знать в строю
Среди тех, кто пал за страну свою.

То не смерти смрад, не тоска окрест,
То великий путь, то тяжёлый крест,

Достославный дар послужить стране,
А Калинов мост – он всегда в тебе...

Ты скажи воде, ты скажи огню,
От лихого зла пусть куют броню.

8 СЕНТЯБРЯ

По земле донецкой костры, костры,
Красной каплей крови застывший вдох,
Помянут погибших кусты рябин,
Всех, кто до сегодня дожить не смог.
Не заплачу я. Не родится крик
Об ушедших памяти узелок,
Он на сердце вяжется и в душе,
Он всегда во мне вереницей слов.
В каждом празднике нашем – цена побед,
Не считаем прорехи в рядах бойцов,
И на место павших (который год)
Сыновья приходят сменить отцов.
А рябины гроздь горят огнём,
Красным цветом полнится белый свет,
В каждом нашем празднике – наша соль,
Не меняет вкуса с течением лет...

ГЕРОИ

Плоть не бронь, и голодным металлом
Обрывается тонкая нить,
Льётся кровь искупительной влагой,
Жизнью плата за лучшую жизнь.
Из костей, из клубка сухожилий
Тёплой кожи, натруженных рук
Лепит Бог для народа героев.
Метрономом для времени – стук
Их сердец, отмеряя эпохи,
Вдохновляя идеей умы,
И уже не тела, а знамёна
Укрепляют собою ряды.

Никита БРАГИН

г. Москва

Брагин Никита Юрьевич родился в 1956 г. в Москве. Окончил геологический факультет Московского государственного университета (1978), доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом Геологического института Российской академии наук. Член Союза писателей России. Автор 12 сборников стихов. Публиковался в журналах: «Наш современник», «Москва», «Подъём», «Нижний Новгород», «День и ночь» и др. Лауреат Всероссийского поэтического конкурса им. Сергея Есенина (2018), Международной литературной премии им. Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами» (2019), обладатель Гран-при конкурса «Преодоление» МГО СП России (2020) и золотого диплома фестиваля «Золотой Витязь» (2022), победитель (1 место) Всероссийского поэтического конкурса «VOZрождение Родины» (Тольятти, 2023).

НЕЖНОСТЬ ПЕПЛА

Земля, ты столько бережёшь
в себе, за пазухой шинели –
сошник, подкову, царский грош,
жестянку из-под карамели –
любви и времени осколки,
кусочки драгоценных ваз,
припрятанные втихомолку
от посторонних глаз.

Родная, чёрная, прости!
Поклон твоим цветам и злакам!
Как горестно держать в горсти
тебя, наполненную прахом!
Но, чтобы память не ослепла,
и слово не сдалось огню,
в сосуде сердца нежность пепла
я мысленно храню.

Три поколения войны,
мальчишки, их отцы и деды,
что до сих пор не сочтены,
и ждут поныне День Победы –
кто на высотах, кто в болотах,
кто мхом укрыт, кто муравой...
На поле боя ждёт пехота
салюта над Москвой.

Насколько лучше нас они,
настолько тяжелей утрата.
Не скажешь времени – верни,
и не услышишь голос брата.
Есть только память о родимых
и поминальные венки,
и от Рыбачьего до Крыма
бессмертные полки.

ВЕСНА И ВЕЧНОСТЬ

Памяти Ольги Качуры

В небе месяц золотой,
крест восьмиконечный,
в чистом поле пыль да зной,
а над полем – вечность.
В мире света и покоя
тают облака,
и уходит всё мирское –
музыка легка.

Это музыка любви
над страной взлетает,
как её ни назови,
а она такая –
ей не дали нотных знаков,
клавишей, струны...
Только залпы и атаки
на полях войны.

У неё была судьба,
но отняли силой...
Орудийная пальба,
свежие могилы...
Ей бы деточек лелеять,
песенку им спеть,
но под сердцем кровь алеет,
и приходит смерть.

Но жива её земля,
но тверды устои!
Хлебодарные поля,
море золотое,
пламенеет жаркий уголь,
рельсы мчатся вдаль,
распрямяется упруго
боевая сталь!

Купол звёздно-голубой,
крест восьмиконечный...
Женщины уходят в бой,
перед ними вечность!
Светлые, Господню Чашу
приняли до дна.
Смотрит с фотографий ваших
Русская Весна.

Евгений КАСАТКИН

г. Москва

Родился в 1958 году, живёт и работает в Москве. Окончил МВТУ им. Н.Э.Баумана, по образованию инженер-электронщик. Постоянный участник литературного объединения «Точки» при Совете по прозе Союза писателей России. Публиковался в сборниках «Точек», журналах «ЛИterra», «Невский проспект», «Литературной газете». Актёр театра-студии «Голос». Действительный член Международной Академии литературы, науки, искусств «Русский слог». Лауреат II Международного театрального фестиваля «Театр начинается» (Санкт-Петербург) и Национальной литературной Премии «Золотое перо Руси» за литературно-музыкальный спектакль «Дай мне руку» (по переписке Марины Цветаевой и Бориса Пастернака). Член жюри Всероссийского поэтического конкурса «VOZрождение Родины» (Тольятти, 2023).

ОБРАЩЕНИЕ К ПРЕЗИДЕНТУ

Президент! Я сейчас не о том, что война дерьмо,
нам об этом насквозь прожужжали уши
так, что негде ставить на нас клеймо,
где б мы ни были – на море иль на суше.

Я солдат, и дело моё – стрелять,
а нюансы, как правило, не меняют сути,
и неважно, какая там пристяжная бл@дь
верещит «агрессор», не обессудьте.

Президент! Я знаю, что вы один
в окруженьи врагов и подлейшей свиты,
но, простите, я всё ж не такой кретин,
чтобы думать, что все ваши карты биты.

И хотя отовсюду вам поворот
от ворот, и в колёса палки, и в сердце жало,
но у вас ведь есть ещё ваш народ,
и, поверьте, это не так уж мало.

Президент! Семидесяти двух часов
не хватило, а может, и лет не хватит,
мы имеем дело со сворой псов –
разговор о мире здесь не прокатит.

Это не спецоперация, а война,
надо это признать, чтобы сделать вывод:

перед нами отравленная страна,
воевать «на цыпочках» с ней – не выйдет.

Президент! Отдайте такой приказ,
чтобы он, наконец, развязал нам руки,
чтоб обрушить весь боевой припас
на их «Грады», на их «Точки-У», на «Буки»,

чтоб стереть их, гадов, с лица земли,
чтобы впредь другим неповадно было,
чтоб стянуть бандере узлом петли
горло, и чтоб – никакого мыла.

И ещё, совсем позабыл сказать...
Я убит вчера в бою под Попасной.
Так случилось. Меня не вернуть назад.
Сделайте, чтоб я не был убит напрасно.

апрель 2022

ПАМЯТИ ПОЛКОВОГО СВЯЩЕННИКА ОТЦА МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВА

Горько рыдать о тебе безутешной вдове,
ты и по жизни шагал, как всегда, напрямик.
Царство Небесное, пастырь всяя ВДВ,
воин, священник, герой, настоящий мужик.

Что тебе смерть? К тебе трижды цеплялась она,
била в упор, со спины нападала, как тать,
ей наконец удалось... Что ж, на то и война,
не убивать мы идём на неё – умирать.

Да и не мне объяснять, что у каждого крест
свой. Ты погиб, но ведь это ещё не конец,
сколько ты раз с парашютом спускался с небес,
время пришло подыматься... Мужайся, отец.

Я всех молитвенных правил слова позабыл,
только одно нерадивые шепчут уста –
Отче, прими, иде раб твой к тебе Михаил,
душу свою положивший во имя Христа.

СЫНА УБИЛИ

Сына убили. Слякотно нынче, сыро...
Бедный мой мальчик, что мне тебе ответить?
Нет тебя больше. Нету. Убили сына.
И никогда не будет его на свете.

Что мне теперь, зачем мне теперь всё это –
звёзды, посулы, пошлые разговоры?
Сына убили. Нет его больше, нету...
Свет не гашу и не опускаю шторы.

Вот он живой глядит на меня с портрета,
чёрным не обрамляю – невыносимо.
В это нельзя поверить и разве это
можно себе представить: «Убили сына»?..

Очень прошу, не плачьте. Он был мужчиной.
На поле брани пал мой прекрасный витязь.
Нет больше сына. И небеса с овчину...
Только молитесь. Веруйте и молитесь.

ВАГНЕР

На Донбассе воюет «Вагнер».
Не кино здесь «Игра престолов» –
настоящие свищут пули,
разрывая в куски тела...
На Донбассе воюет «Вагнер».
Смерть на скрипке играет соло,
и уже не согреет солнце
землю, выжженную дотла.

На Донбассе воюет «Вагнер»,
дуют медные, что есть дури,
кулаком ударяя в бубен,
отбирая за домом дом,
шаг за шагом и такт за тактом,
строго следуя партитуре,
приближает победу «Вагнер» –
честным ратным своим трудом.

«Вагнер» с Родиной на контракте,
с Богом «Вагнер» на договоре,
как солдат, искупивший кровью
все накопленные грехи,
так ударит в последнем акте
он по укро-фашистской своре –
запылают в мозгу отродья
ярко-красные языки.

В министерстве его не любят,
но плевал он на министерство,
и без страха он лезет в драку,
и походка его тверда,
«Вагнер» точно по целям лупит,
управляя своим оркестром,
только «Вагнер» идёт в атаку
и в боях берёт города!

Здесь не опера, не театр –
ветры бесятся в чистом поле,
пусть победа придёт не сразу –
мы дождёмся. Ну, а пока
увертюру играет «Вагнер» –
завывает гобой от боли,
рвутся струны на контрабасе,
кровь сочится из-под смычка.

Сергей КРИВОНОС

ЛНР, г. Сватово

Родился в посёлке Сосновом Сватовского района Луганской области. Закончил Луганский пединститут. Журналист. Член Межрегионального Союза писателей, Международного сообщества писательских союзов, автор 16 поэтических сборников (для взрослых и детей). Лауреат Международной литературной премии им. Сергея Есенина (Союз писателей России, 2012); литературных премий им. Николая Ушакова, Михаила Матусовского, Бориса Гринченка, Татьяны Снежиной, Владимира Даля; победитель и призёр международных литературных конкурсов «Звезда полей» (Москва), «Славянские традиции», «Русский stil», «Интеллигентный сезон», «Лучшая книга года» (Германия), IV и VI Международных Грушинских интернет-конкурсов, лауреат Всероссийского поэтического конкурса «Человеки и коты» (Тольятти, 2023), дипломант Всероссийского поэтического конкурса «VOZрождение Родины» (Тольятти, 2023).

* * *

И любимых порой ненавидят. Бывает, они
Предают безрассудно, не глядя в глаза виновато.
Так и я ненавижу Отчизну в печальные дни
Рокового разгула доносов, убийств и предательств.

О победах мифических громко в фанфары трубят,
На обломках разрушенной памяти радостно скачут.
Ненавижу такую страну, ненавижу, любя,
Но живу и надеюсь, что скоро всё будет иначе.

Я в державу впадаю, как будто река в океан,
И пронзают меня в сердце Родины бьющие грозы.
Но она славит тех, кто вели в Бабий яр киевлян,
Кто людей разрывал, привязав их за ноги к берёзам.

И по Киеву движется чёрной толпою беда,
Рассекают покой устрашающе отблески свастик,
Прогибается с болью под нею брусчатка тогда
И мучительно стонет ослепший от свастик Крещатик.

Да, любимые могут предать и пойти по рукам,
Это крепко усвоено мною совсем не из книжек.
Но Отчизны своей никогда не предаю, не продаю
И поэтому ныне так сильно её ненавижу.

2020

Наталья ЛИТВИНЕНКО

ДНР, г. Донецк

Окончила ДонНУ (математик и журналист печатных СМИ), работала как журналист-внештатник. Гражданка ДНР и России. Была в ополчении (мобилизационка от 14.07.2014). Православная. Член Компартии ДНР и КПРФ. Член СП ДНР и поэтических клубов «Лотос» и «Логос». Участник концертной бригады «Донбасский характер». Автор книги стихов «То, что хотела сказать Перепёлка». Публиковалась в журналах «Графоман», «Ротонда», в газетах «Университетские вести», «Железнодорожник Донбасса», «Коммунист Донбасса», в литературном альманахе творческой среды «Монолит», в воронежском журнале «Подъём», коллективных сборниках. Призёр (III место) конкурса «Поэзия объединяет», победитель конкурса «Донецк – моя любовь», лауреат международного конкурса «Молитва» в номинации «Поэзия», победитель Всероссийского поэтического конкурса «VOZрождение Родины» (Тольятти, 2023).

* * *

1

Боже, помилуй мой город, в котором нет горячей воды.
Не осталось слёз и почти не осталось мужчин.
Есть сирень. В центре города будто бы расцветают сады.
Но не радует это и даже злит без причин.
Я не вижу почти никого из птиц, не слышу по голосам.
Я не вижу шумных грачей и весёлых детей.
Город пуст и помыт, он стоит вообще ничей.
В нём холодную и обстрелы дают только по часам.
В нём холодную не дают, а привозят бак.
В нём обстрелы выдают полный сервис-пак.
В нашем городе что-то совсем не так.
Даже песня вдруг из машины не в такт.
Завершился Пост, травы дали в рост.
Этой край на излом и совсем не прост.

2

Боже, спаси этот город, над которым летит ворона,
Солнце вылазит, напугано и осторожно.
Боже, спаси этот город повзводно и порайонно,
Ибо земля близко и тепло почти невозможно.
Я вот не знаю, а кто это там грохочет –
Подлый ли враг или бьются богатыри?

Я вот не знаю, а ворон поживы хочет.
Видит её далеко, до новых границ земли,
До самого конца света. А может – и до начала, и до Глагола.
Что подняло его – взрыв? Противоракета?
Обсуждаемая килотонна?
Ворон один, неспешен он и печален, и неуспокоен...
И не кончается страшное это лето.
И не кончается бесконечное это лето...
...И не кончается смертный в степи подсолнух.

3

Боже, помилуй! Закончилось первое лето
Среди зимы, и от снега отряхивается пехота.
Боже, храни этот город в сумерках до рассвета,
Ведь ни ослабы нету и ни укорота.
Там наверху как стучатся вагоны в сцеплениях,
Бьют в барабаны переразмерными ботами.
Смерть доминирует здесь над рожденьями,
Бьёт сверхурочно, сверху и с переработками.
Бьют круглосуточно. Кажется – близко.
Если вдруг тихо – нас этот пугает покой.
Я так устала свои переписывать списки:
Реже – за здоровье, чаще – за упокой.
Нынче вопросы поставлены *рубо**.
Ныне общественное становится личным.
...А наверху всё режут бесконечные трубы
Залпами целыми или частичными.

**Рубо – ребром, бескомпромиссно*

* * *

(Про то, как мы были в храме, и тут случился обстрел)

Громыхало по-январски жарко.
В жёсткости работы боевой
Исправлял прицельную помарку
Новый беспилотник внеземной.

Даже мы, обстрелянные души,
Воробьи бывалые войны,
Удивлялись – кто и чем там глушит,
Что там за стволы наведены.

Никуда никто не разбегался,
Вовремя и слаженно пел хор.
Наверху небесный полк держался
От иных времён до этих пор.

Грохотала праведная сила.
Новости шумели каждый час.
И за цепь перехватив кадило,
Батя правил ладана запас.

Обходил то влево он, то вправо
Образы иконные отцов.
Обходил, как будто бы заставы,
Будто строй заслуженных бойцов.

А когда пропели: нету смерти,
Потребится смерть, уйдёт беда –
Громыхнуло так, что в аде черти
Бодро разбежались кто куда.

Скоро скажут: отворите двери,
Час пробил сурового Суда.
Нынче в логово загнали зверя
И уже ударили туда.

Покидайте ваши катакомбы –
Трубами оплётенный подвал.
На людей не будут падать бомбы,
Чтоб никто уже не умирал.

Утирайте под глазами слякоть.
Ободряйся, сердца скучный стук.
Больше людям не придётся плакать
И терять любимых и подруг.

Береги нас, наша оборонка!
Вышний и земной дивизион.
В аде наблюдается воронка,
И весна теснит со всех сторон...

* * *

План неведомого города
На неведомой земле
Нарисован лапкой холода
На трамвайном на стекле.

Может, их границы внешние
Снежные
Каждодневно не бомбят?
Я смотрю на них с надеждою
Но насквозь проходит взгляд,
Где у нас другой расклад:
Тут враги побед не празднуют,
Тут мой город ленинградствует
Сколько лет уже подряд.

Наталья МАКЕЕВА

г. Москва

Родилась в 1975 году в Москве. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Автор двух сборников прозы и одного – поэтического. В 2014 году поддержала возвращение Крыма в состав России и борьбу народа Новороссии против киевских нацистов. Член Союза писателей России и Союза писателей Донецкой Народной Республики, журналист, политолог, общественный деятель. Участник патриотических митингов, конференций, круглых столов, в том числе – на тему судьбы бывшей Украины. В 2019 году заняла II место на конкурсе добровольцев Донбасса «Обожжённые сердца» им. Вадима Негатунова. С 2015 по 2021 год более десяти раз посещала территории ДНР и ЛНР. Поэтический сборник «Векторный лотос» был полностью изготовлен в Донецке. Презентации книги прошли в Харцызске, Горловке, Донецке. В 2022 году поддержала признание Россией народных республик Донбасса и начало Спецоперации. В июле с агитбригадой посетила Ростовскую область, где приняла участие во встречах с участниками СВО (специальная военная операция). Дипломант Всероссийского поэтического конкурса «VOZрождение Родины» (Тольятти, 2023).

СОБЫТИЕ

(посвящается Спецоперации)

Мы возвращаемся в Историю –
всему на свете вопреки.
И нам кричат, что нет, не стоило
На битву поднимать полки.

Мы снова стали неудобными,
Мы снова встали в полный рост!
Берём своё, родное, кровное.
Наш выбор радикально прост:

Собрать разбросанные камни,
Собрать себя из тех руин,
В которых мы, казалось, канули,
Где ты – один и я – один...

Но, рождены земли просторами,
Где бродит вольная гроза,
Мы возвращаемся в Историю
Сказать своё большое «Да!»

НА БЛОКПОСТАХ

На блокпостах – сиянье горних крыл
И крепкий чай, белёсый от сгущёнки.
Следы в седой теряются позёмке,
И каждый след по-своему простыл.

Тревожный взгляд, неспешный разговор
Под дальний «шум» и шорохи степные.
Там ходит кто, или метнулись крылья
И унеслись за старый террикон?

– Кто здесь? – Да тут стоял один,
Он родом, говорят, из Краснодона.
Пришёл в чём был, ответ по позывному...
Вон, за пригорком несколько могил.

А землю укрывает снегопад,
И белые куда-то едут фуры.
Продрогшие крылатые фигуры
На блокпостах заснеженных стоят.

КРЫМ

Тьма внутри, и тьма опять снаружи,
Воды бьются в острых берегах.
Лето, август, берег Крыма южный,
Гальки шум и шорохи песка.

Отблески над чёрной гложнут гладью
Голоса глотает ветра вой.
Заливает мрак лихую память
И в пучину тянет за собой.

Этот мир не будет больше прежним,
Миру снится новая война.
Лабиринт нестройных отражений
В облаках рисует письма.

Завтра шторм утихнет, и на берег
Радостно посыплется народ.
И тугая отпускная нега
Городок, играя, обовьёт.

Где ты, буря, где ты, смерти жало?
Солнечные блики на воде,
Музыка летит над сонным пляжем
В мирной растворяясь суете.

Миру снится – он опять на грани,
На пределе лени и тепла.
Этот мир не будет больше прежним –
Миру снится новая война.

НОВОРОССИЯ (2014)

Перед рассветом сгущается тьма,
И упыри всё наглее и злее.
Новая Русь! Ты права, ты – права!
Скоро заря над тобой заалееет.

Жовто-блакитные орды падут.
Наша земля – наша вечная сила.
Пой, Новороссия! Бейся, Донбасс
За Русский мир, за Большую Россию!

Видишь – колонны предателей
И в полнеба тоска...
Путин, признай Новороссию!
Путин, введи войска!

Мы никому ничего не простим.
Только история, только победа!
Слышите, в Киеве – близок финал.
Так поскачите ж ещё напоследок!

Вечность – за нас и священный простор,
Даже из пепла Россия восстанет.
Русские мы! Наше имя – Стрелков!
Значит, победа будет за нами!

Видишь – колонны предателей
И в полнеба тоска...
Путин, признай Новороссию!
Путин, введи войска!

Путин, признай Новороссию!
Путин, признай войска...

Екатерина РОМАЩУК

ДНР, г. Горловка

Родилась в 1985 г. в Горловке. Член Межрегионального союза писателей и литературного объединения «Стражи весны». Выпускница Горловского института иностранных языков. Публиковалась в альманахах «Восхождение», «Славянские колокола», «Литературная Горловка», в журналах «Донбасс», «Хортица», «Северо-Муйские огни», «Метаморфозы», «Страна Озарение». Участница съезда молодых писателей Донбасса (Славянск, 2008). Автор поэтических сборников «Рассвет» и «За гранью Слова». Лауреат региональных премий им. Олега Герасимова, им. «Молодой гвардии», дипломант Всероссийского конкурса им. Павла Беспощадного «Донбасс никто не ставил на колени».

* * *

Мой город охрип от молитв,
Мой город оглох от бомбёжек,
Мой город сегодня безлик...
Прошу: защити его, Боже!
Голодный, как брошенный пёс,
И часто дрожит от озноба.
Мой город, уставший от слёз,
Ещё уповает на Бога...
Калека, бессильный на вид,
Но тлеет в нём дух поколений.
Мой город стоит на крови...
За то, что не стал на колени.

* * *

Это ложь, что к войне привыкают,
Что черствеют людские сердца.
Не бывает у времени края,
Так же боли не видно конца.
И неважно, часы или годы
Совершают убийственный грех.
Это сердце бомбят, а не город.
Это ты умираешь за всех.
В небе душ безголосая стая
(Их смертям оправдания нет).
Это ложь, что к войне привыкают...
Невозможно привыкнуть к войне.

ВОЙНА ОПЯТЬ СТУЧИТ В МОЁ ОКНО

Война опять стучит в моё окно,
Скрипит когтями по оконной раме.
И вновь снаряды разрывают ночь,
И хочется бежать скорее к маме.
Нет. Не могу. Ведь рядом дети спят.
(Я сильной быть должна, чтоб страх не выдать.)
Им снится сон про семерых козлят,
А за окном... (И к горлу ком обиды.)
У смерти и войны похожий взгляд:
Тяжёлый, обжигающий, бесстыжий...
Глаза закрою. Я должна понять,
Что всё проходит. Нужно просто выжить.

ГОРЛОВКЕ

Мой город спит, укрывшись одеялом
Из ярких звёзд, которым счёта нет.
И лишь луна, что выглядит усталой,
Считает окна, где не гаснет свет.
Мой город сильный. Весь в трудах, заботах.
Его характер крепкий, как гранит.
Он целый день кипит, живёт работой.
А ночью... как ребёнок малый спит.
Мой город спит. Так тихо и беспечно.
И радужные, верю, видит сны.
Пусть город мой живёт под небом вечно,
А это небо будет без войны.

Владислав РУСАНОВ

ДНР, г. Донецк

Родился 12 июня 1966 года в г. Донецке. Окончил Донецкий политехнический институт, инженер-геологоразведчик, кандидат технических наук. Член Союза писателей Донецкой Народной Республики и Союза писателей России. Автор 33 книг стихов и прозы, вышедших в издательствах «Крылов», «Астрель» (Санкт-Петербург), АСТ, ЭКСМО (Москва), «Шико» (Луганск, Севастополь), «Edit», «Рапан-Принт» (Донецк), СеЖеГа (Симферополь). Переводил с английского прозу Артура Конан Дойла, Грегори Киза, Джорджа Мартина, Джо Аберкромби, Гилян Флинн, стихотворения Эдгара Алана По, Редьярда Киплинга и др. Редактор-составитель сборника гражданской поэзии Донбасса «Час мужества» (обладатель специальной премии в номинации «Поэзия» Московской международной книжной ярмарки 2015 года). Лауреат премии «Лунная радуга» в области литературы (2014). Кавалер Ордена им. Ф.М.Достоевского 1-й степени (2016). Лауреат Всероссийского поэтического конкурса «VOZрождение Родины» (Тольятти, 2023).

* * *

Поля надели маскхалаты,
вороний грай.
Глядят расстрелянные хаты
за небокрай.

Торчат, чернея, дымоходы,
как в небо перст.
День ото дня и год от года
неси свой крест.

И ждут, почти что без надежды,
бойцы приказ,
который, получив депешу,
комбат отдаст.

И потекут, прорвав барьеры, –
долой тоску! –
рекой стальной БТРы
по большаку.

Поддержат братьев батарей
стеной огня.
Победа воинов согреет
к исходу дня.

Рванёт на всю, героев встретив,
гармонь меха,
И расцветут улыбкой стрехи
разбитых хат.

2021

* * *

Когда в эфире что ни час
бурлит злословье,
покрепче зубы сжал Донбасс,
стоит несломлен.

Когда исчадий Сатаны
оскал кровавый,
и что ни день кошмар войны
приходит в яви,

когда безжалостные дни,
и ждём мессию,
Россия, руку протяни!
Приди, Россия!

И мы услышим рёв машин
и рокот траков,
и частой дробью калаша
поддержат драку.

Тогда российского орла
взметнётся знамя,
и в небе синем два крыла
плывут над нами.

Неудержимо на закат
волна победы
пойдёт, как много лет назад
шагали деды.

2022

* * *

Я видел пробитые навывлет панели,
я слышал, как пули срезают ветки,
я знаю, как вести себя при артобстреле,
я умею отличать «прилёт» от «ответки».

Я видел, как дети боятся неба,
я слышал, как мать рыдает над сыном,
я знаю, как город выживает без хлеба...
И я не сумею простить Украину.

2019

Светлана САВИНСКАЯ

ДНР, г. Горловка

Родилась в Донецкой области. Окончила Днепропетровский горный институт, работала мастером погрузки, ведущим инженером отдела маркетинга. Несколько лет жила в Наро-Фоминске Московской обл., в Воронеже, работала в игорном бизнесе. С 2007 года проживает в Горловке, ДНР. Член лито «Забой» в Горловке, «Истоки» в Ждановке. Автор сборника гражданской лирики и прозы «Я вижу свет». Публиковалась в «Литературной газете», республиканских и международных сборниках. Лауреат Всероссийского поэтического конкурса «VOZрождение Родины» (Тольятти, 2023).

ВСТРЕЧАЙ, РОССИЯ, НАС, СВОИХ ДЕТЕЙ!

Встречай, Россия, нас, своих детей!
Наш путь домой был бесконечно долгим.
Мы те, кто рождены среди степей,
Взлелеяны ковыльным ветром вольным.

Одежды наши рваны и в пыли,
Ты не брани, что в кровь разбиты ноги.
Мы знамя наше сквозь огонь несли,
Родных, друзей теряя по дороге.

Мы изменились, быстро повзрослев.
Покрылись души и тела рубцами,
Но не остыл наш благородный гнев,
Не опустили рук своих с мечами.

Не в гости, навсегда к тебе пришли.
С тобою чтобы в радости и в горе.
Храним твои мы свято рубежи –
Мы стражи твои вечные в дозоре.

Веками, как бы враг ни нападал
На землю нашу, будто волчья стая,
Донбасс тебя ни разу не предал,
Собою от ударов закрывая.

ГОРЛОВКА

Я – Горловка, воскресшая из пепла!
Я – город, что расстрелян был в упор.
От слёз и горя я почти ослепла,
Возмездия ждёт каждый дом и двор.

Я выжить вопреки всему посмела,
Отстроила сожжённый вами храм.
Болит моё израненное тело,
Но не упала к вашим я ногам.

Нет больше страха у меня во взгляде,
И если предстоит последний бой,
Своей земли я не отдам ни пяди –
Здесь всякий переулок мне родной.

Настанет день, когда расправлю крылья,
И, бросив свысока победный взор,
Освобожусь от горького бессилья,
И вынесу вам строгий приговор.

Пророчеством останутся священным
Слова, что были сказаны давно:
«Донбасс никто не ставил на колени,
И никому поставить не дано!»

Валерия САЛТАНОВА

г. Ростов-на-Дону

Родилась 11 июня 1966 года в Пятигорске. Имеет музыкальное образование. 30 лет прожила на Крайнем Севере, в г. Воркуте. В 80–90-е годы возглавляла воркутинское литературное объединение «Сполохи». Вела литературную страницу в воркутинской газете «Заполярье». После окончания московского Литературного института и переезда в Ростов-на-Дону занимается переводческой, литературоведческой, редакторской, издательской деятельностью. Работает ответственным секретарём и заведомом литературной критики в литературном альманахе «Гражданинъ»; главный редактор сайтов Литпоэтон и Литпоэтон-конкурс. Автор девяти поэтических книг и двух песенных сборников, участник антологий современной поэзии. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Лауреат литературной премии им. А. Е. Ванеева (Республика Коми), «Российского писателя» за 2021 год (поэзия), международных поэтических и музыкальных фестивалей. Член жюри всероссийских поэтических конкурсов «Человеки и коты», «VOZрождение Родины» (Тольятти, 2023).

МОЛИТВА О РОССИЙСКИХ ВОИНАХ

Пусть спасутся – таской, каской,
Материнскою молитвой,
В дни поста им перед Пасхой
Пусть ничьей не стать ловитвой.

Хоть упёрлась нечисть рогом,
Упиваясь грязной славой,
Только вы чисты пред Богом,
Потому что бой ваш правый.

Пусть Отчизне ваша клятва
Над бедой голубкой вьётся
И с полей кровавых жатва
Бумерангом обернётся.

Вы свой путь не долистали,
Ждут вас новые рассветы...
Мы пошьём вам крепче стали
Из молитв бронезилеты.

21 апреля 2022

НА ГРАНИЦЕ

Здесь нам неуютно по-соседски,
Ибо глух душой сосед у нас.
Просыпаюсь с мыслью о Донцке,
Засыпаю с думой про Донбасс.

Можно верить лжи, мечтать о счастье
И на лёгких крыльях мчать вперёд...
Но детей, разорванных на части,
Даже Бог теперь не соберёт...

ШАНС

Каким бы судьба ни снабдила подарком,
Роптать недостойно – грешно обижаться.
Нам выпала честь в этом времени жарком
России служить. За Россию сражаться.

От слёз материнских, сиротских и вдовьих
Не спрятаться вне и внутри не укрыться...
Гуляет война в разорённых гнездовьях,
В разверстых война верховодит глазницах...

Всё валим на время, коль страшно и больно:
Мол, время такое – не мы, извините...
Но время аморфно и время безвольно,
Когда не наполнено током событий.

Не рок, занесённый над нами над всеми,
А рук человеческих деянья-запруды...
Мы сами – своё беспощадное время,
Мы сами себе – палачи да Иуды...

Мгновения не хороши и не плохи,
Пока их ветра перемен не коснутся...
Знать, выпал нам шанс стать сильнее эпохи:
Стать вровень с Россией, с ней вместе очнуться!

10 мая 2022

ПЕВУЧАЯ ПАМЯТЬ ЭПОХ

Ты послушай, послушай – за эти слова
Мы обязаны скифам, и тюркам, и грекам:
Как же память медвяная предков права,
Все созвучья и смыслы собрав по сусекам!

Доброполье, Харцызск, Виноградное, Бык,
Красногоровка, Райское, Береговое –
Сам собой набирается неги язык,
Создавая и пестуя слово живое!

Очеретино, Ракша, Весна, Благодать,
Святогоровка, Мирное, Зайцево, Яма:
Произнёс – и до счастья рукою подать,
И парит многомерно души голограмма...

Волчий Яр и Коровий, Рубцы, Редкодуб,
И Долина Зелёная рядом с Заречным:
Только скажешь – и тотчас движения губ
Призывают быть искренним и человечным!

Город Счастье как символ свободной земли,
Старый Крым, Мелитополь, Донецк, Волноваха
В сердце русское с отчею кровью вошли
Необузданной волей степного размаха!

Тихо Камышеватое спит в камышах,
И Разбойничий лес нежит всплески и вздохи,
И в Зелёном Яру тонет в зелени шаг –
Здесь великой палитрой смешались эпохи.

Шёпот волн городищевского ковыля,
Красногоровских далей щедроты и сини –
От античности память ведём, не с нуля! –
Это русская наша от веку земля,
И стоять ей вовеки, и зваться Россией.

9 сентября 2022

ЗАГОВОР НА ПОБЕДУ

Сражаются Вани да Васи
За истину Русской весны.
А кто-то – в бессрочном запасе,
А кто-то – утёк из страны...
Но наша немеркнуща сила,
Ведь только великий силён!
Моя дорогая Россия,
Ты – ключ от грядущих времён.
Ты – свет искупительный в бездне,
Ты – луч в тёмном царстве вранья...
О, встань над бедой, не исчезни
Средь погани и воронья!
Ты, словно из горнего света,
Вся сотканная из любви –
Заложница злого навета
С берёзовым соком в крови.
Безмерная в славе и битве,
Ты выдержишь эту грозу!
Мы, дух утверждая в молитве,
С надеждой мешая слезу,
Тебя продолжаем стихами...
Ты выберешься из пике,
Бесстрашная в каждом дыханье,
Бессмертная в каждой строке.

17 октября 2022

Виктория СЕМИБРАТСКАЯ

ДНР, г. Донецк

Поэт, прозаик, интернет-журналист. Автор поэтического сборника «Точка в сердце». Участник многочисленных коллективных сборников поэзии и прозы, литературных журналов, выходящих в ДНР, России, Сербии. Постоянный эксперт жюри международных литературных конкурсов. Автор идеи и составитель альманахов «Три четверти столетия Победы», «Герои городской застройки». Составитель первой хрестоматии по сетелитературе «Почему я никогда не напишу об этом в соцсетях».

Руководитель международной литературной интернет-площадки «Современник». Член Союза писателей ДНР. Дипломант всероссийских поэтических конкурсов «От фонаря» (Тольятти, 2022), «Человеки и коты» (Тольятти, 2023), лауреат Всероссийского поэтического конкурса «VOZрождение Родины» (2023).

ВРЕМЯ О

Начинается время Z –
Время гнева и новых слов.
Обнажаюсь. Бронежилет
Во всю душу не в счёт, не в счёт.
Нет окопов, мы в полный рост,
Жёстче резкость, точней прицел.
Завывает стальной норд-ост,
Бьёт осколками по спине.
Алым стягом залита явь,
«Сила в правде!» – хрипит комбат.
Закипают котлы в степях,
Гнусно щерится ренегат.
Приближается время V –
Ликований, салютов гром.
Сохрани нашу память, век,
На висках снежным серебром.

ПРИЛЁТ

Я слишком хрупкая для войны,
Болею сердцем и беззвучно плачу.
Сегодня снова не было тишины,
Но жизнь идёт, и этот мальчик
Праздновал свой шестнадцатый год,
На крыльях летел, провожал подругу.
Сейчас у подъезда он смело шагнёт
Губам навстречу. Мысли кругом:

Двор, и облезлый соседский кот,
Юности двери распахнуты счастьем...
Где-то голос, пронзительный, словно лёд:
«Триста тридцать три!» Ад из пасти –
Рвёт осколками зверь боевой,
Даже молитвой теперь не согреться.
В русскую землю истекает любовь
Из пробитого настезь сердца.

ГОРЬКО

Ты стоишь высоко на крыше,
Для прохожих – скрипучий флюгер.
В облака позвало затишье,
Мир-война в неизменном круге.
На ладони блестит осколок,
Свежий вестник залётной брани.
Дождь сочится в утробу дома,
Забинтуешь сквозную рану.
Год восьмой ни ночей, ни свадеб,
В рост полынь, полыхает зорька...
Август. Нивы и нервы сжаты.
Гул снаряда взрывает «Горько!»

МОМЕНТ ИСТИНЫ

Не печальтесь, не плачьте, не бойтесь,
Мир прозрачней и видно втройне.
Сёстры, матери, дочери, жёны
Крест несут на священной войне.
Укрывая молитвой любимых
Поцелуют, наказом печать:
«Честь и правду, родные, несите,
За спиной наша Родина-мать!»
Уготована каждому чаша,
Не минуть тот решительный бой.
Поминутно час истины свяжем,
В ногу с Богом незримой тропой.

Леонид СОВЕТНИКОВ

Ярославская обл., г. Рыбинск

Родился 11 ноября 1955 года и живёт в г. Рыбинске Ярославской области. Закончил Рыбинский полиграфический техникум (1975) и три курса Ярославского пединститута по специальности «История, обществоведение, государство и право». Учёбу пришлось прекратить из-за тяжелой травмы позвоночника в 1980 году. Член Союза российских писателей, член правления Ярославского регионального отделения Союза российских писателей. Автор пяти поэтических книг. Публиковался в журналах «Дети Ра», «День и ночь», «Москва», «Паровоз» и др. Лауреат международной премии «Филантроп» (2014), конкурсов «60 плюс» журнала «Москва» (2018), «Степные всполохи» (Ростов-на-Дону, 2018), «Молитва» (2022), дипломант Всероссийской православной литературной премии им. Александра Невского (СПб, 2017), Германского международного литературного конкурса «Лучшая книга года» (2016, 2017), международного конкурса «Золотой гранд Германии» (2019). Награждён Знаком отличия литературного журнала «Невечерний свет» (СПб, 2019). Победитель Всероссийского поэтического конкурса «VOZрождение Родины» (Тольятти, 2023).

* * *

Какой по счёту движется волна?
Кто ж различает, кто считает волны.
Опять шумит гражданская война,
Кто разжигает, кто вздымает войны?

Вновь ангел бьёт крылами о броню,
Как мотылёк ночной о стёкла в доме.
И самолёт, как ангел, о стерню
Не в детском разбивается альбоме.

И я не сплю. И это не во сне
Грохочут мысли, как ракет разрывы...
И лишь ночная бабочка в огне
Напоминает: мы с тобою живы

И смерти нет. А к мальчику в крови
Она пришла, чтоб отступить и сдаться!
О, Боже правый! Этих – отрезви,
Кривляющихся в лапах святотатца.

* * *

Война – это гиблое дело,
Но пусть сохраняется на ней
Не те, что стреляют умело,
Не те, что доспехом сильней.

Молю, но не слышат снаряды –
Глухие болванки войны.
А те, что выцеливать рады:
«Попали!» – злорадства полны.

Открыты глазные воронки
И некому тихо смежить,
А детские руки так тонки
И некому накрест сложить.

ОМОФОР

Как в зеркале времён бывают судьбы схожи:
Тринадцатый, к концу пришедший, век и наш.
И Киев там и тут ущербен весь, до дрожи,
Под западной пятой – пропажа из пропаж.

Митрополит Максим во сне увидел Божий
Знак: Девы омофор в своих руках... Мираж?
Но во Владимир он отъехал в день погожий
Через Дебрянский лес – от киевских пропаж.

Так город был лишён духовного престола,
И в нынешние дни мы видим наяву
Стяжателей церковей, служителей раскола,
Безбожных упырей, держащих булаву...

Но Девы чуден глас: «Спасу от произвола
Хотя бы тех, кого своими назову».

Анна СЫРОМЯТНИКОВА

ДНР, г. Макеевка

Окончила специализированную школу-интернат для детей с нарушением опорно-двигательного аппарата, вечернюю школу, филологический факультет Донецкого национального университета с отличием. После обучения и до 2014 года (начало военных действий) работала журналистом на сайте одного из благотворительных фондов. Автор поэтических сборников «Первые стихи Анны Сыромятниковой», «На изломанных крыльях», «Где счастье роняет свои лепестки», книги прозы «Лики жизни» и др. Член Союза писателей ДНР. *«Надо идти вперёд. Если у меня получается, то и у вас всё получится»*, – убеждена Анна Сыромятникова.

СКОРЕЙ БЫ КОНЧИЛАСЬ ВОЙНА

Скорей бы кончилась война,
И солнце жизнь позолотило.
И всё, что сердцу любо-мило,
Дала подарком тишина.

Скорей бы кончилась война,
Издали друзья вернулись.
И в мирном гуле наших улиц
Звучала трепетно весна.

Скорей бы кончилась война,
И на добро мечты воскресли,
И мир стал снова интересным,
И не рвалась надежд струна.

РОДИНА МОЯ

Родина моя... Ширь степей,
Ароматы трав, быт полей,
Мягкая зима, лёгкий май...
Щедрая земля – славный край.
Родина моя... Город роз.
Улицы надежд. Парки грёз.
Труд простых людей, их мечты...
Над гуденьем дней свет Любви.
Родина моя – мой Донбасс,
Пламенем войны жизнь зажглась.
Но придёт рассвет за бедой.
Вновь польётся мир тишиной.

Наталья ТЕБЕЛЕВА

г. Москва

Родилась в городе Саратове, больше тридцати лет живёт в Москве. Окончила факультет журналистики МГУ и Институт повышения квалификации работников телевидения и радиовещания. Автор трёх книг. Публиковалась в печатных изданиях и онлайн, в сборниках и альманахах, выступала на ТВ. Песни на стихи автора исполняет артист Ефим Шифрин. В 2020 году стала финалистом конкурса «Поэт года». Победитель Всероссийского поэтического конкурса «VOЗрождение Родины» (Тольятти, 2023).

* * *

Гляжу в глаза, как у меня почти –
на пол-лица, упрямые, зелёные.
По ним ещё попробуй-ка прочти,
зачем ему берёзки эти с клёнами

и пыль донецких солнечных степей,
где вдовьи спины травами сутулятся.
За здоровье ставь свечи или пей,
а пуля – дура, что ни век на улице.

Со рта его попробуй-ка сотри
причастие магическими числами,
где троица – сквозь триста тридцать три,
сквозь три с нулями, до полу обвислыми.

Так щедро отдаёт он и легко
непрожитое – вечность заполошную –
не за берёзки, нет – за молоко,
у сына меж губами не обсохшее.

За то, чтоб улыбнулся внук-пострел
однажды под разросшимися клёнами.
А кто-то сверху с нежностью смотрел
глазами – вот такими же зелёными.

Февраль 2023

* * *

Над «і» нависла точка невозврата.
Ни тучки. Время ясности отныне.
Стара идея, незамысловата.
А думалось, что как-нибудь, да минет,

что глыба и крепка, и монолитна,
что, кем ни намалёван чёрт, а смирен.
Но точка не стирается делитом.
Идёт ночной кошмар в прямом эфире

и в комнату врывается с экрана,
небутафорским падая снарядом.
И ощутимо бывшее пространным.
И даль близка, когда дымится рядом.

Две точки по-над «ё». Язык мой нежен,
хоть удила кровавые вприкуску.
И оказалось, только в том и стержень,
что говорю и думаю по-русски.

Ноябрь 2022

* * *

Рассветный туман первозданен.
Дождя топоток барабанный.
И привкус железный.
А между двумя городами
окопа обугленной раной
разверстая бездна.

А между двумя полюсами –
не ливнями – кровью солдата
размытая пашня.
Отстонет, остынет и станет –
рождавшая жито когда-то –
периной для павших.

Назавтра снежинки, как слёзы,
накроют, и звонки, и колки,

подлесок облезлый.
А между вот этой берёзой
и прошлой рождественской ёлкой
разверстая бездна.

Октябрь 2022

* * *

Истлела ткань смирительной рубашки,
и мир пошёл вразнос и на развес.
Кто по дрова отправился, кто в лес.
Хоть ноша и своя, а всё же тяжко.

Свободный выбор, сделанный невольно –
кто пеший, кто на крыльях, кто ползком.
А колокол-то, колокол – по ком?
На камни разобрали колокольню.

И тут же кто-то первым бросил камень,
за ним второй – и вымостили путь.
Придёт пора собрать когда-нибудь
все эти камни голыми руками.

Кренится крыша, я за ней не еду.
Глотаю дым – не горек и не кисл.
И если мне дано постигнуть смысл –
то только свято веруя в победу.

Октябрь 2022

Юрий ЧЕРЕПАХИН

ДНР, г. Донецк

Родился 14 декабря 1960 г. в г. Фергана Узбекской ССР. Окончил Донецкий государственный университет, физический факультет, аспирантуру – искусственный интеллект. В 80-х активно участвовал в бардовском движении: писал и пел свои песни. В 2002 г. создал сайт «Обретение Себя Истинного» (ретроспектива различных духовных учений и школ). Участвовал в туристических походах (Кавказ, Урал, Крым, Алтай). Работал в коммерческих структурах программистом. Первое место на конкурсе Союза писателей ДНР за стихотворение «Перепаханное поле». Лауреат Всероссийского поэтического конкурса «VOЗрождение Родины» (Тольятти, 2023).

ПЕРЕПАХАННОЕ ПОЛЕ

Перепаханное поле,
Только плуг здесь не причём
Такова у русских доля –
Хлебопашцы, да с мечом...

Перепаханные судьбы,
Оружейные стволы.
Эх, на полную вдохнуть бы!
Да секунды так малы...

Все мгновенья на учёте –
Пуля – дура, враг – умён...
Жизнь героя здесь в почёте,
Но и страх не отменён...

Жили мирно, но неверно –
Полагались на авось
Убаюкались наверно,
Вот теперь спасаем Рось...

Перепаханное поле,
Только плуг здесь не причём
Только – ветер, только – воля
И Россия за плечом...

РУССКОЕ СЛОВО

Современная война:
Навороченные пушки,
Дроны, прочие «игрушки» –
Не коснёшься мыслью дна...

Суперточные снаряды,
Кибер-воинов отряды
«Из пробирки» интеллект –
Умным стал боекомплект...

И лежал Васько в окопе –
Матерился – будь здоров!
И от этих вещей слов
Шёл озноб по всей Европе...

Помнят, сучьи потроха,
Где – твердыня, где – труха!..

КОГДА ЗАКОНЧИТСЯ ВОЙНА

Когда закончится война,
Поставлю свечку за погибших –
Главой своею Гидру сшибших,
А выжившим налью вина...

Когда закончится война,
Я вспомню нашего солдата –
Он мне родней родного брата –
Ему в душе воздам сполна...

Когда закончится война,
Пожму я руки мирным людям:
Вы не сломились, значит Будем!
Непобедимая страна...

Когда закончится война,
В граните выбью эти строки.
Но сроки! Кто же знает сроки:
Когда закончится война?..

Андрей ШУХАНКОВ

Беларусь, г. Новополоцк

Шуханков Андрей Владимирович родился 19 февраля 1972 года в столице Латвии г. Риге. С 1973 года живёт в Беларуси. Служил на Краснознамённом Тихоокеанском флоте, окончил школу техников ВМФ по специальности техник-гидроакустик. С 1995 года занимается художественной ковкой, кузнец. С 2003 по 2006 годы – председатель Полоцкого отделения Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Окончил с отличием (заочно)

Воронежский государственный университет (факультет журналистики, телевидения и радиовещания). Член Союза писателей Беларуси. Автор книг «Недосягаемая геометрия» (2007), «Запястье запятой» (2012), «Человек-оригами» (2022). Публиковался в журналах «Южное сияние», «Западная Двина», «Литературные знакомства» и др. Лауреат XXXIII Открытого фестиваля авторской песни, поэзии и визуальных искусств «Витебский листопад» (2019), дипломант Международного литературного конкурса «Большой финал» (2020), победитель (1 место) Всероссийского поэтического конкурса «VOZрождение Родины» (Тольятти, 2023).

Я В ЭТОТ ВЕК...

Я в этот век не заслужил быть убиенным.
Я в этот раз спокойно жил гражданско-пленным.
Не перепыхивал дома из миномёта.
Не забирался в закрома, страшась прилёта.
На грудь не вешал ордена. Не пил из фляги,
предполагая, что война – строка из саги
о героизме не моём, о чём-то дельном.
И неба снежный водоём был беспредельным.
И всё казалось, что по мне пройдёт едва ли
молва, что не был на войне...

А вы бывали?..

Вы перекусывали жгут на венах рваных?
Вы пролагали тот маршрут, где безымянных
грузили в спешке по мешкам клочками плоти?
И пуля к вашим ли кишкам рвалась в излёте?
Кому ещё стреляли в пах? Кому в колено?
Вы знали, как пронзает страх попеременно
песком забитые глаза?
Вы это знали?!

На этой не был я войне... Но ведь сжигали
меня в Одессе каждый день, все восемь вёсен.
Стоит обугленная тень, глядит на осень

глазами полными огня, почти слепыми.
Ищите в Горловке меня. Я с неживыми
стою единственный в строю, машу рукою,
и не молюсь, и не пою – беззвучно вою...

А ЗАВТРА...

А завтра будет тишина,
и липкий снег залепит дуло.
Сегодня кончилась война,
и столько жизнью затянуло
в её глухой водоворот,
что их считать никто не вправе...
Направолево поворот.
Направолево и до-от,
к несуществующей октаве.

А завтра вызреют хлеба,
где разминали шеи танки.
Воротит тихо ворожба
от одиночества останки.
И землю вылечит народ,
и возликует к вещи славе.
Направолево поворот.
Направолево и до-от,
к несуществующей октаве...

23-Й

Пули сбивали ветки – пальцы деревьев голых.
Солнце не восходило. Слеп предрассветный мрак.
Где-то готовил жертву полузабытый Молох...
Плотник строгал полено, мерно скрипел верстак.

В варежке мирозданья грели ладони дети.
Сны приносили счастье медленной тишины.
С каждым ударом сердце, верившее примете,
всё становилось ближе к утру своей войны.

Нет ни живых, ни павших. Нет ни чужих, ни правых.
Нет ничего, что было. Тает сгоревший снег.
Шли в бесконечность люди после боёв кровавых.
Шёл по следам их морок, словно искал ночлег.

Чья же на это воля, если она немилость?
Разве всеильна ярость, если она за нас?
Выбор простой у смерти – с жизнью несовместимость.
Выбора нет, ребята, так как мы здесь сейчас.

Дети мои – солдаты, сёстры мои – солдатки,
это ли причащенье, этим ли помирать?
В пролежнях, двадцать третий скручивал плащ-палатки
и, уходя в окопы, снова готовил рать.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПОЭТУ-ВОИНУ ДМИТРИЮ АРТИСУ

Выверни гимнастёрку и посмотри в солдата –
это осколок глупый, врезавшийся в него.
Что тебе до трофеев? Дата и ... снова дата.
Кто-то играет в вечность, кто-то играет в го.

Помнится, знал поэта, пьющего до потери –
нынче сидит в окопе, пишет через прицел.
Так открывают сердце и закрывают двери.
Только бы он вернулся. Только б остался цел.

В нас закипает память снежной далёкой вьюги,
в старом шкафу медали бабушкины звенят.
Девочки, сёстры, жёны, мальчики, братья, друзья,
видно, и вам досталось взвиться над адом, над

пеплом дороги к миру, мраком дороги к свету.
Слово в гортани стынет. Что теперь говорить?
Так остаются солью. Так берегут планету.
Так покидают землю, чтобы ещё пожить...

Это святое право – кровью служить народу.
Кровь выдаёт на правду временные права...
Выверни гимнастёрку, глянься в неё, как в воду.
Там, где прошли солдаты, скоро взойдёт трава.

Юрий СЕМЁНОВ

Самарская обл., г. Сызрань

Родился в 1929 году в г. Бек-Буди Дарьинского округа Узбекской ССР. Во время войны остался без родителей: отец погиб на фронте, мать репрессировали. Окончил Серпуховское военное училище и Ленинградский военный институт физкультуры и спорта. После увольнения в запас жил в Таганроге, где был общественным корреспондентом «Таганрогской правды». Автор двухтомника «Живём и помним». Член Сызранской городской писательской организации. Стихи и рассказы публиковались в армейских газетах «Красная звезда», «За Родину», «На страже Родины», «На страже Заполярья», в антологии прозы и поэзии «Сызрань литературная», журнале «Сызранская излучина». Лауреат сызранской городской премии «Признание». Победитель конкурсов прозы «Служу народу и Отечеству» (Самара), «Твои, Россия, сыновья» (Москва), «Согласование времён» (Франкфурт-на-Майне); поэзии «Золотое перо Руси» (Москва); авторской песни «Парнас» (Москва).

ДУШЕГУБКА

Мы, то есть, те, кто с 25-го года, курс молодого бойца прошли перед самой оккупацией, и потому на фронт не успели. И теперь вот, пройдя медкомиссию, сидим во дворе военкомата, а точнее, в курилке под цветущей сиренью, и гутарим на злободневную тему под названием «За каким хреном на Красную Армию нацепили погоны?» Когда немцы с Кубани удрали, а наши бойцы возвращались «до дому», мы удивлялись тому, что они в погонах. Красноармейцы! Или кто они теперь?

– Як беляки! – хорохорился Шурик Шадуйко из Пашковки. – Мий батько у Гражданську лупив их тута почём зря...

– Да потому что русский солдат всегда был в погонах. Кутузов, к примеру, Наполеона гнал из России...

– Ага! А мы, значить, Гитлера попёрли з того, шо у погонах?

Как-то так, хоть и в курилке, но отдельно ото всех, сидел по виду еврейчик, но с двумя значками на пиджаке – «Ворошиловский стрелок» и «Осоавиахим». Все курцы, и я тоже, оглянулись на него: что скажет? У Шадуйки тоже грудь не пуста: хоть и один значок, зато комсомольский! Где он с ним в оккупацию отсиделся, неважно, важно то, что комсомольцы – это резерв партии (так нам ещё в школе кто-то из горкома сказал), а с нею держи ухо востро. Так папа сказал. Еврейчик (а может, и нет: как в оккупацию мог уцелеть?) не смутился, а молчит, точно как Нина

Павловна, математичка, ожидая, пока расшумевшийся класс утихнет. Я смотрю на него и диву даюсь: да в его чёрных кудряшках сединки просвечивают под майским солнышком!

– Во-первых, ты никого ещё не пёр, – улыбнулся он как-то по-девчачьи, с подковыкой. – А фрицы со всей своей техникой сами драпали, боясь, как бы Красная Армия им на Кубани второй Сталинград не устроила.

– Кто тут у нас Кротов?

Вот-вот – гром среди ясного неба. Как он рядом с нами возник, комиссар в офицерских погонах? Тот самый, что утром перед строем новобранцев вдохновительную речь толкал, как нещадно надо бить фашистскую сволочь, как Красная Армия, как товарищ Сталин... Да Ёськой звали его кубанские казаки за то, что землю, подаренную самой матушкой-императрицей, он отобрал, а казака – в колхоз наравне с кацапами. Это вольного казака! Да и на слуху у нас не грузин этот, а Рокоссовский да Чуйков!

– Я Кротов, товарищ майор.

Еврейчик! Стоял, будто провинившийся в чём-то серьёзном, но пока не знающий в чём. У вдохновителя в руках газета «Советская Кубань». Развёрнутая. Он ткнул в неё пальцем.

– Вот тут статья про Ивана Кротова. Уж не про тебя ли? Совпадает.

Иван оглянулся на нас, будто и перед нами тоже виноват, вздохнул и – что поделаешь? – нехотя ответил:

– Ну про меня.

– Без нуканья! А коротко и ясно. Армия! Тут написано, что ты во всём Краснодаре один спасся из душегубки. Это как?

О душегубках мы уже наслышаны, вот и разинули рты на героя. А тот стоял как школьник перед завучем. В землю смотрел. Майор потряс газетой над его головой:

– Ну?

– Там написано.

– Тут написано, что ты в штаны напустил.

– Виноват... Так со страху...

Кто-то хохотнул, но майор придавил его твёрдым взглядом. И сел рядом с Кротовым, поёрзал задом по скамеечке, утверждаясь, значит, надолго.

– Садись. И давай всё по порядку и подробно, чтоб у красноармейца кровь в сердце огнём закипала душить фашистских гадов...

Далее я расскажу своими словами то, что рассказал Иван Кротов.

Видим в окно, два фрица калитку открывают. Мы – во двор: чего им надо? А они мимо нас, как будто во дворе никого. И напрямиком к абрикосе.

Она поздняя, зато самая сладкая, а в этом году такая урожайная, такая вся жёлтая, что аж светится.

Бобик было тьякнул из-за маминой юбки, да она нас придержала. Его за ошейник, меня за майку. Оба поняли: они сейчас *хозяйва́* в городе. Мама лохматого служаку в конуру спрятала: пристрелить могут. Стоим, ждём. Солдаты нас заметили, лишь когда уходили с полными пилотками. Остановились, косточки выплюнули в сторонку, улыбки до ушей. Из того, что сказали, я понял не много – зюсс и данке шён.

– Культурные, – поглядела мама им вслед, выслушав мой перевод. – Боюсь, друзьям похвалятся, и придут не двое, а полк. И всю её обтрусят. А мы вот что. Сейчас ведро наберём, и ты на базар отнесёшь. Пока тётя Маруся молоко продать ещё не успела, так заодно и абрикосы наши продаст.

Тётя Маруся – это соседка. У неё корова и кур полон двор, да ещё две дочки-малявки, а муж на фронте. Ну я, как был в майке и трусах, что мама сшила на лето, бегом, чтобы успеть. Базарчик этот недалеко – три длинных стола для местных торговков, площадка для барахольщиков и сарайчик. Так вот, когда я подходил, то за сарайчиком шум какой-то услышал. Будто много народу о чём-то спорят. Любопытно, что за митинг при немцах? Наоборот – все притихли. Обогнул сарайчик, гляжу. Весь товар на столах, а народ? На барахолке машина стоит, вроде зелёная, но непомытая. Вагон без окон, но с кабиной и мотором. С торца дверь открыта, и люди перед ней, оцепленные солдатами с винтовками, которые их в эту дверь и заталкивают. Грузят. Вот те на... Я всем нутром почувствовал, что отсюда надо смываться как можно быстрее. Но шевельнуться не успел, как кто-то сзади ведро из моей руки вырвал. Оглянулся – офицер очками блестит и солдат при нём, верзила под два метра, с моим ведром. Улыбаются с выражением «Ага, попался!». К тому ж, очкарик вдруг улыбку как рукой смахнул и хватить меня за подбородок. Голову мою туда-сюда повернул – шею больно – и солдату:

– Юде!

Что называется, сердце в пятках. В памяти моей ядовитой колючкой застряло, как в самом начале войны, когда появились первые слухи о зверствах фашистов в Белоруссии и Украине, папа объяснял нам с мамой, что фашизм – это вдалбливание своему народу в головы и в души понятия о своём превосходстве над всеми остальными народами. Вот и родилось в Германии «Deutschland Über Alleß!». А есть ли на земле соперник? Оказалось, есть! Как ни странно, евреи! Они ж по всему миру расселились и чёрным трудом рук не марают. И нет иного способа избавиться от их господства, как поголовное истребление. Но я же никакой

не юда! Мама моя армянка, вот и я такой чёрный. Да сказать не могу: немец за подбородок держит. А как только отпустил, махнул рукой на толпу. Солдат ведро на землю, меня под мышки и поволол. Скребу ногами по земле, ору: «Я не юда! Я их бин руссишь!». Но он молча впихнул меня в толпу. И я меж тёток вдруг почувал, что в трусах мокро и тепло. Хоть в голове и ужас (что же это со мной будет?), но жмусь: стыдно же. Да они всей кучей посадили меня на лесенку, и я очутился в вагоне. Народу – не весь ли базарчик тут? Запомнился малец, которого мать прижала к юбке и кому-то спеша говорила: «Я ёго торкаю: тикай, а вин у юбку вцепивсь и нэ як...». Тут дверь захлопнулась. И вмиг исчезло всё. Тьма. Как говорится, рук своих не видно. Какой там рук? Меня самого как бы не стало. Нет меня, хоть чувствую, что есть. То ли жуть, то ли отчаянье во мне, то ли... Не могу найти слово, да его наверно и нет ни в каком языке. Слова – это названия происходящего, а с кем и когда такое происходило? И тишина. От неё казалось, что не только меня, а вообще ничего вокруг нет. И даже ни верха, ни низа. Но длилась она лишь несколько мгновений. Из этой темноты как ниоткуда и как ножом резанул детский крик:

– Ма-а-а!..

Машина тронулась, и тут началось... Никакой художник эту картину не нарисует, потому что с чего рисовать-то? Одни звуки – топотня, вопли со всех сторон... Меня толкают, невидимыми руками ощупывают. Да ещё вдруг потянуло бензиновой гарью. И вся темнота закашляла. И мужской голос как бы выплеснулся из всего этого небытия:

– Товарищи... Нас травят!..

И захлебнулся кашлем. Я? А что я? Ни вдохнуть, ни выдохнуть. Не знаю, какой ангел-хранитель мне подсказал, но сам я это никогда не вспомнил бы, как на курсах молодого бойца химзащиту проходили, и в конце зачётов химик сказал, что есть ещё один способ – это мокрой тряпкой закрыть рот и нос. Кто-то шибко дотошливый спросил, где воду брать? Химик лишь улыбнулся: «У тебя свой краник пониже пупка. – И добавил: – Способ незачётный, но держать его в памяти нужно крепко». Это я сейчас вспоминаю, а тогда ангел, может, не памяти, а рукам дал команду, и я автоматически, без участия сознания, сдёрнул трусы и подол майки обмочил тем, что ещё осталось. Лицо закрыл, глаза зашипало, Зато с трудом, но можно было дышать, хотя кашель продолжал драть горло. А голова будто чем-то тяжёлым наливалась. И я уже без сил стал опускаться на пол. Кто-то меня придавил, кто-то наступил, а я всё крепче майку прижимал. Что дальше? Да – ничего. Помню лишь, что суматоха начала утихать. И – всё. Когда и как очнулся, не помню. Лежу на чём-то мягком, вроде на мешках. Подняться не могу, руки между ними проваливаются, а ноги в чём-то запутались, как связанные. И вообще,

я почему-то без трусов. Да и на меня навалилось что-то большое и тяжёлое. Толкаю, чтобы выглянуть, а оно снова на меня. Как живое. Сдвинул, наконец. Небо увидел! А на мне тётка, да никак знакомая: где-то я её недавно видел. И пацанчик при ней. Какими-то кукольными, неживыми глазами смотрит будто сквозь меня... Рот открыл, не укунить ли хочет? А зубки маленькие, со щербинкой. Да мёртвые они оба! Вот тут я и вспомнил всё. И детский крик «Ма-а!» из жуткой темноты, и «Нас травят!..». Да и тётка на мне та самая, что в машину меня запихивала. И гарь бензиновая... Снова ею на меня дохнуло... Ну да, ясно, что лишь в памяти, но всё равно с испугу всего ознобом окатило. Бежать! А колени-то в трусах запутались: я же их сам спустил... Так я снова руками, руками... За чей-то рукав ухватился, а труп ко мне поворачивается. Глаза закрытые, а всё равно волосы дыбом и колот в череп. Гляжу, куда ползти, а мы все в какой-то яме. До обрыва два трупа, а я всё никак через них. Из-за трусов... Корчусь, кашляю, воздух ртом хватаю и никак его проглотить не могу. И вдруг слышу чуть ли не над своей головой:

– Ты чув? Кто-сь там кашляе? Га?

По-русски! Радость? Я даже сейчас, в спокойной обстановке не могу назвать того чувства. Вот, может, как у птицы в разжатом кулаке?.. Отпихиваю тётку, что поперёк меня, а она обратно – не отпускает. Кое-как вывернулся на другой бок. Над ямой бугор свежей земли. А на краю стоят двое с лопатами. Один в фуражке, другой лысый. Разговор продолжают.

– Ага, у тэбе вже мертвяки кашляють! Закапувай швидче, доки вони не запели... – лысый воткнул лопату в землю, ногой придавил. – Дак я за шо? Прийшов кацап – и зэмлю цап! Ось кум Микола, жандарм, казав, шо германци, як з жидамы покончуть, дак зэмлю казакам вёрнуть.

Кубанское казачьё не очень жаловало «вакуированных» одесситов: «Понаихалы чомойдани з грошамы!»

Откуда силы взялись! Ноги из-под тётки выдернул, трусы спустились до пят, и я страшусь, как бы они совсем не соскочили. Дурацкий страх? Это сейчас легко сказать, а тогда... Так точно, товарищ майор, рефлекс, как вы сказали, благоприобретённый... Что дальше? Над ямой слышу:

– Трохим, а от той жидок с голой жопой, мабудь-таки живой? Вин якось торкавсь, колы я ёго тащив.

– Який там... Мы з тобой самы чуток нэ здохли, доки выкидали. А потим ще довго кашлялы... Жидок, жидок... Давай закапувай.

А ведь закопают! И никак не могу набрать воздуха, чтобы крикнуть – всё сжалось от нового страха, как на меня земля посыпется. Ногами кое-как двигаю, ползу к краю ямы. По мертвецам... Лица-то знакомые, я же их на нашем базарчике и на нашей улочке встречал и здоровался... Нет, лучше

не вспоминать... До края метра полтора. Гороплюсь успеть, пока те двое не взялись за дело, и с какой-то надеждой прислушиваюсь, о чём они говорят.

– Ни, Трохим. А вдруг? Не бери греха на душу: его, мабудь, сам бог уберёт, а мы... Да ты гля! Он же...

– Тю... Гей, ты! Ты живой чи мёртвый?

– Живой! – прорвался у меня голос, и мне уже было не до того, что ползу по трупам.

Тот, что о боге вспомнил, сорвал фуражку и стал окидывать себя крестом, воздев лицо к небу. Он потом и подал лопату штыком ко мне. Я за него двумя руками. Ну, разумеется, за те места, куда ногой наступать.

Первым делом наверху я стал трусы натягивать и озираться, в какую сторону драпать. И вижу: это ж не яма, а противотанковый ров, который мы так и не докопали! И вышло, что сами себе могилу рыли. Майку в трусы никак не засуну: мокрая ещё, а лысый держит меня за руку и зудит:

– ...а ты як живой, а не мёртвый? Уси мёртвья.

Я ему мокрый подол показываю, а его напарник талдычит про то, что я, значит, богу нужен. И для него все люди равны, тем более заблудшие. А тот лишь мою руку крепче держит:

– А ну скажи: кукуруза!

Эта проверочка возникла на Кубани с наплывом одесских евреев, и я произнёс слово с нажимом на р: «кукур-руза!» Руку, наконец, выхватил и бежал до самого дома. Бобик с радостным визгом ко мне обниматься кинулся, а мама, руки в боки, сердитая и как бы одной строчкой:

– Ты где пропадал такой расхристанный чи сам продавал, а где ведро?

С моих первых слов она села на табуретку возле летней печки. Помолчала, помолчала, глядя себе в коленки, и вдруг вскинулась:

– Господи, а Маруся-то? Малявки плачут: мамы долго нет. Я их на абрикосу...

– Хватит! – майор поднялся со скамейки, гимнастёрку под ремнём разгладил. – Все слышали? Ну, про ангела это для попов, а для советского воина – как в революцию «Варшавянку» пели: «Месть беспощадная всем супостатам!..»

*Примечание: Настоящая фамилия спасшегося **Котов**, имя не известно.*

Евгений АСТАШКИН

г. Омск

Евгений Иванович Асташкин – журналист, писатель. Заместитель редактора омского художественного альманаха «Тарские ворота», отмеченного «Золотым пером Руси» (2021). Действительный член Петровской академии наук и искусств. Публиковался в еженедельнике «Литературная Россия», в журналах и альманахах «Истоки», «Невский альманах», «Приокские зори», «Тарские ворота», «Литературный Омск», «День и ночь», «Северо-Муйские огни». Автор двадцати книг. Член Союза российских писателей. Лауреат всероссийской премии «Левша» им. Н. Лескова; VII Международного литературного конкурса «Они сражались за родину».

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Пунцовеющие завитки сентябрьских облаков, нависших над кустистыми лесополосами вдоль железнодорожных путей, рождали у него ассоциацию с разворошённым букетом вялой мальвы на краю подоконника. Такая масштабная панорама на горизонте возникала лишь при нагромождении кучевых облаков – редком госте в здешних засушливых местах. В эти минуты Михаила что-то заставляло взбегать по приставной лестнице на высоту и, прислонившись спиной к гладко струганному фронтону, празднично насыщаться перед сном видом догорающего дня. Позыв, привязавшийся к нему ещё в школьные годы, до сих пор довлел над его созерцательной душой, словно это было так важно – ловить всякие мимолётности.

Сейчас он шёл навстречу этому мареву, держа на прицеле двускатную крышу вокзальчика его степного посёлка, который называть городом язык не поворачивался. Местными вполне осознавался тот факт, что статус города достался их скромной веси лишь благодаря расположенной рядом войсковой части, численность которой приплюсовали к Типчаку. На веку Михаила посёлок бесспорно не успеет перерасти самого себя. С нагрянувшей перестройкой и вовсе замерло всякое мало-мальское строительство, здешние ПМК и ДСУ с порядковыми номерами такими-то стали после оптимизации несуразно скукоживаться, иные вовсе обезлюдели, лишь осиротевшие начальники ещё держали на всякий случай сторожей, которые ночевали в конторах, дабы их не принялись растаскивать по кирпичикам.

Летом на этих широтах смеркается очень зятяжно, люд по домам уже доглатывал новостную программу «Время» единственного телевизионного канала, а улицы ещё оглашались чьими-то задорными до дурашливости вскриками, трескотнёй лихого мотоцикла, бдительными *па-па* автомобильных клаксонов. Долго рядившийся дождик лишь скаречно пробрызгал пыльные улицы, но всё равно задышалось полегче.

Михаила никто не провожал. Мать он не стал тревожить – зачем ей потом в сумерках тянуться домой на окраинную улицу? Хотя в свои семьдесят она выглядит на диво бодрой, но шаг уже не тот, ноги столь безбожно натружены огородом, что икры приходится при выходе на люди маскировать старомодными чулками даже в жару.

Пара стандартных лавочек из бруса, на одну из которых присел Михаил, покоилась под клёнами вплотную к железнодорожной насыпи, перрон возвышался над головой. При прокладке рельсов этот вытянутый холм не стали сглаживать бульдозером, поэтому вокзальчик старомодной архитектуры с толстыми литыми стенами сидел в занижении и к нему спускался с перрона ряд ступенек.

Десятичасовой поезд до Ниваграда уже прошёл. В сетке движения не значилось больше никаких пассажирских составов, кроме товарняков. Лет пять назад на радость аборигенам ввели ещё и сумеречный одиннадцатичасовой маршрут. Через каждые два дня из тупикового областного центра Боксита прибегало нечто вроде электрички в пяток вагончиков почтового вида. К ним пристёгивался сквозной купейный вагон до Москвы. Это стало огромным облегчением. Раньше до столицы можно было добраться лишь из Ниваграда.

В такое позднее время на перроне почти никого не было, лишь дежурный милиционер и путеец с жезлом, который он обязан передавать машинисту. А вот и родимый составчик, притормаживая, резко осветил своим прожектором уходящие в бесконечность шпалы.

Проводник недоумённо взглянул на предъявленный билет до столицы: куплен в Боксите, а садятся здесь, на сотню с лишним километров дальше.

– Всегда беру там заранее в предварительной кассе, – счёл своим долгом пояснить Михаил. – Зато без проблем. А тут пришлось бы заказывать...

– Понятно, – расправил упитанный проводник собранные в трубочку губы среди сизости проступающей щетины. – А то я уже хотел докладывать по линии, что в Аркалыке один пассажир не сел. Посчитали бы, что кто-то опоздал или передумал, хотя билет почему-то не сдал...

При Михаиле была наплечная сумка с провизией на три дня и баул – домашние разносолы гостинцем сестре, которая была старше его на целых семь лет. Он протолкнулся в пустой коридор купе. Ещё на перроне разглядел, что окна прицепного вагона не светятся, за стёклами не видно никаких лиц.

Когда Михаил отодвинул дверь третьего купе, он к своему удивлению увидел, что там уже обосновалась троица: старикан с плотным до скаредности прижимом узких губ и двое парней слегка

за тридцать. Был включён лишь один плафон под потолком, поэтому свет такой тусклый. А штора на окне задвинута, вот и показался Михаилу весь вагон необитаемым.

– Потесню вас малость, – извинительно произнёс Михаил. – Такое уж место выпало по «лотерее»...

Пассажиры никак не отреагировали на это подобие шуточки, а один из парней всё же с подтекстом спросил:

– Вы докуда?

– До самого конца.

Такой ответ, видно, не особо порадовал заселившихся ранее, они вынужденно молчали, смирившись, что сразу же придётся делить купе с посторонним.

– А вы? – в свою очередь поинтересовался Михаил, тоже с тайной надеждой, что не до самого конца ему попутчики.

– Тоже до Москвы...

Значит, все трое суток не будет смены лиц и декораций...

Михаилу досталась верхняя правая полка. Уложив вещи в вагонный рундук, он взял у проводника стопку вкусно пахнущих хозяйственным мылом постельных принадлежностей и с обезьяньей ловкостью закинул наверх своё поджарое естество, чтобы не стеснять других. Попутчики, сгрудившись внизу у столика, железобетонно отмалчивались, даже между собой перебрасывались лишь незначительными фразами. Михаил прикидывал, где же они сели? Явно не в Боксите – не чувствуется городского лоска. Ещё две мелкие промежуточные станции тоже можно отбросить. Там редко садятся, поезд останавливается буквально на мгновение в два-три вдоха. Значит, из Тастау. А он в этом соседнем райцентре отработал четыре года после университета. Посёлок совсем крохотный, просматривается из конца в конец. Многие там примелькались, но эти лица ему не знакомы. Впрочем, с той поры прошло уже десять лет, может, эти перебрались в Тастау из какого-то отдалённого села...

Был бы на месте знакомый проводник Захар, у него можно было бы навести справки. Но сейчас не его смена.

Задний вагон шёл неустойчиво и в такой короткой сцепке. Через пару остановок на Узловой их прицепят к другому поезду, опять в самый хвост, будет бросать из стороны в сторону ещё ощутимей – даже не почитать книжку. Прежде он пробовал это делать, но чуть не вывихнул глаза.

Глубоко за полночь на Узловой их отцепили, и маневровый паровоз потащил вагон по лабиринту боковых ответвлений. Они оказались далеко на околице. Когда маневровый отцепился и уехал, попутчики настропалились на улицу. Михаил тоже поплёлся следом. По очереди

спрыгнули с высоко задранной подножки на гравий, ощутимо отбивая пятки. Кругом непроглядно, лишь в отдалении жёлтые квадратики окон и мерцающие грозди столбовых лампочек. Неуютно до озноба, так и кажется, что сейчас откуда ни возьмись вывернется из кромешной тьмы этакий полосатый Попандопуло и начнёт тыкать всем в живот плохо заряженным маузером: «Ну-кось, что там интэрэсного у ваших баулах?..» Пробивающие душу голоса из рупоров, делающие их совершенно бесполыми. Остро чувствуешь свою незащищённость, словно мимо тебя, несмотря на страдную пору, пролетают снежки, рождая позыв вернуться от них. А тут ещё и потянуло из-под колёсных пар злющим сквозняком.

Некомпанейские попутчики лениво покуривали, переминаясь с ноги на ногу под нескончаемые диспетчерские перелаиванья. Все знали, что гонять по путям этот прицеппной вагон будут почти до утра. Лишние пять с половиной часов вынужденного простоя, из-за этого путь до столицы растягивается на целых трое суток. С приплюсованием обратного пути почти неделя вычеркнутой жизни. А куда денешься? С пересадками добираться было бы ещё муторней из-за того, что придётся томиться в нескончаемой очереди, чтобы закомпостировать свой билет.

Попутчики не изъявляли ни малейшего желания общаться со свалившимся на их голову Михаилом, что было довольно непривычно. Чаще приходилось наблюдать, что в пути успевают сдружиться, иной начинает загружать тебя разными историями – не отмахнуться. Сейчас больше никого в целом вагоне, а от него старательно отворачиваются. Старый дядька, как стало ясно, отец этих двух парнишек. Они помладше Михаила. Папаша словно плющит каждое словечко неисправимо поджатыми губами, едва-едва выпархивает оно на волю, нещадно деформированное.

Народ начнёт набираться после Узловой, когда пойдут более крупные города. Михаил, в одиночестве челноча от нечего делать вдоль вагона, вспоминал этот затрапезный райцентр Тастау. Даже его сосед по улице Мартын, с которым учились в одной школе, а теперь он гонял в рейсы на автобазовском ЗИЛе, при упоминании об этом местечке поделился с другом детства: «Когда я проезжаю мимо этих Тастау, где ты «бичевал» несколько лет, у меня такое чувство, будто в яму проваливаюсь. Даже эти мелкие разъезды с элеваторами не действуют так угнетающе...»

Действительно, типовые двухквартирные домики Тастау из оштукатуренных щитов уныло тянутся в полукилометре от трассы, за нещадно истоптанным, колеистым полем, на котором в жару быстро выгорает всякая былинка. В распутицу там не пролезть даже в резиновых сапогах из-за вязкой глины. Населённый пункт излучает

привлекательность на щедрые ноль с минусом. У съезда с трассы громоздится паспорт – железные буквицы на таком же массивном бетонном постаменте. Маячит сие на фоне сплошных пахотных полей без единого деревца, сбоку тянется занижение урочища, пригодное лишь для выпаса скота. Проезжающим, небось, кажется, что эта непомерная железная конструкция собирается идти на таран.

Галька промеж железнодорожных путей увязливо шуршала под ногами приунывшего Михаила. Бессмысленный моцион перед сном...

Проводник высунулся и затейливо кинул с верхотуры:

– По нам! Сейчас опять начнут мотылять. А то будете потом играть в догонялки...

Снова в обжитом купе защёлкнулась дверка. Маневровый приятельски чокнулся тарельчатыми буферами с бесхозным вагоном, и снова началось – туда-сюда. Изломанный свет от фонарей постреливал сквозь щель в занавеске, отражаясь в зеркале. Гомонящие рупоры то усиливались за окном, то ослабевали при удалении. Все четверо улеглись на свои места, потушив светильники у изголовья.

Лишь к утру всё это сложное бродяжничество по многочисленным веткам угомонилось. Сквозь сон было слышно, как по купе зашаркали ноги свежих пассажиров из Узловой.

Когда Михаил разлепил глаза, его попутчики уже завтракали за столиком. Он не стал слезать, потом сам перекусит на скорую руку. Тем более, что никто хотя бы из вежливости не предлагает присоединиться.

Наконец очередь дошла и до него. Он ловко спрыгнул вниз, ювелирно рассчитав траекторию, чтобы не зацепить никого. Земляки с явным удивлением покосились на него – акробат, что ли? Да нет, просто надо дружить со спортом, и поменьше вредных привычек. В рамке окна пестрели уже более весёлые акварели: сочные перелески, перемежаемые равнинами с добротными домиками вдоль падей.

Михаил достал из сумки тетрапак с минералкой, пару варёных яиц и бутерброды. Один из братьев, по виду старший, крутанул ручку радио – полилась бодрячковая музыка с краткими дикторскими вставками. Соседние отсеки теперь наглядно сигнализировали о своей заполненности детскими восклицаниями, гулом разговоров, чьей-то гитарной секвенцией. Михаила немного задевало за живое, что попутчики не торопятся с ним панибратствовать вопреки неписаным дорожным обычаям, когда можно за трое суток так сдружиться, что и адресок дадут на прощанье: мол, милости просим в гости при случае. Вдвойне обидно, что они одни здесь опоясаны обязывающей нитью землячества.

– Вы, как я понял, из Тастау? – не выдержал Михаил.

Старикан что-то гукнул, вроде бы утвердительно.

– Я там тоже отработал четыре года, – объявил Михаил, уверенный, что сразу зародятся вопросы к нему. Но эта новость никого не заинтересовала, с ним по-прежнему не торопились завязывать тары-бары.

Закончив трапезу, он смахнул отходы на газетный листок, всё вместе скомкал и понёс к мусорному баку. Когда вернулся, увидел, что место у столика занято с обеих сторон. Видимо, ему весь путь придётся сидеть в сторонке. Насытил глаза проплывающими за окном берёзками и решил продолжить начатую тему о родном посёлке попутчиков, а то как-то всё оборвалось на полуслове.

– В Тастау была спец-комендатура, и меня поначалу подселили прямо к «химикам», больше некуда было пристроить, – сам себе усмехнулся Михаил при воспоминании сего курьёза. – В общем-то, было спокойно, все условно освобождённые, а загремели по мелким статьям: воровство, хулиганство, иные просто по собственной глупости. Работали на стройке. Досиживал там свой срок и один старый цыган, к нему перебралась вся семья. Он всё присматривался ко мне и вдруг спросил, хотя среди зеков это не принято: «Никак не могу сообразить, паря, за что же ты сидишь?» Рассмешил дядька, нечего сказать. Я ему объяснил, что после универа тружусь в редакции, а сюда поселили временно. Сам-то цыган сидел за кражу лошади, это всем было известно...

Попутчики деланно усмехнулись, но ничего не стали добавлять в поддержку своеобразной темы. Михаил решил продолжить:

– Так и прожил среди зеков два года, пока не отремонтировал себе заброшенную клетушку в почтовой общаге. А вот на днях я проезжал мимо Тастау на поезде, стал рассматривать в окно тот участок, где спец-комендатура, она рядом с железной дорогой. И вдруг вижу сплошной пустырь, все четыре барака снесены, даже следов не осталось. Значит, больше не ссылают туда зеков...

Он стал переводить взгляд с одного на другого. Старший, по всей видимости, парнишка в джинсовой куртке нехотя ответил:

– Да мы не из райцентра. Живём рядом, в Жанадале...

Этот крохотный совхоз, насчитывающий всего шестьсот с небольшим жителей, находился в километре от райцентра – через пустырь, по которому не раз хаживал Михаил, чтобы взять у кого-нибудь из сельчан интервью для местной газеты. Знал наперечёт всех передовых скотников, трактористов, доярок. Был там и единственный в районе герой соцтруда – механизатор широкого профиля Варзаинов, о ком помещали в газете целые очерки на всю полосу. Но этого папашу двух сыновей Михаил никак не мог припомнить, видимо он отнюдь не числился в списке передовиков.

Теперь Михаил решил обращаться непосредственно к старшему из братьев, лишь тот хоть что-то ответил. Продолжил погружение в воспоминания:

– Помню, одно время на «химию» прямо пачками стали присылать горячих сынов солнечной Грузии, всё молодёжь. Они толпами бродили по райцентру, затевали драки с местными. В нашей типографии работали две девчонки – линотипистка Ленка и печатница Валька. Знали таких?..

– Конечно, – неожиданно споро откликнулись сразу оба парня.

– Кручёными, однако, оказались девки, – вставил Михаил.

– Да уж, – поддакнул старший и всё-таки расщедрился на кучку комканных слов: – Мы с ними пошатаемся по улицам и уже ночью проводим до самого дома. Потом в два часа ночи выйдешь покурить, а на трассе опять чей-то знакомый смех – в такое-то время. Приглядишься, а это наши девчата уже с грузинами. У нас – вот такие болты!..

Старший парень приложил к глазам скругления пальцев в виде очков, – как могут расширяться зенки от удивления.

Больше в этот день общие разговоры не клеились. Братья выходили на остановках размяться, покуривали в тамбуре. Михаил заметил, что в купе при отлучках обязательно кто-то один из семьи оставался. Понятно. Все опасаются за свои вещички, хотя Михаил считал, что после таких свойских рассказов он находится вне всяких подозрений.

Ему хотелось расспросить ребят про эту оторву Вальку. Когда его поставили ответсекретарём в той газетке, что издавалась в Тастау, он стал буквально пропадать в типографии – пока не подпишут очередной номер. Коллектив постоянно менялся, приходилось набирать новых работников из числа вчерашних школьников, обучать их с азов верстать, резать бумагу на станке, печатать. Сугубо женское окружение, сильный пол не стремился на столь нудную и вредную работу. Там и приглянулась Мишке молодка, новая печатница Валентина. Небольшого росточка, плотно сбитая. Резкая на поворотах. Излишком интеллекта явно не страдала, так как покинула школу после восьмого класса. Совершенно никак они «не корреспондировали» друг другу, если вспомнить хлёсткое дореволюционное выражение. Просто у Мишки разыгрался на неё аппетит. Она сразу же заметила это, и всё время ершилась, вознамерившись определить его под каблук, и никак иначе.

Михаил вспомнил, какие заоблачные требования пыталась предъявлять ему эта оторва, будучи ещё совсем зелёной. При этом каждый раз заботливо готовила для него очередной наборчик изящных язвительностей, всерьёз полагая, что это придаёт ей больше шарма. Вознамерилась отхватить приличные дивиденды? Вот и хорошо, что у них ничего не сладилось. Ему не раз приходилось наблюдать, как иные

пары со всей изобретательностью, достойной лучшего применения, прилюдно соревнуются во взаимных колкостях, а оно ему надо?..

Теперь его так и подмывало выведать некоторые подробности. Включился в уме сравнительный анализатор, – действительно ли можно добиться чего-то существенного в жизни и мягко устроиться с таким арсеналом вероломных штучек, какой был на вооружении у его давней знакомой? Вскоре после того, как он уволился из той редакции, типографию закрыли, а газету стали печатать в областном центре. Валька перешла работать на заправку, видел её однажды проездом в окошке будки на околице Тастау.

Под вечер задал парню в джинсе наводящий вопрос относительно этой девицы. С горем пополам почти клещами вытянул кое-что: Валька сошлась с каким-то приезжим. Работал грузчиком на элеваторе. Пустили его к себе примаком. А через какое-то время он поехал якобы в гости к родственникам в Калининград и испарился. Так тщательно прячутся только от алиментов...

Прицельные заёмные остроты Вальки прямо в темечко Михаила. Даже для уха болезненно, а ему довелось обитать в таком окружении, когда каждая клетка организма испытывает давление торжествующей опошленности незнамо для каких целей, просто так – для минутного куража. Одна, – он лицезрел на своём пути и таких, – сидя на лекциях в аудитории, любителю магическими квадратами, способна испытать умственное удовольствие даже от осознания математического курьёза, что квадратный корень из ста невозможно извлечь, другая условно невестящаяся молодка в тот же самый момент переполнена куражливостью, как самоцелью, ей лишь бы сморозить что-то позабористей. Вот и сравнивай...

В общем, ничего в жизни этой бывшей печатницы коренным образом не изменилось. Всё так же сидит за форточкой на заправке.

С тех пор Тастау пришёл в полное запустение. Колонки не работают из-за того, что сгорел насос. Воду подвозят на приватизированных водовозах частники и раздают вёдрами. Огород теперь на разведёшь, воды хватает лишь на готовку и стирку. Поговаривают, что собираются сокращать этот райцентр как неперспективный. Это значит, что опустеют все административные здания, все организации с ведомствами: милиция, местная стройконтора, баклаборатория, редакция и всё прочее. Народ побежит, кто куда, останутся лишь те, которым деваться некуда. Если Боксит напоминает теперь площадку для съёмки фильмов ужаса, – целые микрорайоны зияют выбитыми окнами многоэтажек, – чему ещё удивляться? Этот областной центр тоже собираются упразднить, а их район присоединят к Ниваградской области. Уже была дискуссия по краевому радио.

Большей частью Михаил полёживал на полке, чтобы не мешать семейству, вдруг и старому захочется растянуться на своём лежаке. Размышлял, как же ему перебраться в Подмоскovie – поближе к сестре. Только скопится что-то более-менее весомое, начинаются обмены денег, после которых все прирождённые обыватели оказываются в банкротках.

За что только не хватался Михаил, когда стали надвигаться ломкие времена. Проводил дискотеки, озвучивал свадьбы, открывал видеосалон. Он искал надёжного заработка, но буквально все его начинания через определённый промежуток времени сходили на нет. Дискотеки приелись, молодёжь поголовно накупила носимых магнитофонов, и на свадьбах теперь обходились без его довольно громоздкой аппаратуры. Сначала во всём посёлке было два-три видика, которые стоили в полмосквича, а через пару лет они подешевели и появились во многих семьях. Видеосалон стал не нужен – все обменивались друг с другом кассетами.

Фотографией Михаил сначала занимался просто для себя. Загадал стать настоящим профессионалом. Перебирал самые разные комбинации растворов, добиваясь предельной чёткости снимков. Но секрет таился не только в этом. Однажды, прогуливаясь по Москве, где он проводил каждый свой отпуск, увидел на одном здании близ Публичной библиотеки загадочную вывеску «Особо чистые вещества». Заинтригованный этим, заглянул внутрь, помещение оказалось не очень просторным, везде витрины с пакетиками, коробочками и пузырьками из затемнённого стекла. Спросил у продавщицы, есть ли что-нибудь для фотографии, ему указали на застеклённую тумбу. В ней было разложено то же самое, что он применял: метол, гидрохинон, сульфит натрия. Только всё в другой упаковке и ценник в десять раз весомей. Отчего такая дороговизна? Пригляделся к надписям и увидел, что процент очистки даже обычной технической соды просто запредельный. Накупил всего для пробы. Попутно запасся дистиллированной водой. А потом, когда проявил плёнку и сделал отпечатки, сам ахнул, насколько они оказались ясными.

У него стали появляться заказы, так и втянулся, потом освоил и цветной процесс. Химикатов нигде не было, приходилось мотаться в Москву, где в «Зените» временами выбрасывали всё необходимое. Если собрать воедино все его наезды, получится, что он прожил в столице уже около двух лет.

Когда попал под сокращение, думал, что его бесценные навыки будут кормить до самых последних дней. Он был нарасхват: свадьбы, утренники, похороны, фото на документ. Но недавно на последнем

звонке в селе Пригородное, куда он мотался на велосипеде, его здорово «подкузьмили». Едва начал фотографировать, как очередь стала выстраиваться у одного вёрткого девятиклассника с «Полароидом». Тот щёлкал и тут же выдавал готовые снимки по двести рублей – в три раза дороже, чем у профессионала. У Михаила, конечно, тоже был такой «Полароид», но он даже не захватил его с собой, считая, что мало кому будут нужны крохотные картонки, на которых ничего не разглядеть по существу. Это подсуетилась завуч школы, надоумив своего сыночка тоже включаться в бизнес. Он сразу выдаёт снимки, а у другого фотографа ещё надо ждать с неделю, когда он отпечатает их.

К тому же Михаилу всё чаще стали задавать вопросы, не может ли он снять на «Кодак»? В Ниваграде открыли пункт печати и проявки импортных плёнок, это обходится дешевле. Скоро массово обзаведутся дешёвыми китайскими «мыльницами» и каждый станет сам себе фотограф. А если и в Боксите откроют такой сервисный пункт, то Михаил навсегда потеряет кормное дело, ведь до этого областного центра меньше двух часов на автобусе. Логичней было бы радоваться стремительному развитию технологий, но можно понять и озабоченность того, чьи навыки и знания, добытые невероятным упорством, стремительно обнуляются. В крупном городе можно хоть за что-то зацепиться, а в провинции пропадай, так у нас устроено. Размножившиеся, словно грибы, кооперативы через пару лет извели непомерными налогами – все до единого позакрывались. Воцарилась одна перепродажа...

Даже часовщик быткомбината, чья застеклённая будочка в гостиничном вестибюле за двадцать лет стала местной достопримечательностью, в одночасье потерял работу. Если он за месяц чинил не больше пары будильников, всё равно исправно начислялась зарплата. Выброшенный в стан безработных, стал искать новое применение своим рукам. Услышал краем уха, что в Ниваграде сколачивают бригады по отделке современным пластиком всех зданий в центре, и сагитировал целую толпу таких же бедолаг. С предвкушающими лицами двинулись на заработки. Часовщик изредка заскакивал домой, но алчущая родня никаких таких капиталов не обнаруживала при нём, его лишь авансировали мелочью, едва хватающей на пропитание. Всю оговоренную космическую сумму обещали выплатить по окончании работ. Потом подрядчик аннигилировался, не нацарапав прощальной записки; все как на подбор доверившиеся остались с носом. И вот Михаил натывается на невесёлые виды: часовщик то помогает очередному предпринимателю прибавить вывеску на новом магазинчике, то подметает тротуары.

Теперь Михаила точит лишь одно – как бы ему тоже не остаться на бобах в своём захолустье. Здесь все продвижения теперь только по землячеству. Очутившемуся на дне не позавидуешь. Замешкает – и его ждёт блестящая перспектива оказаться на побегушках у какого-нибудь местного заправилы.

Вот и надо накопить мал-мал, чтобы обосноваться в каком-нибудь скромном пригороде Москвы – поближе к родным. Неплохо бы осесть в Апрелевке, там огромный завод грампластинок. Его, наверно, перепрофилируют под выпуск компакт-дисков. Вот и собрался опять за наборами химикатов. С некоторых пор на Казанском вокзале обосновались таможенники, проверяют сумки у отбывающих. А у него набирается прилично багажа. Увидят сотни пачек фотобумаги в огромной китайской плетёнке – сразу завернут. Нельзя. В таких случаях выручает проводник Захар, сам проносит в свой отсек всё это, якобы для себя. Не за спасибо, конечно...

На вторые сутки пути Михаилу опять не терпелось поподробнее расспросить о том местечке, куда его заносило судьбой. Интересно всё-таки. К тому же оказалось, что Валька встречалась и с этими братцами. А потом с подругой шла к южанам в зековский барак. Не зря про неё ходила тёмная молва. Знакомые удивлялись, почему он так запал на эту вертихвостку? Взбесилась тогда, когда он ей намекнул о двурушничестве. Вынашивала планы отомстить самым изощрённым способом.

– Ну, у тебя-то всё благополучно в семейном плане? – рискнул вторгнуться Михаил в личную жизнь старшего из братьев.

– Какой там! – махнул он рукой. – Развёлся...

– Значит, тоже всё в прошлом. Просто наваждение: кого ни спроси – каждая вторая пара успешно разбежалась. Почему-то чаще всего по одной и той же причине. Когда всё вылезает наружу. А в вашем случае как выяснилось, если не секрет?..

Мишка не сомневался, что и здесь задействован тот же сценарий.

– Сама всё выложила, – коротко отпечатал тот.

– Как это... на исповеди?..

– Прижал хорошенько – сразу запицала. – И прибавил с каким-то зловещим оттенком: – Они меня знают! Со мной лучше не связываться!.. Михаил старался приглушить радио, спасаясь от невыносимо приевшихся песенок, но едва выходил из купе, громкость снова добавляли, чтобы терзало уши в тысячу энный раз неубиваемое «Я уеду в Комарово», где почему-то подчёркивается, что этот вояж всего до второго числа (чтобы в рифму?), а месяц таинственно неизвестен.

Отстучала на стыках уже первая половина пути, состав медленно проехался по длинному мосту через неохватную волжскую ширь,

а соседи снова словно отделились от земляка шершавым забором. Если в прежние времена все попутчики ещё не отлинявшей молодости запросто представлялись друг другу по именам, то эти земляки упорно соблюдают инкогнито.

Михаил предпринял последнюю попытку растопить лёд отчуждённости:

– Мы вчера вспоминали Валюху. Так вот, она мне устроила хорошую каверзу. Из-за неё вся моя жизнь могла покатиться кувырком. Нисколько не преувеличиваю. Когда она достала меня своими фокусами, я ей дал понять, что пусть поищет другой объект для своих штучек-дрючек. Надоело всё до чёртиков. И она в отместку подстроила отменную провокацию. Это я сразу понял, когда меня возле местного клуба внезапно остановила до предела накрученная тройца и повела в кочегарку – «поговорить». И сразу же предьяву, будто я распространяю про этих молодцов шибко нехорошие слухи. Я их знать не знаю, а они так взбеленились, у всех перекошенные лица – покусились на их имидж самых крутых...

Парни замерли на Михаиле напряжённым взглядом, внимая каждому слову.

– Особенно дёргался один. Размахнётся, словно хочет перебить мне горло, кивает на здоровяка соседа, который якобы занимался боксом и может любого вырубить с одного удара. И все наперебой кричат мне в лицо: «Не веришь? Не веришь?» Тут до меня дошло, что моя жизнь действительно висит на волоске. Могут грохнуть ни за что ни про что. Я мгновенно сконцентрировался и приготовился к отпору. Это именно та ситуация, когда если не ты замочишь, то тебя точно распнут. Волчье чутьё подсказало бы мне, когда этот молодец размахнётся уже для настоящего разящего удара. Тут же прикинул: мгновенно перебиваю этому горло и сразу ногой в пах боксёру. Кулаками с таким бугаём бесполезно, у боксёров реакция автоматическая. Ну а цыганистый кочегар сам отскочит в сторону со своей лопатой, увидев такой оборот. Сразу в дверь и бегом – сдаваться в милицию. Потом бы парился на нарах со своим высшим образованием...

Михаил сглотнул горький комок от таких корявых воспоминаний и уже довеском:

– Слава богу, всё разрулилось бескровно. Я потребовал привести сюда того, кто на меня так наклепал: «Пусть всё повторит при мне!» Знал, что не потащат сюда этих типографских девок. Дружки, видно, поняли, что я совсем не при делах, и отпустили меня. И буквально через месяц тот взвинченный парень со своим младшим братом зарезал одного человека. Вечером на трассе остановили самосвал и потребовали, чтобы шофер вылез из машины – им, видите ли, загорелось покататься. Тот

упёрся и получил удар ножом прямо в сердце. А парни преспокойно сели в машину и всю ночь катались, пока утром им не заломили руки. Потом весь посёлок гудел. Так что я всерьёз рисковал в кочегарке, вполне могли и меня отправить к праотцам, если бы сразу принялись метелить – без всяких объяснений...

Михаил, выговорившись, откинулся к стене. Братья как-то сразу засуетились, полезли в карманы за сигаретами. Вышли в тамбур. И тут Михаила словно пронзило током. Да ведь те братцы были тоже из Жанадалов! И по возрасту как раз подходят...

Отец парней сидел за столиком с кислым лицом. Михаил пристально посмотрел на старого, и у него интуитивно вырвалось с каким-то напором:

– Как ваша фамилия?

Старик забежал глазами, но с видимой вынужденностью выронил из ротовой щели до предела изжёванную фамилию. Михаил всё же разобрал – Витухновский. В самую точку!

– А-а, – закачал он головой, когда в ней всё прояснилось – в ослепительном свете электрической дуги. И потом машинально переменялся на более глухую букву: – М-м...

Он едва остановил это нестерпимо дрящущееся междушпательное – от внезапного открытия. Старик мог выдать выдуманную фамилию, но по его вопросу сразу понял, что это уже бесполезно.

Ну и ситуация! Михаил только что рассказывал этому старшему, – а звать его Роман, вспомнил, – о нём же самом. О том, как он сам готовился опередить и замочить его, если ситуация выйдет из-под контроля. Значит, отсидели уже. Быстро же, ещё совсем не старые, что называется, в расцвете лет. Того шофёра закопали, а они как огурчики, едут развлечься в столицу. Его знакомые были на том суде, рассказали потом, что старшему брату дали десять лет, а младшему шесть – за то, что был рядом и не попытался предотвратить преступление. Даже вместе потом раскатывали на отобранном самосвале...

То-то заскрежетало на душе у Михаила, когда он расслышал скрытую угрозу в словах этого Романа: «Они меня знают!» Видно, держит себя в Жанадале этаким паханом. Не узнал его сразу, видел-то один раз в жизни – в полутёмной кочегарке, где затеяли ремонт. Да и столько времени прошло с тех пор...

Михаил не придумал ничего лучше, чем забраться на свою полку и отвернуться к стене. Он не знал, как дальше вести себя. Как после этого ехать вместе с убийцами в одном купе? Старик покряхтел и тоже вышел в коридор. Впервые Михаила оставили одного в отсеке.

Вернулись попутчики лишь через час. Непонятно, где прохлаждались, может, ходили в вагон-ресторан. Папаша, конечно,

поставил своих отпрысков в известность, что они полностью «раскрыты». Недаром отмалчивались всю дорогу. Думали, что так и доедут до самой столицы не опознанными.

Разговаривать больше было не о чем. Михаил буквально мучился: «Скорей бы уже доехать!» Прикидывал, сколько же осталось до Москвы? «Так, шесть плюс одиннадцать... Семнадцать часов. С ума можно сойти за это время!..» Была бы смена Захара, попросил бы перевести в другое купе, где освободилось место.

Старший, теперь уже обретший имя Роман, потянулся к своей сетчатой полочке сбоку верхнего левого лежака. Достал барсетку и принялся в ней рыться. Вынул кожаное портмоне, открыл и тщательно пересчитал купюры.

Михаил зябко поёжился: оставляли вещишки без присмотра, а там ведь и деньги, теперь перепроверяют.

– Ничего не понимаю, – вдруг занервничал Роман, – куда делась моя бумажка?..

Михаил насторожился. Только этого ещё не хватало! Может, ищет какой-то важный документ. Бумажка... Что, Михаилу не с чем сходить в туалет? Прихватил с собой рулончик... Бумажка!..

– Исчезла, и всё тут! – не на шутку запсиховал Роман.

Полез под нижнюю полку. Выдвинул спортивную сумку и стал резкими движениями выгребать из неё содержимое.

– Как сквозь землю провалилась! – нагнетал рыщущий обстановку.

Не обнаружив искомого, он в слепом изнеможении бухнулся на койку, его словно колотило.

– Я же точно помню, она была в моём бумажнике!..

Это уже походило на вызов. Михаила принародно выставляют грязным воришкой, ведь он один оставался в этом купе целый час. Вон уже и младший как-то криво косится на него...

Что делать в таких случаях, ума не приложить. Вызовут сейчас проводника и станут перетряхивать вещи Михаила? Выворачивать его карманы? Как назло, незнакомый проводник, Захар бы постарался приструнить этого разошедшегося Романа.

А вдруг он опять бросится в драку?..

Михаил тупо молчал, на этот раз он действительно пребывал в полном ступоре. Он даже не представлял, что сейчас начнётся...

Роман ещё раз развернул свой бумажник и радостно выкрикнул:

– Вот она, оказывается, была за подкладкой!..

Потом Михаил до самой ночи томился в неудобном коридоре, то смотрел отсутствующе в окно, то примащивался на откидном сиденье. Было очень неудобно, пассажиры сновали мимо: то за чаем, то в тамбур. Один даже облил его кипятком, когда вагон качнуло. Он здесь всем мешал, иные косились на него недоумённо...

Да, надолго он запомнит эту поездку. Пришлось соседствовать с такими отморозками...

Когда поезд, поплутав по окраине Москвы, остановился под навесом Казанского вокзала, Михаил дал возможность землякам выйти с сумками первыми, а следом быстро собрал свои манатки.

Земляки почему-то до сих пор в одиночестве стояли на раскалённом перроне. Теперь посматривают на него. Их никто не встречает. Должно быть, запаслись путёвками в какой-нибудь загородный пансионат.

Сделал пару шагов по бетону и опустил у своих ног тяжёлый баул. Троица всё посматривала на него, у Романа был несколько озабоченный вид, словно опять что-то потерял. Благодаря этой случайной встрече в тесном купе до него прекрасно дошло, что в той кочегарке и его душонка стоила копейку, он мог бы сам потом кормить червей на сельском кладбище.

Да и Михаил при таком раскладе не стоял бы сейчас на этом перроне. Из-за его характера и врождённой неуступчивости его бы, скорее всего, сгноило лагерное начальство или «зачморили», как это у них называется, сами зеки. Зато тот шофёр остался бы жив...

Тьфу, лучше не думать об этом! Всё нормалёк, с ним ничего непоправимого не случилось. Он будет теперь вольготно разъезжать вместе с сестрой по столице и окрестностям. Заскочат и в Апрелевку. Вон и сама сестра машет ему на ходу из толпы встречающих, которых уже пропустили к поезду. Да и эти братцы будут собирать в столице все доступные удовольствия, не особо мучаясь совестью. Вот только того бедного шофёра, которому не повезло попасть под горячую руку, уже не воскресить...

Неожиданно Роман как-то виновато подошёл к Михаилу и попытался схватить за плетёную ручку его баул с соленьями:

– Давай помогу!..

Но Михаил опередил его, не сумев скрыть брезгливости:

– Не надо! Я сам!..

Наталья КАГАЛЬНИЦКАЯ

Архангельская обл., г. Северодвинск

Родилась в Калмыкии в 1979 году. Окончила филфак Калмыцкого государственного университета (Элиста, 2001) и заочно факультет журналистики Ростовского государственного университета (2010). Шесть лет работала корреспондентом в газете «Приморские известия». С 2010 года живёт на Севере, в Архангельской области. Работает учителем начальных классов. Победитель и призёр региональных журналистских конкурсов, дипломант литературной премии «ДИАС» (2022, 2023).

КТО НА НОВЕНЬКОГО?

Глеб Грызло пришёл во втором классе. В середине октября. Светлана Владимировна хорошо помнила тот день, когда завуч привела его за руку перед уроками.

– Свет, возьмишь к себе? По программе он больше к тебе подходит. У Веры – «Занков», у Марины и Ольги – «Перспектива», а у Тамары Семёновны, сама знаешь, класс переполнен.

– Ну да, – кивнула Светлана Владимировна.

– Да... и предупреждаю: ребёнок не простой, – Инна Николаевна хотела было уйти, но, что-то вспомнив, обернулась. – В бывшей школе пяткой перекрестились, когда его проводили. – Завуч виновато опустила глаза и двинулась вперёд по коридору, стуча каблуками по деревянному полу.

За дверями дети стояли на ушах. Женщина задумалась. Но, отогнав пугающие мысли, вошла в новый день своей обычной, с горьким привкусом, учительской жизни.

Новенький прошёл к свободному столу во втором ряду. Бросил туда рюкзак, а потом и сам сел верхом на парту. Затем развернул стул спинкой к себе и поставил на него ноги. Из расстегнувшегося рюкзака вывалился учебник русского языка. За ним, громко звякая, выкатилась связка ключей и с тяжёлым металлическим звуком упала на пол.

– Ох, ты блин, – забасил хозяин рюкзака, демонстративно разводя руками, – какого лешего?

Неподвижно сидящие дети с изумлением изучали это новое явление, неожиданно их посетившее. Глеб был маленького роста. Худощавый. Слегка вытянутое лицо. Уголки губ опущены вниз, что придавало его облику обидчивый вид. Крылья чуть вздёрнутого носа всегда напряжены. Глазки карие, узкие, прищуренные. Ресниц и бровей почти нет. На самой макушке русой головы – причудливый завиток с хвостиком. Именно по этому «чубчику» его будут узнавать учителя детей, пострадавших от шалостей Глеба. У девочек пришелец особого интереса не вызвал.

Мальчишки в первые минуты прикидывали: свой – не свой. Первый не выдержал Славка:

– Ты кто такой? – В его вопросе не было и намёка на неприязнь, скорее, любопытство. Глаза и губы Славки улыбались.

Глеб спустился, поднял ключи, оценивающе, сверху вниз, взглянул на Славку и ответил тоном, в котором слышалась оборона:

– А ты кто такой?

– Вообще-то, я первый спросил! – теперь уже оборонялся Славка.

В классе зашевелились.

– И чего ты залез на стол? Я не сижу на столе, – Славка не унимался, но нервно затеребил значок юнармейца на бордовой водолазке.

– Где хоч, там и буду сидеть! – надул губы Глеб.

– Ну и сиди! Пузырь! – съехидничал в ответ Славка.

Стало шумно. В это самое время вошла Светлана Владимировна и увидела Глеба, сидящего на парте. Едва скрыла смущение и подошла к нему. Помогла спуститься и за руку вывела на середину, лицом к классу.

– Ребята, познакомьтесь: это Глеб Грызло. Он будет учиться с нами. Прошу любить и жаловать.

– Ну и фамилия? Ха-ха! – заржал Егор Бабкин, – Грызло! Ха-ха!

Глеб сжал губы...

– Егор! Бабкин! – вмешалась Светлана Владимировна, – ты что?! Разве так можно?

Но Егор продолжал смеяться, похрюкивая, как обычно, и заражая соседей.

Те закрывали лица руками, смеясь уже не над фамилией, а над смехом Егора.

– СмЭхавЫрус, Светлана Владимировна, – проговорил Магомед Магомедов нарочито с кавказским акцентом, от чего хихиканья только усилились.

Учительница молча отпустила Глеба на место.

– Бабб-кка! – сквозь зубы процедил Глеб, проходя к своей парте и исподлобья глядя на Егора. Всё выражение его лица, а в особенности нос, выдавало затаённую злобу.

– Всё, ребята, хватит!

Начался урок.

Октябрьский день. К окну прибиваются ветром потерянные листья клёна. Задерживаются, не улетают. Как будто наблюдают за тем, что происходит внутри.

Глеба не стали вызывать к доске.

«Первый день всё-таки. Понаблюдаю за ним», – размышляла Светлана Владимировна.

– Иди, Рита, – пиши упражнение.

- Я тоже хочу! – вдруг заорал новенький.
- Очень хорошо, Глеб, пойдёшь после Риты.
- А чё это после Риты?! Я щас хочу!

Учительница округлила глаза от удивления и уставилась на мальчика. Потом тихо спросила:

– Но ты же видишь, что у доски уже работает человек? Дождись своей очереди.

– Она неправильно делает! – канючил Глеб жалостливо, с излишней силой произнося каждый ударный слог и топая ногами, как маленький ребёнок, перед тем, как расплакаться.

Дети стали переглядываться между собой, покручивали пальцем у виска.

Светлана Владимировна решила не обращать внимания на мальчишку. Если не играть по его правилам, он скоро успокоится.

Глеб продолжал тянуть руку. Уже не сидя, а стоя во весь рост. Смотрел сверху вниз, видел, как другие дети поворачивались в его сторону, и это явно доставляло ему большое удовольствие.

На ледяном его лице Светлана Владимировна прочитала: «Я всё равно своего добьюсь!». И мысленно ответила: «Я тоже!». Потом вдруг осознала, что она, взрослый человек, сейчас думает, как ребёнок. Вздор! Но терпение её слегка пошатнулось.

– Глеб, ты слышишь меня? – спросила учитель, снимая очки.

– Я ХО-ЧУ К ДОС-КЕ!

– Твоё желание приветствуется, но ведь в классе ты не один, и многие тоже хотят. Но при этом не раздражают никого своим поведением.

Глеб не посчитал нужным отвечать и отвернулся, продолжая стоять, как статуя.

Тем временем Рита закончила писать предложение. Учитель её поблагодарила, поставила оценку в электронный дневник и вызвала следующего.

Одна секунда – и в доску полетела линейка. Затем с места, где стояла статуя, полетели с грохотом на пол учебники, сопровождаемые истеричным пищащим голосом:

– Что за дурацкая школа!!! Не спрашивают никогда!

К голоску прибавился топот ног.

– Задрали все!

– Ты сейчас же поднимешь всё, что раскидал! – с нарастающим гневом произнесла Светлана Владимировна.

– Да пошла ты... – сказал Глеб.

– А ну-ка вышел вон отсюда! – медленно и твёрдо проговорила учитель.

– И не подумаю!

Светлана Владимировна решительно подошла к ребёнку, схватила за краешек джемпера и поволокла упирающегося ногами Глеба к двери.

Когда она вернулась в класс, руки её дрожали. Кто-то засмеялся, а кто-то с глубоким сочувствием следил за учителем.

Женщина опустила на свой стул, уронила голову на руки, закрыв лоб и глаза.

«Только этого мне ещё не хватало...».

Прошло два месяца. Весь класс наблюдал за метаморфозами Глеба. Он то выдавал отличнейшие знания по предметам, писал осмысленные сочинения, то вдруг сдавал пустые тетради без единой строчки классной работы. То мог безвылазно работать у доски и разбираться со сложными математическими задачами, то вдруг забывал таблицу умножения и снова с психу пускались в незапланированный полёт ручки, линейки и карандаши с его парты.

Глеб Грызло мог умело перевоплощаться в хорошего мальчика, делать другим замечания, защищая учителя, и даже больше – быть лидером и вести за собой класс. А спустя несколько дней мог появиться в дурном настроении и устраивать демонстрации своего *альтер-эго*: сидеть под столом на уроках, показно смеяться, заваливать всё пространство вокруг себя игрушками. Ходить между рядами «колесом», задирая ноги и поднимая юбки девочкам. А уж ругательства *по матушке* было для Глеба явлением само собой разумеющимся и, к слову сказать, заразным.

– *Невменяемый*, – отрезюмировала школьный психолог после того, как на открытом уроке Глеб устроил кулачный бой. Сидевшие тогда в классе методисты, завучи и учителя из других школ были весьма озадачены, если не сказать, шокированы.

– А знаете, Светлана Владимировна, складывается такое ощущение, что вы в своём классе не хозяйка. Вами управляют дети, а не вы ими! – отозвалась солидная дама в старомодном пиджаке, – непорядок, однако!

Светлана Владимировна уже начала сомневаться в том, правильно ли она исполняет свои обязанности классного руководителя или попросту занимает чьё-то место?

Неужели из-за одного мальчишки теперь разрушатся все её учительские надежды и желания? И без того довольно зыбкая и хрупкая дисциплина была источником всех её страданий. И вот теперь ещё и он... Да что это в конце концов такое?

«А как же он? – внутренний голос просил, чтобы его услышали. – Ты всё о себе, заметила? Свои только страдания видишь? А его? Что ты можешь сделать для него?»

Поговорить спокойно с новеньким не удавалось. Он кричал, корчил рожицы, вырывался и убегал.

– Глеб, у тебя всё хорошо? – крикнула учитель вслед убегающим пяткам.

– Нет, меня родители бьют, – на бегу ответил Глеб.

Разговоры с родителями помогали на время. По их словам, никто его дома не бил. Никаких следов побоев тоже не было заметно. В семье родился второй ребёнок, болезненный. Глеб получал внимание по остаточному принципу. Но всё же...

А тем временем мелкие и крупные пакости происходили каждый день.

Однажды по неосторожности Светлана Владимировна оставила на столе распечатанные задания итоговой контрольной по математике. Вернувшись, увидела, что распечатки лежат не так. Два листа с первым и вторым вариантами работы лежали ровненько друг к другу – их кто-то так сложил для фотографирования.

– Так...

На завтра контрольная была первым уроком. Учитель стала раздавать листы с заданиями. Класс занервничал.

Светлана Владимировна внимательно пробежалась по лицам, надеясь по реакции узнать зачинщика.

– Что за дрянь? – раздалось с то с одного, то с другого места.

– Да, блин...

Несколько голов повернулись в сторону Глеба. Никто ничего больше не говорил, но в воздухе так и повис вопрос: что происходит?

Перед учениками лежали совсем не те контрольные, которые они заблаговременно решили дома.

Воцарилась тишина! Тишина!!! В конце дня Глеб подошёл сам.

– Светлана Владимировна. Это я. Это я сфоткал математику и в сети скинул пацанам.

– Я поняла, Глеб, – без тени упрёка ответила учитель.

– Простите меня.

Светлана Владимировна развернула за плечи маленькое худое тельце к себе лицом, подняла за подбородок опустившуюся голову мальчика, улыбнулась, заглядывая ему в глаза, и сказала:

– Глеб, может, уже будем дружить, а? Хватит испытаний?

Новенький улыбнулся, обнажив неровные маленькие белые зубки. Это был совершенно другой ребёнок: чистый, искренний, милый.

– Я согласен.

Ещё через два месяца Глеб был избран старостой класса. Единогласно.

Валерий ТИМОФЕЕВ

Самарская обл., г. Сызрань

Родился в 1968 году в городе Сызрани. Окончил Школу печати при редакции городской газеты «Волжские вести» и факультет журналистики, социологии и психологии Казанского государственного университета. Работал корреспондентом газет «Красное Приволжье» и «Машиностроитель». Произведения публиковались в «Литературной Самаре», городских и районных газетах, антологии «Сызрань литературная», альманахе «Сызранская излучина», коллективных сборниках «Серебряные родники», «На разные голоса», журналах «Сызрань: вчера, сегодня, завтра», «Русское эхо». Член Сызранской писательской организации.

СКОЛЬЗСКИЙ ДЖЕК-ПОТ

С шефом нам повезло. Директор нашего небольшого рекламного агентства обладает незаурядным чувством юмора, обожает острить, шутить и делится с подчинёнными свежими анекдотами. Редкий дар, только какой уже год подряд мы в конце марта теряем весь покой и сон. К первому апреля готовимся. Это день традиционной первоапрельской планёрки, на которой выясняется, кто же из нас на этот раз является автором самого сногшибательного розыгрыша. В позапрошлом году банк нагло сорвал наш завхоз Ахметыч. Никто не заподозрил подвоха, когда он взялся врывать в кабинеты и истошно вопить:

– Какого чёрта расселись!? Радиатор отопления лопнул!!!

Мы ошалело выскакивали в коридор и в полной прострации наблюдали за действиями Ахметовича. А он, совершенно не стесняясь в выражениях, промакивал тряпкой разлившееся в коридоре настоящее море, после чего выжимал тряпку в стоявшее тут же ведро. На миг оторвавшись от своего занятия, Ахметыч зло посмотрел на собравшихся:

– И чего стоим?

– А чего делать-то? – оторопело произнёс наш шеф.

– С первым апреля друг друга поздравить! – захохотал Ахметыч.

Оказалось, это он щедро налил у батареи воды, после чего бросился сообщать о «ЧП» коллегам. Так как на проделку Ахметовича купились абсолютно все, то его розыгрыш тут же был единогласно признан самым классным.

Не ускользнул джек-пот от Ахметыча и в прошлом году. Душераздирающий крик завхоза заставил всех нас буквально оцепенеть от ужаса:

– Чтоб вашу мать!!! Горим! Ко всем чертям!..

Мы на негнущихся ногах поспешили в коридор, где ни черта не было видно из-за необычайно густого дыма. Кто-то закашлялся.

– А где горит? – дрожащим голосом поинтересовался шеф.

– В подсобке! – проорал Ахметыч. – Чёрт! А я ведь туда только что перетаскал пятьдесят упаковок ксероксной бумаги!..

– Господи! – завизжала бухгалтерша. То ли пожар её напугал, то ли по поводу бумаги расстроилась. Кто-то бросился в туалет набрать в ведро воды. Добровольного пожарного осадил Ахметыч:

– Не дам поливать бумагу водой! Она же сморщится! Где огнетушитель???

В царящей суматохе никто и не вспомнил, где у нас в агентстве находится это самое средство пожаротушения. Сотрудники горохом высыпали на улицу и, словно загипнотизированные, уставились на входную дверь, из которой клубами вырывался чёрный дым.

– Чего стоите?! Звоните ноль один!! – завопил шеф.

И тут выяснилось, что никто не взял с собой мобильного. Шеф, обхватив голову руками, рухнул на колени. Бухгалтерша беззвучно плакала. Мы, во что попало одетые, стояли на промозгом весеннем ветру и совершенно не замечали этого.

Из задымлённого коридора на улицу вышел Ахметович. Он держал в руках ведро, из которого буквально вытекал плотный дым.

– С первым апреля, товарищи! – торжественно произнёс завхоз и вывалил на газон обыкновенную дымовую шашку. Так как на дикую выходку Ахметыча купились абсолютно все, то его розыгрыш без долгих обсуждений был признан самым сногшибательным.

...Ночь с тридцать первого на первое я провёл фактически без сна. Всё обдумывал – как пооригинальнее разыграть коллег по рекламному цеху? Ближе к утру, решив, что чем проще розыгрыш, тем он эффективнее, изготовил на цветном ксероксе тысячерублёвую купюру. Подойду завтра к шефу, попрошу разменять. Полезет в кошелёк – значит, купился. Конечно, это не джек-пот, но всё равно приятно.

Ужасная всё же вещь – конец месяца. Я только порог агентства переступил, а минуты через две напрочь забыл, что на дворе первое апреля. Со всеми всё надо согласовать, увязать, утрясти, с рекламодателями переговорить, отчёт за квартал подготовить. Одним словом, бюрократический аврал. Перекурить даже некогда было.

Примерно в половине второго из коридора через неплотно прикрытую дверь в кабинет влетел леденящий душу визг бухгалтерши:

– Помогите! Грабят! Отцепись от сумки, гад!

Я оторвался от компьютера и не сразу понял, отчего это Петровна, моя соседка по кабинету, улыбается.

– Спорим на доллар, что этот розыгрыш у Галины Павловны не пройдёт?

– Тут и спорить нечего, – согласился я. – Грубо наш бухгалтер работает.

– Скоро на пенсию, а всё туда же, – осуждающе промолвила Петровна.

С минами знатоков, которых на мякине не проведёшь, мы неторопливо вышли в коридор, где увидели стоявшую у стены Галину Павловну. Её лицо было бело как мел. Очки валялись на полу.

– Галина Павловна, а что случилось? – деланно озабоченным тоном спросила Петровна.

– Ничего особенного, – отозвалась бухгалтер. Губы её дрожали. – Просто я из банка иду. Вашу мартовскую зарплату обналичила. И вот здесь, в коридоре, на меня кто-то сзади набросился. Сумку стал вырывать. Я держалась за неё обеими руками, а тут очки от рывков стали спадать. Только хотела поправить, а нападавший в это время вырвал-таки сумку и был таков! Так что рассмотреть бандита мне не удалось.

– Сколько вы несли денег? – в полной тишине вопрос Сан Саныча прозвучал громом среди ясного неба.

– 166 тысяч 527 рублей. Если не считать, сколько было в моём кошельке! А я как раз сегодня собиралась оплатить счета за свет, воду, газ!.. Боже! В сумке и паспорт лежал, и ключ от квартиры!.. – ноги Галины Павловны подкосились, и она сползла по стене на пол.

– А почему никто не поспешил на помощь??? – глаза шефа натурально налились кровью.

– Так ведь думали – розыгрыш, – пролепетал я. Петровна в знак солидарности поддакнула.

– Господи! – простонал шеф. – Давайте, что ли, милицию вызывать!.. И тут в коридоре показался Ахметыч. С сумкой в руках.

– Я не пойму, что за психи к нам сюда начали ходить? – проворчал он. – Вымчался сейчас один, чуть с ног меня не сбил, швырнул сумку в руки и убёг. И как это понимать?

Галина Павловна, моментально вскочив, выхватила у Ахметовича сумку, трясущимися руками открыла. Дно сумки прикрывали перевязанные пачки банковских билетов. Галина Павловна нагнулась, подобрала с пола свои очки, нацепила их на нос и с видом победителя окинула взглядом собравшихся. Выдержала многозначительную паузу и задорно произнесла:

– С первым апреля, коллеги! Попрошу всех ко мне за зарплатой!..

Мы молча переглянулись. Петровна несмело хихикнула. Ахметович в широкой улыбке демонстрировал свои редкие зубы. Сан Саныч схватился за сердце и полез в карман за валидолом.

– Ну, раз с деньгами всё нормально, может, разменяете? – и я вытащил на свет тысячную...

Иван БУРАКОВ

г. Москва

Родился в подмосковной Щербинке. Живёт и работает в Москве. В 2012 году получил учёную степень кандидата технических наук. С 2013 года читает лекции и ведёт практические занятия для студентов Национального исследовательского университета «МЭИ». Занимает должность доцента. Автор более шести десятков научных статей, учебных и методических пособий. Автор книги повестей, рассказов и стихотворений «Баллада об овальном мяче» (2021). Рассказы, очерки, стихотворения выходили в журналах «Чайка», «Бийский вестник», «Краснодар литературный», «На русских просторах», «Белая скала», в альманахах «Новый енисейский литератор», «Новый российский писатель». Победитель конкурса-фестиваля «Кубань Литературная-2022» в номинации «Публицистика».

ВРЕДНЮЧИЙ

В бытность мою повстречался мне на дороге, что топчем мы усталыми измождёнными ногами от родильного дома до могильного холма, персонаж один. Персонаж этот острым глазом так сразу ничем не примечателен был, но как позволить ему развернуться, так мама не горюй. Только и успевай держаться, за что-либо, чтоб не сдуло тебя ветром от энергии его бешеной.

Познакомились мы с Платоном Платоновичем (так нарекли персонажа этого, когда он на свет Божий решил появиться) в одном из московских храмов, в доме причта, на так называемых «встречах молодёжки», где беседы с молодым поколением священники да дьяконы ведут о Боге, о вере, о библейских сюжетах. Молодым поколением люди до сорока лет всё были, некоторые и старше, иные и порядком.

Ходил в тот первый вечер наш персонаж вокруг длинного стола, за которым «молодёжка» восседала – все два часа встречи затвором фотоаппарата щёлкал. Вежливый такой:

– Вы не против, если я вас снимаю? – первый вопрос от него мы с женой слышали.

Услышали этот же вопрос в вечер описываемый и все остальные участники «молодёжки».

– Нет, не против. Снимай, пожалуйста.

– А я ещё эти фотографии в интернет в социальную сеть, в группу молодёжных встреч наших выкладывать буду потом.

– Хорошо, выкладывай.

Так и раздавалось фоном для диалогов складываемых звуки однообразные: «Щёлк-щёлк, клик-кляк», так и записывались фотографии в фотоаппарат на карту памяти.

– Нравится тебе фотографировать, Платон Платоныч?

– Ой, как нравится, – качал головой в ответ Платон Платонович. – Я фотограф! Фотоаппарат – моё призвание!

– Мы фотографии твои обязательно посмотрим, – озвучивала «молодёжка» свои намерения, – себе возьмём какие понравятся.

– Берите, мне не жалко, – от широты души разводил руками великодушный Платон Платонович.

* * *

Спустя неделю повстречались мы с нашим героем вновь.

Опять дом причта служил нашей встречи декорациями, опять молодёжь, тем, кому за сорок, обсуждали Библию, читали Евангелие.

– Видел, видел, как вы все заходили. Фотографии мои смотрели и скачивали, – начал в карьер Платон Платонович, будто на скачках в забеге участвовал.

– Смотрели, но не скачивали, – качали в ответ несогласно головой молодые сорокалетние люди.

– А что так? – оскорблённо возносил к скальпу брови свои наш герой. – Не понравились?

– Ты их в программе бы какой обработал, – аккуратно старались объяснить собеседники, – со светом и с цветом поработал бы.

– У меня фотоаппарат хороший, мне это не нужно, – звучало на замечания, будто отмахивался от надоедливых мух автор слов сих.

– Фотоаппарата недостаточно.

– Я фотограф, я фотографирую, а обработкой фотографий пусть кто другой занимается.

Затем, поворачиваясь ко мне произносил:

– Хочешь, тебе дам? Сделаешь?

– Нет, Платон Платоныч, увольте, – вздымал я руки к небу.

– Вот, и у меня времени нет этим заниматься. У меня ребёнок дома. Я ребёнком занимаюсь.

– Хорошо, Платон Платоныч.

* * *

На улице холод зимний. Время к Крещению подходит. Не один Любим Карпыч «островский» крещенский холод не любит, но и я тоже не люблю. А люблю я в прорубь ходить, краткую службу отстояв и в освящённую батюшкой воду тело своё брэнное окунув. Вода холодна, плюс четыре градуса по Цельсию, а на улице за минус десять – согреваюсь в проруби в крещенский мороз. Красотища!

«Молодёжку» под Крещенский праздник к храму вывели на улицу, воду освящённую людям наливать, да раздавать – послушание такое.

Не избежал участи этой и покорный ваш слуга. Приехал я к храму после работы, взял с собой в рюкзак принадлежности банные, чтобы после омовения над собой совершить. Тут как тут Платон Платонович нарисовался, не сотрёшь. Всё что-то вертится, крутится, как волчок заведённый, деятельность свою бурную показывая.

– Пойдёшь, Платон Платонович после послушания в прорубь окунаться?

– Я на все дела мастак, – отвечает наш герой, – да благословения нет, не пойду я, болен тяжко.

– Чем же ты болен, Платон Платоныч?

– Насморк у меня. Жуткий насморк. Такой тяжкий, что силов нету более его терпеть.

Не стал окунаться Платон Платонович, лишь фотоаппаратом стоял у проруби щёлкал, когда другие в воду окунались, а водичка из Иордани всё на него лилась, к ногам его накатывала волнами, исходившими от тел погружающихся.

– Небось, ботинки замочил, Платон Платоныч?

– Есть такое дело, – согласно кивал наш герой.

– Смотри, разболеешься...

– Ничего. Ради искусства не жалко и жизни! Я фотограф! Фотоаппарат – моё призвание! Тем более я уже в порядке – выздоровел. Не волнуйтесь.

– Опять в интернет, в группу будешь фотографии выкладывать?

– Буду...

– Молодец, Платон Платоныч!

* * *

Задружились мы с Платоном Платоновичем жутко – не разлей вода. А что? Товарищ он положительный, как сам же говаривал, «на все дела мастак», и увлекающийся, в плане, если его делом увлечь – увлечётся. Вот и увлеклись мы с ним в тренажёрный зал ходить. Штанги да гантели... да всего по чуть-чуть, полегоньку, помаленьку.

– А я вот так могу, – тянется на разминке наш герой, – а ты так можешь? Не можешь?! А я могу! Растяжка у меня очень хороша.

– Где ж ты так тянуться научился, Платон Платоныч?

– В армии научили, – тяжко вздыхает «мастак» и продолжает с вызовом: – Ты в армии служил? Нет?! А чего ж не взяли? Больной что ли?

– Нет, здоровый. Я научную работу защищал.

– Так ты профессор у нас что ли? А я вот служил, – вновь вздыхает, отхихикав своё, Платон Платонович. – Так-то!

Походил Платон Платонович со мной в спортзал, а потом и говорит как-то:

– Раз мы с тобой спортсмены, давай на ГТО попробуем сдать, сейчас все подряд сдают. Может, и у нас получится свои значки получить: «Готов к труду и обороне».

– Давай попробуем, Платон Платоныч.

– Не обижайся, – качает дальше головой наш герой, – Ты же понимаешь, что я тебя в спорте по всем показателям обойду?

– Ну, обойди, Платон Платоныч, обойди, – подначиваю я, не веря словам нашего «мастака», а зря не поверил.

Начал Платон Платонович «обходить». Весу во мне на двадцать килограмм более чем в нашем герое. Жмём мы штангу лёжа: я восемьдесят поднимаю, и он – восемьдесят, я девяносто, и он девяносто, я девяносто пять, а он на сто килограмм замахивается. Так около двух недель продолжалось. Потом гляжу: Платон Платонович на лёгкие веса перешёл.

– Что стряслось то?

– Я всё. Больше никакого ГТО, – отвечает наш герой.

– Так стряслось-то что? – не отстаю я.

– Оказия произошла, – помявшись, рассказывает «мастак», – геморрой вылез.

Зря не поверил я тогда Платону Платоновичу. Получается, травмировал его... хоть и не вербально, но травмировал.

* * *

А беда, как известно, одна не приходит. Старый дьякон храм наш покинул, на смену ему новый пришёл, молодой, чуждый, как оказалось, фотографированию. Потерпел он слегка Платон Платоновича на молодёжных встречах, потом и говорит:

– Вы бы Библию лучше читали, а не фотографии делали.

Что тут началось! «Ой, спаси Боже, спаси Боже!»

– Ты чего хмурый такой, Платон Платоныч? – встретил я после случая описанного нашего героя в тренажёрном зале.

– Я решил на «молодёжку» не ходить более, – буркнул «мастак» в ответ.

– Это почему же?

– Новый дьякон мне фотографировать запретил.

– А ты, Платон Платоныч, ради фотографирования на «молодёжку» ходишь?

– Нет, – поспешно заверил меня наш герой, – но пойми, профессор, когда тебе не дают заниматься твоим любимым делом, то и желание делать всё остальное тоже пропадает.

Поворчал Платон Платонович, но на встречи «молодёжки» ходить не перестал. Сидит, ворчит что-то себе под нос в уголке, как дед старый: «Бу-бу-бу», да «гу-гу-гу», но фотографировать не осмеливается – нового дьякона опасается.

Опять я в тренажёрный зал прихожу как-то раз, опять Платон Платонович смурной весь сидит.

– Что вновь стряслось-то, Платон Платоныч? – интересуюсь я у него.

– Я больше Бороде руки не подам ни в жизнь!

Бородой у нас в храме один прихожанин звался, по растительности объёмной на лице прозвание получив.

– Почему? – недоумеваю я.

– Он меня с женой моей на своём джипе на пешеходном переходе не пропустил.

– И ты теперь с ним здороваться не будешь?

– Я человек принципа. Как он ко мне, так и я к нему.

– Ну, ты, Платон Платоныч, даёшь! – шокирован был ваш покорный слуга. – То тебе дьякон новый не угодил, то теперь Борода! Дальше кто? Какой-то ты вредный, Платон Платоныч. Я бы даже сказал, вреднючий.

Посмеялся Платон Платонович над моими словами, но прислушался, видимо – руку Бороде жмёт, да жмёт с усердием.

И тут червячок у меня где-то душу точить стал, да на ухо мне подсказывать:

– Струсил Платон Платоныч руку-то не жать.

– Не мог струсить, – не соглашаюсь я. – Платон Платоныч смелый, да и сам же говорил: «на все дела «мастак».

Себя же потешиваю:

– Меня он послушал. Меня!

* * *

Поехали мы в один из выходных дней с Платоном Платоновичем на регби. Лето уж было в самом разгаре – шёл чемпионат Москвы. «Тушино» против «Московских драконов» играло. Долго до стадиона добирались, на самой игре пару часов потратили, потом обратная дорога значительное время заняла.

При подъезде к дому стала матушка нашему герою названивать:

– Платон! Ты где шатаешься, оборванец этакий?

Подъехав, мы распрощались, да по квартирам разбежались, а позже вечером того же дня на «молодёжке» опять встретились в доме причта.

Сидит Платон Платонович вновь весь смурной, волком на окружающих смотрит.

– Ты чего, Платон Платоныч, кислый такой?

– Я, профессор, с матерью обстоятельный разговор сегодня имел.

– Так.

– Говорит, чтоб больше с тобой я дружбу не водил.

– Это почему же?

– Говорит, что тебе делать нечего, вот ты меня из семьи и уводишь.

Выслушал я внимательно последний пассаж нашего героя и расхохотался про себя. Думаю, ты что ж, гомосексуалист какой что ли, чтоб тебя мужик из семьи, от жены уводил.

А Платон Платонович продолжает:

– Хотела мать сегодня на «молодёжку» к нам прийти, чтоб с тобой поговорить, сказать, чтоб ты меня из семьи не уводил.

Совсем мне смешно сделалось.

– Платон Платоныч, тебе сколько лет?

– К сорока подходит.

– И ты сейчас всерьёз мне вот это всё говоришь?

– Всерьёз.

– Когда мать-то твои дела за тебя решать закончит? К пенсии твоей что ли?

– А ты не скалься, – взбрыкнул Платон Платонович, – мне тоже есть что тебе сказать.

– Ну, скажи Платон Платоныч, скажи, – подначиваю я его.

– И скажу. Я с матерью согласен. Тебе делать нечего, вот ты и шляешься, где тебе хочется, а у меня ребёнок. Я ребёнком занимаюсь. А у вас с женой детей нет. Вот вы и занимаетесь не пойми чем. Вы сначала дитяню родите, а потом уже и на регби ходить можешь.

Обидны были прозвучавшие мне слова эти. Что в сердцах при споре не скажешь, но то не в сердцах сказано было. Преобразился лик героя нашего, затмила его темень и начался разлад меж нами.

Раз лад, два лад, три лад.

– Вреднючий ты, Платон Платоныч.

– Это почему я вреднючий-то?

– Не знаю. Видней тебе, от чего ты вреднючий такой.

*Москва,
февраль – апрель 2021 год*

Вячеслав КИЛЕСА

Республика Крым, г. Симферополь

Председатель РОО «Союз писателей Крыма», член Союза писателей России, Национального союза писателей Украины, Союза русскоязычных писателей Болгарии, Союза писателей Северной Америки. Главный редактор газеты «Литературный Крым», зам. редактора литературно-художественного журнала «Белая скала». Автор книг «Весенний снег», «Провинциальные рассказы», «Истории, рассказанные вчера», «Лестница любви», «Оглянуться, остановиться», «Детективное агентство «Аргус» и др. Лауреат литературной премии НСПУ им. В. Короленко (2005), премии Автономной Республики Крым в номинации «Литература. Работы для детей и юношества» (2009).

* * *

Как мало для счастья надо:
Только звонок телефонный,
Только твой голос нежный,
Только слова привета.
Пусть студит сентябрь дождями
Чёрную эту землю, –
Мне сейчас всё беспечно.
Грусть моя тает, тает,
Словно снега весною.

* * *

Тебе останутся стихи
Рубцами прошлого недуга,
А я опять пойду по кругу
Надежд и чьей-то доброты.
И, может быть, в далёких летах
Ты вспомнишь, памятью скорбя.
Что это я любил тебя
Душой ленивца и поэта.

Ирина НИКИТИНА

г. Севастополь

Никитина Ирина Витальевна родилась в Севастополе. Окончила Таврический Национальный университет им. В.И. Вернадского (2000, ныне Таврическая Академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского). По специальности историк, кандидат исторических наук, научный сотрудник ФГБУК «Государственный музей героической обороны и освобождения Севастополя». Член РОО «Союз писателей Крыма».

* * *

Как много часто в нас не наших я,
Которые слегка потусторонни.
На нас глядит какой-то посторонний
Из зеркала слепого бытия.

Мы в памяти своей и не своей
Листаем пожелтевшие страницы.
Там горны, барабаны и зарницы,
И красный стяг, и стаи журавлей

Из душ ушедших, их мирских свершений.
В сраженье поразившие чуму,
Известно только богу одному,
Что пережило это поколение.

Известно только небу одному
От скольких бед уберегли они нас.
Да, наш народ тогда немало вынес,
Но победил в ужасную войну.

Как много в нас не наших чьих-то я.
Они приходят с ветхих фотографий,
Из строчек полустёртых эпитафий –
Как вечный тайный смысл бытия.

Людмила КУЛИК-КУРАКОВА

Республика Крым, г. Ялта

Родилась в 1959 году в Белоруссии. С двухлетнего возраста живёт в Крыму. Образование медицинское. Стихи пишет с 2010 года. Член Союза писателей Крыма. Дипломант 4-го международного музыкально-поэтического фестиваля ЯЛОС и издательства альманаха «Планета друзей». Лауреат конкурса фестиваля «ЯЛОС», дипломант фестиваля литературы и культуры «Казантип поэтический».

* * *

Не знают крылья бабочки морщин,
Печаль не посещает мир цветов,
Малиновым рассветом и в ночи
Лик бабочки блаженствовать готов –

Пить из ромашек сладостный нектар,
Кружить в медовом бархатном цветке,
Свой благолепный простирая дар
И клумбам, и кувшинкам на реке;

Перебирая лапками, сидеть
Средь хоровода юных алых роз
И в небо светлым ангелом лететь,
Кружа в чертоге лени и грёз.

Их крылья бархатисты и нежны,
Расцветка филигранная влечёт,
Среди цветочной сказочной страны
Пленяет взоры бабочки полёт.

И проживает бабочка в садах
Счастливым веком в плену душистых трав,
О том, что летний бум претерпит крах,
Не хочет знать её привольный нрав.

Чудесен день и знойная пора,
Но слишком мал и краток счастья пир –
Завоют вьюги, запоют ветра,
И поглотят её цветочный мир.

Её пресветлых чар не упускай,
Дано ей слишком юной умереть,
И полетят цветные крылья в рай,
Оставив своей нежности завет.

Елена ДАНИЛОВА

Республика Крым, г. Саки

Данилова Елена Петровна родилась в 1968 г. в г. Коммунарке Луганской области. Окончила Макеевское педучилище, позже Крымский государственный университет им. Вернадского. В настоящее время живёт в городе Саки, работает учителем начальных классов в МБОУ «Школа-лицей им. Героя Советского Союза Ф.Ф. Степанова». Руководит Арт-клубом «Февраль». Заместитель председателя правления РОО «Союз писателей Крыма».

* * *

Мы живём от детства в двух шагах
Или в трёх шагах от одиночества.
Господи, прошу, замедли шаг,
Очень жизни бег увидеть хочется.
И пока на свете я живу,
Дай возможности творить благое дело,
Чтобы перед всеми на миру
Я любовь твою раскрыть сумела.
Видеть звёзды, слышать смех детей
И иметь возможность удивляться.
Помоги, пока служу тебе,
И прошу: «Не дай с тобой расстаться!»

Светлана КАПЛИНА

Республика Крым, г. Ялта, пгт Кореиз

Родилась 23 февраля 1956 г. в курортном посёлке Симеиз, который входит в состав Большой Ялты. Окончила Симферопольский техникум общественного питания, в течение 25 лет работала шеф-поваром на Государственных дачах. Писала сценарии и проводила концерты для сотрудников. Активно занималась лёгкой атлетикой, входила в сборную команду Крыма и неоднократно награждалась медалями на чемпионатах. Автор сборника стихов «Душа душе» и двух песенных альбомов. Член РОО «Союз писателей Крыма».

* * *

Пробились лучики над морем,
Его невольно разбудив.
Погладит солнышко ладонью,
Теплом и ласкою покрыв.
Стряхнув прохладный сумрак ночи,
Прольётся нежная лазурь.
Проснулась, спать совсем не хочет,
Разбудит, берега лизнув.
О, если б так меня будили,
Любовь дарили иногда.
Проснувшись, чувства б закипали,
Как в бурю пенится вода.
Обнимет нежно берег пена,
Прекрасен моря поцелуй.
Нырну в него, ведь я – сирена,
Умчусь с волной за дальний буй.
В безбрежном утону просторе,
Отдавшись ласковым волнам.
Нет ничего прекрасней моря
И притяженья к берегам.

Наталья СИДОРОВА

Московская обл., г. Подольск

Сидорова Наталья Витальевна родилась в 1977 году в г. Лиепая, Латвия. Член РОО «Союз писателей Крыма». Публикации: сборник стихов «Восхождение-3», альманах «Параллели», альманах «Московские окна», литературно-художественный альманах «Крылья». Дипломант международного литературного конкурса «Земля – наш корабль», Международного литературного конкурса «Большой финал» (2016-2017).

* * *

Там, где горы пасут облака,
там, где родина рек и дождей,
я б хотела на тех берегах
ощутить, что для жизни нужней.

И поэтому, вскинув рюкзак
на плечо, я возьму высоту
той горы, что послала мне знак,
подарив на рассвете мечту.

Может быть, этот зов – лишь обман,
только всё же поверю ему;
окунусь в самый мутный туман
и скалистый утёс обниму.

Зацелую в ладонях ручей.
Пусть пьянит можжевеловый дух!
Не найти подходящих речей,
упоение выразить вслух!

А когда, будто ласковый кот,
в мягких лапах играя звездой,
час вечерний тихонько придёт
и окутает всё темнотой,

я узнаю, где сказка живёт:
в тёплом ветре и треске костра.
Где ещё светлячков хоровод
кружит танцы свои до утра!
Там, где горы пасут облака...

Марина ТРУСЕВИЧ

Республика Крым, г. Саки

Трусевич Марина Владимировна родилась в г. Новосибирске 21 ноября 1960 г. Окончила Новокузнецкий государственный педагогический институт. Жила и работала в г. Прокопьевске Кемеровской области. В 2005 году по семейным обстоятельствам переехала в Крым. Главный редактор журнала «Белая скала». Член РОО «Союз писателей Крыма».

* * *

Мне бы только раз тебе присниться
В лёгком платье голубого ситца,
В туфельках на тонком каблучке
И во сне понравиться тебе.

Ты посмотришь, как одна гуляю,
Как в саду ромашки поливаю,
Дочкины косички заплетаю,
У окна открытого скучаю.

Как под вечер стол я накрываю,
Чашки полукругом расставляю,
Чай зелёный в чашках остывает.
Жду. Чего? Я и сама не знаю.

Мне бы только раз тебе присниться,
Белой птицей в изголовье опуститься,
Сон навеять о своей судьбе
И опять понравиться тебе.

«МОЯ РОССИЯ, Я ТОБОЙ ВЕЛИК!»

Так в одном из своих стихотворений сказал ушедший от нас в сентябре этого года российский поэт и прозаик Вячеслав Владимирович Харитонов, входивший в состав редакционного совета нашего альманаха.

Нас связывала более чем полувековая дружба. Я всегда поражался его познаниям не только в литературе, но и во всех сферах человеческой жизни. И это не удивительно, ведь он – коренной волжанин, сын фронтовика, с отличием окончивший семилетку, швейно-трикотажный техникум, а затем филфак Свердловского пединститута, где учёбу совмещал с работой сторожа, кочегара, лаборанта кафедры психологии и даже сотрудника вузовской многотиражки «Народный учитель». Удалось ему поработать и мастером на Семипалатинском чулочно-прядельном комбинате, и наладчиком брикетирующих автоматов на заводе пищевых концентратов уже в родной Сызрани, и инженером-технологом на заводе пластмасс, и сотрудником многотиражки завода «Тяжмаш», и заместителем главного редактора районной газеты «Красное Приволжье».

Ещё в совсем юном возрасте, едва научившись читать, он записался сразу в три библиотеки, жадно впитывал поэзию Блока, Фета и Есенина. Первое стихотворение Вячеслава было опубликовано в газете «На боевом посту» ровно 60 лет назад – в 1963 году, во время службы в ракетных войсках Московского военного округа ПВО. Тогда же автор начал посещать литобъединение, которым руководил поэт Юрий Леднёв. Одновременно с ним в этой организации были будущие поэты Анатолий Богданович и Игорь Ляпин, возглавивший в своё время Союз писателей СССР.

А став в 70-х членом сызранского городского литобъединения, он впоследствии успешно руководил им до конца своей жизни.

Многогранный жизненный опыт красной нитью проходит через всё творчество Вячеслава Харитонова. По его книгам можно учиться не только человеческим отношениям, но и изучать историю родного края и России.

«Поэзия – моё главное увлечение, смысл жизни. Не писать я не могу», – говорил поэт в одном из интервью...

*Александр МИШЕНКОВ,
главный редактор альманаха «Новый российский писатель»*

Вячеслав ХАРИТОНОВ

(1942 – 26 сентября 2023)

Вячеслав Владимирович Харитонов родился в 1942 году в городе Сызрани Куйбышевской области. Окончил Сызранский трикотажный техникум и Свердловский государственный педагогический институт. Служил в ракетных войсках в Московском округе ПВО. Работал на предприятиях лёгкой, пищевой, химической промышленности и тяжёлого машиностроения в Семипалатинске и Сызрани, а также – журналистом в городской, районной и заводской печати. На протяжении многих лет возглавлял городское литобъединение в Сызрани. Публиковался в изданиях Москвы и Подмосковья, Поволжья, Урала и Сибири, в коллективных сборниках. Автор книг стихов «Околица» (1985), «Полустанок» (2004), «Всплески» (2011), «Полынок» (2012), «Скворчонок» (стихи для детей, 2018), «Окоём» (книга лирических и историко-краеведческих стихов, посвящённых Сызрани, 2019), «Жанры» (2020). Член Союза писателей России и Союза журналистов РФ. Лауреат городской премии «Признание», областной литературной премии им. Виктора Багрова, Всероссийской литературной премии «Мастер».

НАКАНУНЕ

Ещё метались в тупике
Размашистые тени
И, как листовка на штыке,
Дрожал листок осенний,

И слово гордое – Октябрь,
Ещё не стало песней,
А небосвод, как алый стяг,
Уже пылал над Пресней.

И за оградой резной
Величественно, словно
Корабль Истории самой,
Вставал из мрака Смольный.

Неслась планета среди миров,
Не ощущая крена.
Но, словно палец на курок,
Легло на плечи Время.

НАЧАЛО

Агента пристав шлёт на слежку.
Идёт, ссутулившись слегка,
Околицей Алёша Пешков.
Что на уме бунтовщика?

Босяк смеётся над престолом,
Не чтит корону и алтарь.
Такого гнать на плаху голым.
Напрасно мягок государь.

А Горький – весь сосредоточье,
Лелея замыслов ростки,
Иное видит этой ночью
Под шелест вызревшей строки.

Ещё концовки неизвестны
И мир молчание хранит,
Но гордо реет Буревестник
И Сокол бьётся о гранит.

И Данко жертвует народу
И сердца жар, и новый день...
Но, проклиная непогоду,
Шпик следом стелется, как тень.

ПРОДОТРЯДОВЕЦ

Он понимал, что дело худо,
В кулак собрав остаток сил.
А офицер орал, Иуда,
И пистолетиком грозил.

В подвал пробился солнца лучик.
Хотелось нестерпимо пить.
Но дал команду взгляд колючий:
В расход фанатика пустить.

Лопаты звякали в телеге.
Сухая степь ждала дождей.
И отмеряли путь последний
Копыта резвых лошадей.

А конвоиры вслед бросали,
Невозмутимы и тупы:
– Ну что, злодей, откомиссарил,
Не миновал своей судьбы?..

И вот, российский пролетарий,
Не покорившийся врагу,
Застыл он, желваки катая,
В штыком очерченном кругу.

Стволы нацеленно зияли.
Он знал, что время истекло.
Лишь капли пота щекотали
Его горячее чело.

А горизонт клубился гарью.
Настоем трав дышала степь.
Там хлопцы пели «Ой, ты, Галю»
И в Питер шёл спасённый хлеб.

ДВЕ МАМЫ

Люди в городе с голода пухли.
И, не в силах то зло принимать,
Нарядилась в жакетку и туфли
Да в село увезла меня мать.

Там к насущному хлебу поближе,
Не затянуты так пояса.
Зеленели за выгоном рыжим
На холмах вековые леса.

У двора за оципаным стогом,
Вспоминая колхозный покос,
Бок облезлый царапала рогом
Коровёнка, худая до слёз.

Жизнь не мёдом сельчанам казалась.
Но я был ещё малым дитём.
Если взрослыми шалость прощалась,
Я считал это райским житьём.

Просыпался я солнечной ранью.
От окошка с цветочным горшком
Пахло свежей землёй и геранью,
А с подворья – парным молоком.

Самовар, закипая на кухне,
Как божок меднолицый, пыхтел.
Были тёткины кушанья вкусны.
Только есть я не слишком хотел.

Мог ли знать я, ребёнок наивный,
Как братишки делили нужду,
Как росли на лепёшках с мякиной
В том проклятом, военном году?

– Ты счастливый, – шептала мне тётя,
Лоб устало крестом осеня, –
А вот мать-то, поди-ка, в заботе.
Как там дышит её ребятня?..

И при этом сама забывала
Про нелёгкое бремя своё.
Много лет с той поры миновало,
Как я мамой назвал и её.

ЛОДОЧНИК

Страна жила ещё неровно,
А лодочник, неприхотлив,
Цеплял багром плавник и брёвна,
Рекою смытые в разлив.

Бродил с ружьишком, ставил сетки,
В лугах помахивал косой...
И с бакенщиком по-соседски
Делил махорку, хлеб и соль.

Смекалист, скор на поговорки,
В своей заботе и судьбе
Не изменил он гимнастёрке,
Раздольной Волге и себе.

И Волга тоже понимала,
Что нет таким, как он, цены:
Их в ту весну вернулось мало
К веслу и парусу – с войны.

ОТЕЦ

Не познавший минуты праздной,
Перед долгом испытан всерьёз,
Не любил он кудрявые фразы,
Слова лишнего не произнёс,

А входил добровольцем в райкомы,
Если к бою скликала страна.
И простые улыбки знакомых
Заменяли ему ордена.

Подмосковье, Смоленск и Варшава...
Рядовой, рядовой, рядовой...
Не вмещалась судьба большая
В этот огненный путь фронтовой.

Не вмещалась мужская тревога.
На переднем краю страны
В том же звании рядового
Воевал он, придя с войны.

Не любил он кудрявые фразы,
Слова лишнего не произнёс,
Но как часто его рассказы
Душу трогали мне до слёз.

Достоверная правда былого...
Что фанфар ей разменная медь!
Я хотел бы на каждое слово
Вот такое же право иметь.

* * *

Даль за околицей искрится.
Я сам себя не узнаю,
Когда беспечная синица
Возносит к солнцу песнь свою.

На этом фоне всем на диво
Среди магической волшбы
Светило в нимбы нарядило
На гулкой насыпи столбы.

Гудят, похожи на распятыя,
Натруженные мачты ЛЭП.
Здесь ратью проходили братья,
А сёстры в поле жали хлеб.

Не оттого ль для нас и святы
Края былых и новых смут,
Где земледельцы и солдаты
В единых помыслах живут?

ОБНОВЛЕНИЕ ИКОНЫ

Утро раннее. Суббота.
В ближнем доме суета:
Облетает позолота –
Проступает красота

На доске иконы древней,
Обновившей невпопад
Лик святой перед деревней
В тусклом зареве лампад.

Ахи слышатся из хаты.
Сомневается народ:
Богомазы виноваты
Или знак Господь даёт?

Дребезжит в шкафу посуда
От нашествия гостей...
И к чему б такое чудо
В век опасных скоростей?

ПАМЯТИ СОСЕДА

Семён Терентьич умер.
Весь из хрящей и жил,
Он был старик угрюмый
И мало с кем дружил.

Он жил, неразговорчив,
Не брал спиртного в рот.
И целый день от дочки
Ждал писем у ворот.

Столичная медичка,
Предчувствовала ль дочь,
Что отгоревшей спичкой –
Упасть бедняге в ночь?

И ведала едва ли,
Не знавшая тоски,
О том, как догорали
Отцовские деньки...

Тепла, хотя бы малость,
Он ждал наверняка.
Но редко открывалась
Калитка старика.

Я заходил, случалось,
Одолжить инструмент.
Всё в целости осталось.
А вот соседа нет.

Что есть душа у деда,
Почувствовав нутром,
На доброту соседа
Я отвечал добром.

Паял к антенне штекер,
Чтоб он смотрел кино.
А дед ходил в аптеку,
Приговорён давно.

И вот его не стало,
Чужого, одного...
Я знал соседа мало,
Но всё же знал его.

Кто спросит, как здоровье,
Посетует на дождь?..
Как был ни плох – зарюют –
Другого не найдёшь.

Не зря и у колонки
Вчерашние враги,
Забыв былые склоки,
Сморкаются в платки:

– Преставился, сердешный...
– Что ж, пухом ему твердь!
– Любой бы рад, конечно,
Попозже помереть,

Да где ждёт смерть-старуха,
Поди-ка, угадай?..
Течёт беседа глухо.
И вёдра – через край.

А раньше – и помои,
И прозвища во зле.
Теперь его обмоют
И предадут земле.

Ну не обидно ль это?..
Вот мимо я пойду –
И у ворот соседа
Споткнусь о пустоту.

ЕГО СУДЬБА

От будней серых и тягучих,
Да от мешков и от кулей
Стал ниже ростом этот грузчик.
Стал ниже ростом и сильней.

Живёт с семьёй в старинном доме
Он по-солдатски налегке.
И даже спит не на ладони,
А на шершавом кулаке.

С друзьями едкую махорку
Смолит с утра. А если пьёт –
Из пиджака ржаную корку
В табачных крупках достаёт.

Но не забыться и в запое.
Об этом знает и жена,
Что, вынося его из боя
Под Ельней, зренья лишена.

Ведь даже в праздничном застолье
Средь внуков, снох и сыновей
Супруг сжимается от боли
Под гнётом памяти своей:

– Эх, детки милые, простите!
Не всё дано вам понимать,
Но пуще жизни берегите
Свою заботливую мать!..

И обожжёт слеза солдата,
И, горше всякого вина,
В стакан сорвётся. И тогда-то
Плясать поднимется жена.

Она по голосу узнает,
Как нервно дёрнет он щекой.
Но не поймёт, что доконает
Супруга чуткостью такой.

* * *

Обычные российские
Края, дождём политые.
Пырей блестит ворсинками,
Кузнечики пиликают.

Шмели замороженные
Повыпачкались в солнышке.
А в ягодах крыжовника
Просвечивают зёрнышки.

И человеку хочется
В знак вечной благодарности
Воздать природе почести
За все земные радости.

В СТАРОМ ГОРОДЕ

Он так мне дорог – этот стиль,
В котором просто всё и мудро.
Резной петух, взлетев на шпиль,
Глядит в стотысячное утро.

Но не дано петь петушку
И на пшено скликать хохлаток.
Он прячет древнюю тоску,
Как тело рыцарь в ржавых латах.

Он, верно б, умер, если б мог,
Чудак жестяный, добрый Петя.
Но у его железных ног –
Следы не одного столетья

И черепицы чешуя
В багрянце нового рассвета...
А кто такой с ним рядом я? –
Никто мне здесь не даст ответа.

НОЧНОЙ ХУДОЖНИК

Сыну Эдуарду

Что не всегда история права,
Мы сотни раз успели убедиться.
Ночной художник. Мудрая сова
Ему могла стать сокровенной птицей.

Она на нас таращила глаза,
С небесной высоты роняя перья,
Но не сумела и на полчаса
Рассеять наши глупые поверья.

Её не терпит весь дневной народ
За то, что всё в ней как-то несуразно,
И в наши мысли вносит лишь разброд,
Что для любого грешника опасно.

А он в ночи рисует острова
И многим непонятные картины.
Ну а природа, как всегда, права,
Терпеть не может бытовой рутины.

Твори, мой сын, свободу возлюбя.
Пусть не минуют душу твою страсти.
И распахнутся дали для тебя,
Ничьей не покорившиеся власти!

ЧЕРЕНОК ЛОПАТЫ

Словесных стружек завитки чреваты
Планиды клятой эпилогом стать.
И я строгаю черенок лопаты,
Что мой талант могла бы закопать.

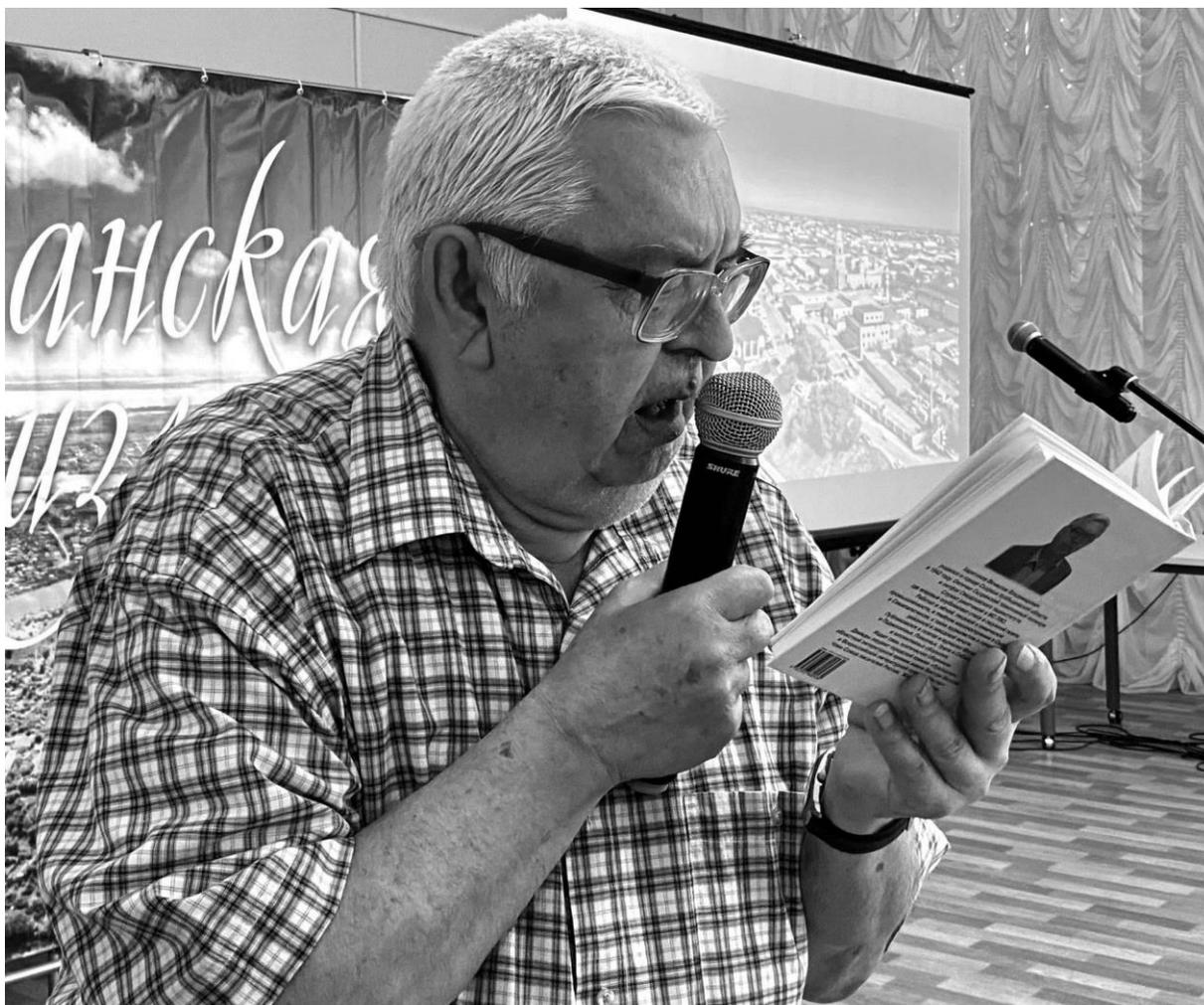
Пусть байки о прозрениях поэта
Уходят в чернозём или в подзол,
И лишь потомки для себя отметят
Принёс я им почёт или позор.

И будет до конца ль опубликован
Пример не слишком праведной судьбы,
Или же, днём грядущим забракован,
Наморщит озабоченные лбы.

Вот жил, мол, на планете человеке,
А всё, чего добиться в жизни смог,
В реестр попало, далеко не вечных
Стихов и книг, что бог издать помог.

Но всё же, если разобраться здраво,
Понятно это даже дураку,
Хотя бы имя оправдал ты, Слава,
Перед роднёй и в дружеском кругу.

Сумел, заботы свято разделяя
С народом православным заодно,
Служить Отчизне, совесть не роняя,
А это ведь не каждому дано!

Вячеслав Харитонов на фестивале «Сызранская излучина»
22 сентября 2023 года

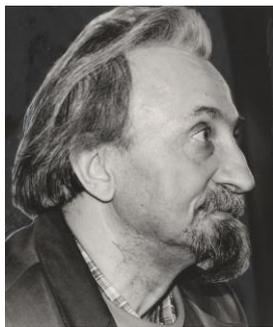

Вячеслав СМИРНОВ

Самарская обл., г. Тольятти

Поэт, прозаик, драматург, театральный критик, издатель. Заместитель председателя Тольяттинской писательской организации. Член Союза российских писателей и Союза писателей России. Учредитель, соредактор и издатель тольяттинского литературного журнала «Город». Член Ассоциации театральных критиков. Статья посвящена Эдуарду Ивановичу Пашневу – инициатору создания Тольяттинской писательской организации.

ЭДУАРДУ ПАШНЕВУ – 90 ЛЕТ

Пашнев был бодрый старик. Во всяком случае, он прожил бы ещё много лет, и в свой 90-летний юбилей 15 августа 2023 года мог бы лично принимать поздравления. В интервью, которые он мне давал в разные годы после отъезда из России, в письмах и при личных встречах он не переставал восхищаться социальным и медицинским обеспечением в Сан-Франциско, штат Калифорния, где он проживал. Эдуард Пашнев говорил, что это идеальное место для стариков, и живописал постоянную опеку различных служб над ним и его супругой в плане поддержания здоровья. Пасынок Пашнева, **Дмитрий Кирпотин**, был биохимик, гражданин США, поэтому при переезде за океан Эдуарду Ивановичу не было необходимости пробивать себе место под солнцем. В постсоветской России он уже пользовался благами пенсионера, та же ситуация сложилась у него и в США.

Почти за 10 лет до своей смерти, а точнее, 20 мая 2011 года, Пашнев писал мне: *«Болею серьёзно – пневмония. В госпиталь попал по скорой помощи. Два дня лежал в реанимации, потом два дня в палате и десять дней лечился дома – принимал антибиотики. В Америке очень сильная экстремальная медицина. Мне вскрывали яремную жилу, чтобы как следует промыть под капельницами. У меня такое ощущение, что меня просто спасли. Сейчас чувствую себя превосходно. Езжу в казино, работаю за письменным столом».* Словом, предпосылки к финалу складывались не вдруг – если мы говорим не только о возрасте.

В октябре 2020 года Эдуард Иванович вместе с супругой **Натальей Валерьевной Кирпотинной** заразились коронавирусом. Но американская медицина и в этот раз продемонстрировала свою эффективность: пожилая семейная пара пошла на поправку. Вдруг что-то стало происходить не так, у Пашнева наступило стремительное ухудшение, хотя жена и пасынок были уже здоровы. Эдуарда Ивановича подключили к аппарату ИВЛ, неделю он пребывал в медикаментозной коме, из которой обессиленного старика вывести уже не удалось. Наталья Кирпотина сообщила близким: *«Сегодня, 1 января 2021 г., в 5.25 дня скончался Эдуард Иванович (Пашнев)»*. Речь идет о местном времени Сан-Франциско. Значит, в Тольятти в этот момент было 2 января 2021 года, 4 часа 25 минут утра. Разница в 11 часов.

Знакомство

Если совсем коротко, опуская множество эпизодов, биографию Эдуарда Ивановича Пашнева можно уложить в десяток предложений. Родился 15 августа 1933 года в Воронеже. В 1964 году окончил московский Литературный институт имени М. Горького. Автор свыше 30 книг, среди которых «Хромой пёс», «Девочка и олень», повести «Белая ворона», «Приключения желудёвого человечка» и другие. Многие произведения переведены на иностранные языки. Кроме того, он автор полутора десятков пьес, за одну из которых, «Хроника одного дня» (Воронежский драмтеатр, 1974), был удостоен звания лауреата Государственной премии РСФСР, а также сценарист художественных фильмов «Поле перейти» (киностудия им. Горького) и «Певучая Россия» («Мосфильм»). В 1981–83 годах был председателем правления Воронежской писательской организации. С 1983 по 1988 годы – заведующий литературной частью Ярославского театра драмы имени Федора Волкова. С 1988 по 1996 годы заведовал в Тольятти литературной частью театра «Колесо». Инициатор и создатель Тольяттинской писательской организации. Последние два десятилетия жизни проживал с семьёй в Сан-Франциско (США).

Формально приказ о создании первого профессионального драматического театра «Государственный экспериментальный театр «Колесо» г. Тольятти» был подписан 2 марта 1988 года. Но спектакли в том здании, где сейчас находится театр, были показаны не сразу: ДК «50 лет Октября» нуждался в серьёзной реконструкции и ремонте. Помню, летом 1988 года, уже демобилизовавшись из армии, я подрабатывал сторожем-дворником в педучилище, расположенном прямо через дорогу перед бывшим ДК. Как-то ранним утром я вышел на улицу, сдав смену, и увидел знакомого, тоже сторожа на подработке: он

сидел в выдолбленной нише, словно на входе в пещеру Алладина. Теперь в этом месте расположены кассы театра. Я сделал несколько шагов внутрь, ощущение пещеры не проходило: содержимое здания в этом месте было выдолблено до второго этажа. Словом, пока шёл ремонт, «Колесо» находилось на перманентных гастролях.

Как только пришла пора обустроить свой «дом», Пашнев развил бурную деятельность: возникла потребность собственными силами сформировать вокруг себя культурную среду.

Из неопубликованной главы «Театр и литература» для книги Пашнева о **Глебе Дроздове** «Иноходец»: *«В городе работали три литературных объединения: «Лада», «Лира» и «Дом Репина». Я побывал в каждом и пригласил руководителей в театр. Глеб Дроздов предоставил мне для встречи с тольяттинскими писателями свой огромный, красиво обставленный кабинет. В 1981–1983 годах я был Председателем правления Воронежской писательской организации. В неё входили 60 человек, в том числе широко известные писатели Г. Троепольский, В. Гордейчев, Ю. Гончаров. Я полагал, что у меня есть опыт руководства крупной писательской организацией, и попытался объединить всех писателей Тольятти. Несмотря на то, что у некоторых авторов были уже книги, изданные в Самаре и в Москве, во всех объединениях царил обычный самодельный уровень. Моё желание собрать талантливых прозаиков, поэтов и драматургов вокруг театра «Колесо» натолкнулось на жесткое сопротивление. Все три руководителя решительно отказались от совместных действий. Вероятно, всё дело было в финансировании. В богатом автомобильном городе самодельность финансировалась, как профессиональное искусство».*

Тем не менее, в 1989–1990 годах в камерном зале театра Пашневым были организованы творческие встречи – поэтические вечера тольяттинских литературных объединений «Лада», «Лира», «Дом Репина». Для каждого литобъединения к мероприятиям напечатали буклеты: в них были фотографии и стихи авторов, а также программки театра.

С Эдуардом Ивановичем я познакомился в 1991 году: была предпринята попытка создать Тольяттинскую Ассоциацию писателей для детей и юношества под руководством Пашнева. Но дальше «Протокола собрания тольяттинских писателей, пишущих для детей и юношества» дело в итоге не пошло. Помню, принес я свою короткую повесть «Сказка о Маленьком Мышонке» – намечалась перспектива публикации в Куйбышевском книжном издательстве. Но Пашнев прочел и спокойно сказал: *«По-моему, это мотивы Винни-Пуха»*. Больше мы к данной теме не возвращались.

В этот период при кураторстве Пашнева в «Колесе» были проведены несколько важных для меня мероприятий.

В 1991 году там состоялся творческий вечер трёх авторов: **Алексея В. Алексеева, Вячеслава Смирнова и Александра Фанфоры**. Почему-то для нас казалось важным выступить именно в «Колесе». К тому же в зале присутствовали не только зрители, приглашённые лично нами – что обычно бывало не часто.

В 1993 году там прошёл бенефис в честь моего четвертьвекового юбилея. Некоторые поэты до сих пор с завистью вспоминают полный зал. Да я и сам был удивлён такой ситуацией.

Наконец, в 1996 году мы провели презентацию изданной мною книги **Юрия Панюшкина** «Пиво, секс и авторская песня». Запись мероприятия сохранилась, её можно найти в сети интернет – по названию издания и фамилии автора.

И ещё из того периода, как некий казус, запомнилось поэтическое выступление поэтов-авангардистов, посвящённое неподцензурной поэзии. В финале невозмутимый Эдуард Пашнев, спокойно выслушав всех, вышел на сцену, встал в позу, выдержал паузу и с пафосом произнес: «Г-но!»

С основателем театра «Колесо» Глебом Борисовичем Дроздовым тоже Пашнев меня познакомил. Заканчивался 1992 год, мы с Дроздовым встретились в фойе второго этажа: намечалось предновогоднее телевизионное интервью, для картинки я был в костюме Деда Мороза – правда, со своей, а не с накладной бородой. Тридцать лет назад она была ещё черной, а не белой, как сейчас. Зато до пояса. В беседе Глеб Дроздов много рассказывал о летней поездке на фестиваль в Югославию: скорей всего, это было самым важным для его театра при подведении итогов года. В 1993 году театр возил в Югославию уже целых три спектакля, но я не путаю, речь шла о более ранней поездке. По прошествии лет жалею, что не продублировал себе видеозапись – тогда это казалось неважным. Оператор внезапно умер 20 лет назад, и теперь все наши съёмки начала 1990-х годов мне недоступны.

Вспоминается характеризующая Пашнева история. Написал он эротическую поэму «Кентавры», и сам в «Колесе» поставил по ней спектакль. Кроме того, поэма была издана в виде книги тиражом 10 тысяч экземпляров: суперобложка в сложенном виде представляла собой программку, а в развёрнутом виде – афишу спектакля. Эдуард Иванович без экивоков обратился ко мне:

– Слава, нужен скандал. Нужна разгромная рецензия на спектакль. Можно даже с переходом на личности.

В итоге в феврале 1993 года вышли две дублирующие друг друга публикации в конкурирующих изданиях «Площадь свободы» и «Гольятти сегодня». Но я поступил гуманно: написал две диаметрально противоположных рецензии – хвалебную и ругательную. В 2022 году текст той давней публикации вошёл во второй том моей книги «Театры

Тольятти», его можно найти в сети интернет. Словом, Эдуард Иванович знал толк в воздействии на массовую аудиторию.

И самое для меня главное, связанное с Пашневым и «Колесом» – создание Тольяттинской писательской организации (подразделения Союза российских писателей), – не литобъединения, а первого профессионального писательского союза в нашем городе. Именно Эдуард Иванович был инициатором, двигателем, «трактором» всего этого. Я писал Устав нашей организации на основе Устава местного отделения Союза художников, и зарегистрирован этот Устав был в день моего рождения – 17 марта 1993 года. Самый первый адрес официальной регистрации нашей организации был ул. Ленинградская, 31 – это адрес театра «Колесо».

Когда у Пашнева завершился контракт с «Колесом», наши встречи и наше общение не закончились. Я учился в Москве в Литературном институте, и порой встречал Эдуарда Ивановича то в метро, то на улицах города – отчего-то наши пути пересекались. Именно он в 1998 году дал мне рекомендацию в Союз российских писателей (СРП): мы встретились во дворике Дома Ростовых, где размещены писательские Союзы (ул. Поварская, 52), и Пашнев на скамейке, прямо на коленке, сочинил мне рекомендацию. Эта бумажка, написанная второпях, имела свой вес: Пашнев был не только известным писателем, но и в ту пору – членом координационного совета СРП.

Пашнев жил в писательском доме на Проспекте Мира, его соседями были **Булат Окуджава**, **Анатолий Жигулин**. Но в гости до поры не приглашал: его тесть, известный публицист и литературовед сталинской поры **Валерий Яковлевич Кирпотин**, почти столетний старец (умер в возрасте 98 лет), пребывал в тяжёлом состоянии, и посторонние могли потревожить его. Весной 1997 года Кирпотина не стало, после чего я неоднократно гостил у Пашнева: супруга, Наталья Валерьевна, кормила меня супом, подносила рюмочку настойки. Я с ужасом и благоговением смотрел на книжные стеллажи: всё-таки тесть родился в XIX веке, имел профильные интересы, и его библиотека, как цельная единица хранения, представляла несомненную ценность. Во всяком случае, почти все книги 1920–50 годов были с автографами авторов – тех, которых мы изучали по школьным учебникам.

Дружба по переписке

Уже в нынешнем веке мы с Пашневым общались в основном дистанционно, хотя он несколько раз приезжал в Тольятти. В этих случаях я делал с ним очередное интервью: местные СМИ по старой памяти благосклонно относились к этому персонажу, и в целом охотно публиковали такие материалы. Первые приезды Пашнев селился

в актёрском общежитии на ул. Голосова, 97. Как-то, договариваясь о встрече там, я поинтересовался, как мне попасть в квартиру. На двери подъезда не было домофона, да и сотовые телефоны тогда были не так распространены, как сейчас. Пашнев не растерялся:

– Ты подойди к подъезду, крикни: «Эдик!» – и я тебе брошу ключ.

Последние приезды он уже селился в гостинице «Жигули»: с годами связей с театром «Колесо» становилось всё меньше. В свой последний прилёт в Россию Пашнев посетил только Воронеж: у него там осталась квартира, библиотека, архив, нужно было привести в порядок бумаги. Ему уже тяжело давались перелёты через океан. В 2011 году, во время нашего последнего очного интервью, Пашнев ответил на вопрос «Что бы вы хотели пожелать в Тольятти тем людям, которые вас здесь всё ещё помнят и любят?»: *«Наверное, уже мало осталось таких людей, годы идут. Уже десять лет, как я нахожусь за пределами Тольятти. Но я всё время приезжаю сюда, я встречаюсь с писателями, мы выпиваем немножко коньячку, мы читаем друг другу стихи... И я хотел бы, чтобы это продолжалось долго. Я хочу чувствовать себя участником этого процесса, участником той организации, которую я помогал создавать».*

Помимо интервью, я публиковал и произведения Пашнева. Так, его пьеса «Робин Гуд» вошла в «Антологию тольяттинской драматургии» в рамках альманаха «Майские чтения» (2001). А в тольяттинском литературном журнале «Город» регулярно печатались стихи Пашнева. Однажды я даже опубликовал его киносценарий «Дьявол» по одноименной повести и дневникам **Льва Толстого**. Дело в том, что **Василий Панин**, режиссёр давнего фильма по сценарию Эдуарда Пашнева «Певучая Россия» (1986), снял к 175-летию Толстого фильм «Покаянная любовь» по этому сценарию, но... Пашнева в титрах не указал. Мы с Эдуардом Ивановичем разработали целую программу возмездия: серию газетных публикаций с детальным описанием скандальной ситуации, а также, собственно, осуществили официальное издание и самого киносценария.

Так постепенно сложилось, что я стал фактически литературным агентом Эдуарда Пашнева, его представителем в России. Чтобы связаться с Пашневым, ко мне обращались поклонники **Тамары Синявской** и **Муслима Магомаева**, поскольку у Эдуарда Ивановича выходили воспоминания об их совместном сотрудничестве, не вошедшие в книгу «Иноходец». Через социальные сети меня находили поклонники скончавшейся в 1960-е годы совсем юной художницы **Нади Рушевой** – ведь Пашнев написал о ней книгу «Девочка и олень». Наконец, окольными путями на меня стали выходить издательства – с просьбой связаться с Пашневым с целью переговоров об издании той или иной книги. Они находили через поисковик мои интервью в электронных СМИ, связывались с редакцией – и так добивались до меня. Как-то в своём

письме от 12 сентября 2019 года Пашнев написал: «...между тем, я тебе очень благодарен. Ты меня связал с издательством «Речь» в Петербурге. И в прошлом году у меня в этом издательстве вышла большая книга «Дневник человека с деревянной саблей» в подарочном издании с хорошим портретом хорошего художника **Виктора Прокофьева**, с хорошей статьёй, которая называется «Фантазия и мастерство». Написал профессор **Олег Ласунский**, в библиофильском мире знаменитый человек. Иллюстрировала книгу замечательная художница **Елена Жуковская**. И книгу, и её рисунки можно посмотреть в интернете. А в истоках всего этого – ты, Вячеслав Смирнов. Спасибо!»

В 2009–2010 годах мы затеяли переиздание книги «Иноходец» об основателе театра «Колесо» Глебе Дроздове – на этот раз в виде двухтомника. Были написаны новые 168 страниц – а это 10 или 11 глав. Некоторые главы печатались в бумажных и электронных СМИ, в литературном журнале «Город». Эдуард Иванович увлёкся темой, мы два года вели активную переписку, обменивались мнениями, вносили коррективы. Двухтомник так до сих пор и не вышел. В принципе, у меня на руках есть весь материал. Не хватает буквально двух глав – тогда они находись в работе. Но их можно восстановить уже без участия автора: одна глава публиковалась в тольяттинской газете «Площадь свободы», другая – в одном из воронежских изданий, кажется, журнале «Подъём». Была ещё справочная глава со списком спектаклей, которые Дроздов поставил за всю свою жизнь – но её, я думаю, тоже можно восстановить. Дело за малым (вздыхает). 26 октября 2009 года Пашнев писал мне из Сан-Франциско: «По поводу того, что Пашнева и Дроздова забыли, это понятно. Но Пашнев не забыл, Пашнев вспоминает и за себя, и за Дроздова. И надо понимать ещё одну вещь. Чем дальше уходит история, тем дороже память. Рано или поздно театр «Колесо» захочет вспомнить свою историю, и город захочет вспомнить историю создания театра «Колесо». Тогда и придёт очередь двухтомника. Иметь такую вещь, как два тома о театре – это же не каждому городу и театру под силу. А тут всё лежит, всё готово и ждёт удачного момента. Одним словом, будем держать этот проект в уме. А рукопись готова».

Ещё можно вспомнить, что на каникулах в январе 2011 года я организовал его прямое онлайн-общение с читателями и театрами, да и просто с интернет-пользователями. В одном из городских электронных СМИ была рубрика «Дежурный по городу», в ней в ежедневном режиме анонсировался тот или иной гость, который в течение дня отвечал на различные вопросы посетителей сайта. В каникулы гостей не было, да и сам сайт был на каникулах, поэтому Пашневу общения досталось сполна: его не отпускали в течение трёх или четырёх дней. Кажется, Эдуард Иванович остался чрезвычайно доволен

этой новой для себя формой общения. Возможно, Пашневу не хватало живого голоса из России. Отчасти эту нехватку компенсировали книги. Вот что писал мне Эдуард Иванович 23 октября 2011 года: *«Я снова на берегу океана. Отдыхаю от полёта. Очень трудно было лететь. От Москвы до Нью-Йорка 10 часов. Затем от Нью-Йорка до Сан-Франциско – 6 часов. Лежу на диване с книжкой, и не хочется вставать. Я в этот раз зашёл в Москве в 100-ый магазин на Горького и купил чемодан книг. Привёз в Сан-Франциско огромный том **Евгения Евтушенко**, весом, наверное, килограммов десять. Называется «Весь Евтушенко». Весь, без прозы, одни стихи. Четыре тома **Сарнова** «Сталин и писатели». Очень любопытное издание. Привёз том **Сергея Есенина**, в котором поместилось все его творчество: стихи, статьи, проза. Привёз полное собрание сочинений **Владимира Сорокина**, у которого ценю всего две вещи «Очередь» и «Свободный урок». Но тут есть почитатели этого скандального таланта, буду давать читать. Привёз три тома **Суворова** из новой серии. И привёз томик **Бориса Скотневского**. Хочу, чтобы лежал у меня на столе. Кстати, Борис успел мне позвонить и даже предложил встретиться. Но у меня уже не было времени».*

После жизни

В 1960-е годы свой диплом в Литературном институте Пашнев защищал романом «Дунька», руководил творческим семинаром **Лев Кассиль**. Роман тогда не вышел из печати, и Эдуард Пашнев дописывал его все последующие 50 лет. Почти во всех интервью у меня был вопрос о том, как продвигается работа с этим «долгостроем». А ещё часто – не в каждом письме, но почти в половине писем Эдуард Иванович делился информацией об опубликованных в газетах и журналах произведениях, о работе над многочисленными книгами. Вот пример такого сообщения в письме от 2 июня 2015 года: *«Сейчас я закончил мемуары о провинциальной жизни писателей в Воронеже «Когда мы были великими». Это о моей литературной молодости. Жанр: «роман из записной книжки». Некоторые фрагменты уже публиковались в «Литературной России», в журнале «Телеграф» (Воронеж), в газете «Воронежский курьер» и в других газетах. Написана также книга о казино в Америке «Автобус». В ближайшее время начну монтировать эти книги, применяя принцип монтажа в кино. Дело в том, что эти обе книги состоят из фрагментов. От того, как мне удастся сложить эти фрагменты, будет зависеть удача. Думаю, что я с этим справлюсь». Таких заготовок – и оконченных, и неоконченных работ было множество. Я не исключаю, что когда-нибудь у нас появится возможность*

ознакомиться с ними, ведь жизнь писателя продолжается вместе с его книгами.

А ещё за три месяца до смерти Эдуарда Пашнева мне написал молодой мужчина по имени **Константин**: *«Добрый день, Вячеслав! Друзья прислали мне статью, где вы 9 лет назад беседовали с Эдуардом Пашневым, вот эта статья (следует ссылка, – В.С.). Вот ещё статья, где вы с Э.П. на одной фотографии (опять следует ссылка, – В.С.). Не могли бы вы поделиться адресом электронной почты Эдуарда Ивановича или профилем соц. сети, мне бы хотелось с ним связаться. Дело в том, что я его сын, мы несколько раз общались, когда он приезжал в Воронеж много-много лет назад. После смерти моей матери контакты были потеряны, и я не общался с ним ни разу, это примерно 18 лет. Время идёт, он не молодеет, да и мне уже 37, у него есть внук и внучка, возможно, ему будет интересно пообщаться с ними, они про него спрашивают часто. Прошу прощения, если ошибся адресом. Буду благодарен за любую информацию»*. В подтверждение своих слов мужчина прислал скан письма, которое Пашнев написал в 1980 году его матери. С некоторым чувством трепета и неловкости я приступил к чтению: *«Здравствуй, женщина с именем финского сыра! Здравствуй, Виола! Здравствуй, музыкальная женщина. Здравствуй, сладкая женщина!»* – и т.д. Дело в том, что у Пашнева уже был сын в Тольятти, писатель жил здесь гражданским браком. Довольно быстро в социальных сетях я нашёл профиль ещё одного вновь объявившегося сына: признаюсь, я был поражён – настолько велико было сходство с юношескими фотографиями самого Пашнева. Я связался с Эдуардом Ивановичем, переслал ему полученные сообщения и скан письма. Пашнев отнёсся к ситуации довольно благосклонно: да, дескать, был грех молодости. Сын и отец всё же смогли пообщаться перед вечной разлукой. В этой удивительной ситуации я с теплотой думаю о продолжении, которое Пашнев получил во внуке и внучке: они никогда не знали деда, но, не исключено, когда-нибудь прочтут его книги.

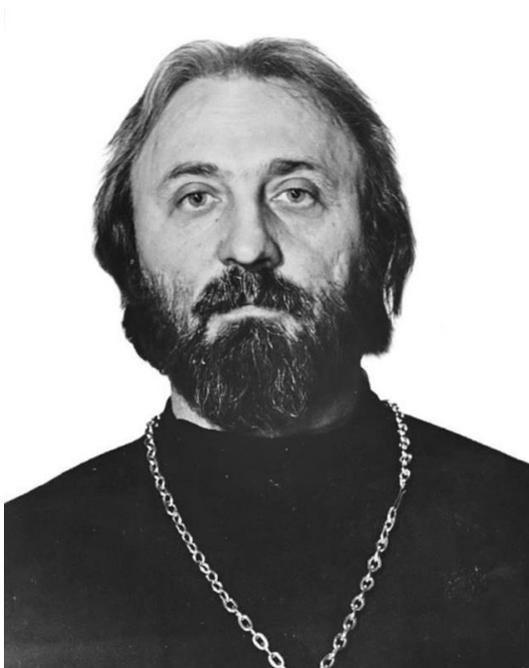
Мне будет не хватать Пашнева, с ним было интересно. Он относился комплиментарно к окружающим, умел приободрить словом. В нашем последнем интервью он говорил: *«В моей жизни ничего не изменилось: я как был русским, так и остался русским. Я живу интересами России. Всё, что я пишу – я пишу про Россию. С кем я дружу по-настоящему (литературно и человечески) – это всё в России»*.

Эдуард Пашнев в молодости, 1960-е

Лев Кассиль (слева) тепло отзывался о прозе Эдуарда Пашнева (справа), 1960-е

В фильме «Певучая Россия» Эдуард Пашнев в роли сценариста и священника, 1985

Основатели театра «Колесо» главный режиссёр Глеб Дроздов и завлит Эдуард Пашнев, 1990-е

В писательской лавке: Эдуард Пашнев, Вячеслав Смирнов и автор исторических романов Станислав Пономарев, 1990-е

Завлит театра «Колесо» Эдуард Пашнев и художник Виктор Петров, фото Владимира Холода, 1993

Фото автора и из архива автора

Дмитрий АНИКИН

г. Москва

Аникин Дмитрий Владимирович родился в 1972 году в Москве. По образованию математик. Предприниматель. Член Союза писателей XXI века. Публиковался в журналах «Новая Литература», «Зарубежные задворки», «Великороссь», «Камертон», «Тропы», «Фабрика Литературы», «Точка зрения», «Поэтоград» и др.

ОГНИВО

1

Закурить бы...

И по всем карманам
ну искать огниво – где ж оно? –
верная вещица – а обманом,
как и всё моё обретено.

2

Много чего солдат
делал, пока война!
Выживший – виноват,
заслуживающий ордена –
вдвойне. За спиной рюкзак,
поклажа, его доход,
добытый и так и сяк –
от вдов, от сирот!

* * *

Генералы, они –
богатые у богатых
берут, а мы – чернь войны,
нет более виноватых.

Домов дым и пух перин
по ветру. И крики, вопли
мёртвых. Дела мужчин –
любовные лапли, ловли.

* * *

А небольшой доход
скоренько истощился,
в крапе чужих колод
был фарт – прохудился!

Значит, что совесть всё
чиста, потому что –
было добро моё,
сплыло на пусто-пусто!

3

Она ему так сразу: я, мол, ведьма,
не сомневайся, милый, нечиста,
как самая война ваша. Смеётся,
в её глазах такие огоньки,
как ночью там у вражеских окопов
мелькали... Ну солдат и понимает,
что вот сейчас действительно пропал.

4

Солдат

А этих ведьм на дорогах тьма;
пока воевали мы,
они отчизну свели с ума,
ей подпустили тьмы.

Вот это – родина? Прах и гниль
свисают со всех ветвей!
Старухи рыщут, стучит костыль
каждой – мертвей, мертвей!

И каждой надо запутать путь,
чтобы никто домой!
Глаза у них, как живая ртуть,
рот красен, велик, кривой!

Попросит сука – ей пособи
в некошных её делах,
душу свою ни за что сгуби,
тело рассыпь в пыль-прах.

5

Ведьма

Ты уж, милый, слазай, колодец этот
пересох давно, неопасно, значит,
я б сама... Но старость, скрипят суставы,
косточки ноют...

На верёвку. Да не вяжи за шею,
ты вот так, под мышки, тебе удобно,
не сорвётся, я ухвачусь. Конечно,
силушки хватит.

6

Сил у неё хватит. Руки-то, руки,
погляди,
как две коряги –
коричневые и твердые,
древние-то, древние, как сама земля!

Такими кожи воловьи мять,
такими ветры к полю гнуть,
такими по весне льды ломать,
большой воде открывая путь.

Сил у неё хватит! Подталкивает тебя –
ну-ка, под землю
лезь, опускайся,
воздуха набирай в лёгкие,
когда ещё подышать придётся!

7

Солдат

Не в таких ещё бывали дуплах,
экой старью, прелью тянет – ну,
опускай! Сыграю этак крупно,
проиграв по мелочи войну!

8

Ведьма рассказывает ему,
как оно будет, когда во тьму, –
не так, бывало, война темнила,
войска в атаки свои водила.

Ведьма знает подвохи и
как аккуратно их обойти –
не так военные командиры,
чтоб гнать на залп, на огонь, как в тире.

Ведьма потянет всю кладь наверх,
он и мешок, что тяжёл, как грех, –
не так, как раненого солдата
товарищи только обшарить рады.

Ведьма готовится обобратить,
в равный делёж едва треть отдать –
не так страна за все наши службы
просто взашей, кто уже не нужны!

9

Ведьма объясняет ему диспозицию.

Ведьма

Там, значит, первая собака,
глаза как блюдца,
рычит, но двинуться без знака
не смеет, льются

две слюнки, две с клыков свисают...
Хватай чертовку,
сажай на мой передник. Знаю,
сумеешь ловко.

Под ней сундук. Откинешь крышку,
там медь – монеты,
греби как можешь, на излишки
нам счёта нету.

10

Ведьма

Ну а вторая шавка глянет –
как жерновами
покрутит мельница. И прянет
жрать с потрохами.

Урчит некормленное брюхо,
но ты не бойся:
второй передник даст старуха,
ты им укройся!

Собака чует, станет рыскать,
сундук покинет,
в нём серебро – бери без риску,
горсть сколько вынет.

11

Ведьма

Как башни – лютые глазищи
у третьей суки.
Геката смотрит, жертву ищет
убить со скуки!

Кинь ей передник – прянет, в клочья
его терзая,
тебя хоть рядом, хоть воочью
не замечая.

Откинешь крышку – светит золото,
собой сияет!
Одной монеты, чтоб богато,
нам не хватает...

12

Солдат

Руки загребущие ссыпали
три добычи. Вот она, моя
настоящая судьба. Едва ли
есть полнее мера бытия.

Трижды наполнял, три веса в ношу,
швы трещали, планы бытия
совмещались – ничего не брошу,
вся добыча вот она моя.

13

Ведьма

Всё, сынок, себе оставишь, потому что прах
все добычи, все монеты, всё, что впопыхах
сыпешь в ранец, высыпаешь, хоть все три туда
умести свои добычи – влезут без труда...

Ну а мне чего, старухе, надо? Табачку
покурить, укрыться в дыме, разогнать тоску;
есть там, право, безделушка, вещь такая, что
мне – на память побрякушка, а тебе – ничто.

14

А что б солдат ни делал, всё всегда
теперь война. И каждый встречный – враг,
убить – это разумно и привычно,
когда ты не успеешь, то тебя...

15

И он берётся за оружие –
всё сдал, но ржавый штык остался, –
всего-то в бок старухе нужно,
но глубоко чтоб, на три пальца.

16

Сомнительный, конечно, подвиг – так вот
штыком старуху... Ну и скинул труп
в колодец.

Солдат

Чтобы ведьма не решила
захватить золотишко себе?! Нет...
Ищите дурака! Она бы в спину.
Ещё у ней такие заклинанья...

17

Доделав дело –
скорей, скорей!
Он прячет тело –
снесь – от зверей...

18

И деньги ляжку жгут. Да что там ляжку –
их много так, что жаром естество
всё целиком томится. Он в карман
монеты трогать и перебирать –
что ж там ещё, что пальцам больно... а...
огниво...

19

Шёл солдат в деревню, а теперь в город направится.

Солдат

А теперь я пребогатый сукин сын,
а теперь я не солдат, я господин,
а теперь пойдёт в трактирах пыль столбом,
я монету,
я медь эту,
я ребром!

Покуражусь – собирайтесь, бедняки,
покормитесь, сволочь, голь, с моей руки,
вы сцепитесь за подачку – пыль столбом,
за потеху
вам для смеху –
серебром!

В дом весёлый сам неkvёлый захожу,
выводите такую госпожу,
чтобы с чувством, чтоб от страсти пыль столбом, –
ей – червонным,
ей – законным,
ей – с гербом!

20

И жизнь пошла солдатская такая –
не надо лучше...
Перед ним в долгу
весь город наш, швыряет он без меры,
чего жалеть...
Сам бургомистр сводит
бюджет солдатским золотом.
Мы все
зависим от зарвавшегося хама...

21
Солдат

Пусть назовут этот город,
маленький городок
в честь меня: месту – впору,
вам – пустяк, а мне – впрок.

И на площадь статую
в полный рост я хочу –
чтоб стою, в ус не дую,
над людьми шучу!

Генеральского званья
все регалии мне:
в стратегическом плане
я умею вполне.

И дворянство мне нужно,
чтоб потомство века
чтило герб, где оружие,
ну и лавры венка.

А ещё, чтоб в соборе
пастор слово сказал
обо мне, об герое,
чтоб в орацию зал!

22

Ну, как и говорили умные люди, всё заканчивается быстро и некрасиво.

Звучали золотые доводы
любви, но, кажется, исчерпаны,
гудят докучливые оводы –
дурные мысли: эти женщины
не стоили, любую ушлую
в постели можно и бесплатно,
чтоб без подарка и без ужина.
И что с того, что долго, маетно...

Уж в ранце серебро, не золото:
и всё-то ставки ошибаются,
всё бито, всё рулеткой смолото,
так скоро шансы истощаются,

быстрей, чем это мы расчётами
предвидели, как будто старая
оттуда ворожит – тенётами
ловя удачу, отбирая...

Медь шла на дело: харч и выпивка,
стонали стоном ресторации,
откуда сытых-пьяных выперли,
куда не надо возвращаться и
канючить то, что недоедено,
недопито, – поутру постнику
возжаждется глотка последнего
от состояния несносного.

23

Закончились солдатские ресурсы,
гол как сокол, он хочет прежних дел
и преданности должников своих.

Но, слава богу, хоть на это хватит
ума у нас, достоинства – прогнать
нахала, нищebroда. Мы готовы
терпеть из уважения к богатству,
но мы задаром подличать не станем!

24

Солдат оказывается там, где ему и место.

На чердаке ему привычно,
пусть крысы юркие снуют,
пусть в трубах ветер воет зычно –
такой вот бедняку уют.

* * *

Дурные мысли посещают,
как будто вот проснулся, бред
какой-то, деньги так не тают,
какой-то должен быть их след:

покупок нет, похмелья тоже,
а не привиделось ли всё? –
Старуха ведьма это может,
крутя колодца колесо...

И хорошо, что не бывало
удачи нам и вспоминать
почти что не о чем. С начала,
с нуля придётся начинать

жизнь трудовую, жизнь такую,
что горше горькой, никогда
не даст удачу никакую
за годы тяжкого труда!

25

Да нет, не бред. Всё это было, было,
а вот и доказательство. А то
уж ум за разум начал заходить...
Не так уж безнадежно всё. Когда
была уже удача, что мешает
вернуться ей, чтоб взять за шкирку нас?

Берёт огниво, искру высекает.
И что в неверном свете воровском?
Украдкой тень беглая, собачья.
Глаза у ней как блюдца. Он ещё
огнивом стук – другая псина сразу,
а может быть, другая тень. Глаза
как жернова... Он третий раз стучит
огнивом, ждёт, что третья пасть Гекаты
разявится.

И пасть не медлит капать
тяжёлой, ядовитую слюной.

О, вот ведь как. Какие чудеса...

26

Ходят, нюхают воздух, не по нраву
им, собакам, твоя конурка, ищут,
где хозяйка, – тут нет хозяйки, дальний
её запах, ин запах неживого.

Как в три пасти завоюют, так большая
приклоняется, мутью льёт холодной
мать-луна... В её свете трёхголовой,
скольконогой покажется тварь, псина?

До утра досидеть бы. Утром ранним
можно выскользнуть из дверей, – где люди,
там собакам нельзя, – плутаешь, знаешь:
не найдут больше. Станешь ты огнивом
ещё звякать? Да выбросишь игрушку.
Да устроишься сам на живодёрню.

27

Эта ведьма, верно, знала
нужные слова,
но солдату не сказала –
думай, голова;

есть, пока нас не порвали,
несколько минут,
время мало, суки, дали –
что успеешь тут?

Вспоминаешь все собачьи
клички, их зовёшь,
обещаешь им подачки,
знаешь ведь, что врёшь!

Ищешь, что потяжелее –
стул? – сгодится стул,
только станут суки злее,
всё равно швырнул!

Кинулись, как по команде,
жрут в три глотки плоть:
«Эй вы, суки, перестаньте,
помоги, Господь!»

Но молитва не поможет,
тихая была,
ты и сам, солдат, не божий:
ведьма, все дела...

Крик последний утихает,
кончен смертный крик!
Тварь-Геката подвывает,
тужатся все три...

28

Остались от солдата,
остались от касатика
не ручки, ножки, органы –
всё порвано, всё сожрано!

Осталось – дело громкое,
история потомкам и
вот вещь-огниво нужная...
Судьба моя досужая,

ударить, что ли, с искрами
шумнуть, чтоб суки рыскали,
а вдруг послужат сильные,
дадут дары обильные?

Да нет, я битый, опытный,
и кто шепнула шёпотом:
«Не трогай!»? Ведьма старая
грозит своими карами...

29

Дальнейшие события: второе
обогащение и ночные встречи
с принцессой, казнь, чудесное спасение –
всё это так... всё – вымыслы, желание
хоть как-то скрасить правду, всю её
бессмысленность и наготу такую,
что и не растолкуешь, – очевидна.

* * *

История закончилась быстрее,
чем ожидали. Нужно человеку
побольше денег, а чудес не надо.
Совсем не надо. Только денег надо.

30

Это, сказочник, такая
сказка, что у ней
нет идеи. Как живая
среди тёмных дней

искра, может, озаряет,
может, так мелькнёт:
кто находит, кто теряет –
что? за что расчёт?

Только пробовать не надо,
без огнива мы
знаем – знанию не рады –
тварей здешней тьмы:

может, если стук – осечка,
не учуют нас.
А при свете-то конечно,
кто б при свете спас...

Конец.

Александр ВОРОНЦОВ

Самарская обл., г. Тольятти

Родился 14 июня 1939 г. в селе Радченское Воронежской области. Отец пропал без вести на фронте под Брянском в октябре 41-го. С 1970 г. живёт в Тольятти. Ветеран труда, ветеран ВАЗа, на котором работал 29 лет, из них 25 лет инженером-конструктором. Член Тольяттинского городского отделения Самарской писательской организации Союза писателей России. Член Союза писателей России. Автор книг «Ты понимаешь, я – не идол», «Дымок», «Неизъяснимая нежность моя», «Трубач», «Что помнится крепче», «Метеорит», многожанрового двухтомника «Вначале была жизнь» и сборника песен «Сердце не знало оков». Издавался в альманахах «Истоки», «Русское эхо», «Стрежень», «Сызранская излучина», «Новый Енисейский литератор». Награждён «Гоголевской медалью» ЮНЕСКО.

НАШИ

Война опять у Дона сутками
Ворчала, кашляя надрывно,
С морозным ветром звуки жуткие
Текли на хутор непрерывно.
А между хатами иззябшими
Порхали вести снегирями,
Что скоро-скоро встреча с нашими,
А там – «капут» фашистской дряни;
Что круто всё житьё изменится,
Что полицай с утра в омёте...
И вот с бугра от чёрной мельницы
Заговорили пулемёты.

На дне промёрзшего окопчика,
Укутав сына в одеяло,
Сидела мать с трёхлетним хлопчиком
И тихо: «Наши!» – повторяла...
С тех пор дорог немало пройдено
И поднято добротных пашен,
Но для меня понятие РОДИНА
Навек осталось в слове НАШИ.

Жаль, что Пушкин не бегал трусцой:
Нынче ведаем истину все мы,
Как надёжен тот способ простой
Укрепления нервной системы.

Чтоб, себя не расходуя зря
На такие неравные войны,
Бенкендорфа и даже царя
Принимать мог улыбкой спокойной.

На дуэли у Чёрной реки,
Застрахован от нервного стресса,
Проявил бы он твёрдость руки,
Застреливши пришельца Дантеса.

Кто бы дал ему дельный совет?
Кто бы с ним поделился секретом? –
Пушкин бегал ещё бы сто лет...
Только мир не имел бы поэта.

ВЕТЕР

Ветер, дубы и орешник сгибая,
По жигулёвскому мечется краю,
Воет отчаянно, словно от боли,
Словно попал ненароком в неволю.
Как во хмелю, исступлённо и яро
Бьётся в окошко прибрежной хибары:
В море беды натворил – и в испуге
Хочет запрятаться в жалкой лачуге.
Сжалился я и впустил бы злодея,
Да на жильё это прав не имею:
Видишь ли, ветер, собрат мой печальный,
В этом приюте я тоже случайный,
Тоже на время, в надежде, что вскоре
Буря утихнет в душе и на море,
Ты понимаешь, я сам не безгрешен,
И потому мне тебя не утешить.

МЕТЕОРИТ

Сквозь пустоту тысячелетий
Летит, летит
Навстречу точечке-планете
Метеорит.

Летит, а на Земле не знает
Никто о нём:
Ни поэтесса молодая,
Ни астроном.

Летит безмолвный, неуклюжий
Под блеск лучей,
Холодный, никому не нужный,
Ведь он – ничей.
Летит, пронзая мир трёхмерный
Почти пустой,
Но вот столкнулся с атмосферой –
И стал звездой!
Он режет небо яркой трассой –
Не подступись!
Да, он умрёт, но всё ж украсит
И ночь, и жизнь.
Теперь с восторгом наблюдают
За тем огнём
И поэтесса молодая,
И астроном...

Сгорел. Угас. Огонь растрочен –
Не в этом суть,
А в том, что он звездой горячей
Закончил путь!

СОЛНЫШКО

Нынче ночь и скучна и темна:
Ни звезды в небесах, ни планеты.
То ль пропил их вчера сатана,
То ли всё раздали поэты.

Ах, поэты! Лукавый народ:
Своего – ничего за душою,
Но не знают границы щедрот,
Если что-нибудь дарят чужое.

Завтра сам притворюсь простачком:
Чуть заря постучится в оконце,
Я полезу на крышу с сачком,
Чтоб поймать полусонное солнце.

Будет солнце в твоём сундуке
Полыхать ярче бабкиной броши.
Потому обо мне, чудеке,
Вспомнишь вдруг, как о чём-то хорошем.

НИКОГДА

*«Я тебя никогда не увижу,
Я тебя никогда не забуду...»*
А. Вознесенский

Век науки. И ты иногда –
Вот ведь чудо! – становишься ближе.
Понимаешь, в чём наша беда –
Я тебя никогда не увижу!

Канут в море гранит и пески,
Станут горы немножечко ниже,
Облетят гордых роз лепестки,
Но опять я тебя не увижу!

Словно бабочек или стрекоз
Время нас на булавку нанижет.
Всё застынет – ни бурь и ни гроз,
Всё равно я тебя не увижу!

География тут не при чём,
Даже степь не бывает без края.
Просто жизнь забурлила ключом,
Но уже не моя, а чужая!

Всё равно так певуче, заметь,
Сквозь миры и века, и остуду
Будет слово упрямо звенеть:
«Я тебя никогда не забуду!...»

ДЫМОК

Товарняк громыхал и железно, и страшно,
И летели навстречу столбы чередой.
Не сказать, что я очень уж был бесшабашным,
Но зато я отчаянно был молодой!

И когда сигануть не решался с подножки,
На шершавый откос, где светился ковыль,
То сначала бросал чемодан, как лукошко, –
И летел целовать придорожную пыль.

Я давно не гуляю по крышам вагонов
И прыжки под откос вижу только во сне,
И всё чаще становится мир законным,
А каким он просторным бывал по весне!

Зеленела в полях молодая пшеница,
И дурманил слегка паровозный дымок.
Что мне сбросить такое, чтоб снова решиться
Оплатить синяками простора глоток?

Пусть грохочет состав, и столбы налетают,
А подножка дрожит, уходя из-под ног,
Только пусть никогда надо мною не тает
Вечно юный такой паровозный дымок!

ГОРОДУ ТОЛЬЯТТИ

Мы с ним вырастали, как братья,
Поэтому дорог и мил
Мне город, что имя Тольятти,
Как знамя в бою, подхватил.

Друг друга мы строили прочно,
В фундаментах наших бетон.
В историю город, как строчку,
Вписал я нелёгким трудом.

Растёт он, высок и чудесен,
В венце жигулёвских полян,
Ему величальные песни
Возносит плотина-баян.

И нет его славе преграды:
В просторы бескрайней земли
Проворные «Нивы» и «Лады»
Навеки её разнесли.

1984

ЖИГУЛЁВСКОЕ ВИДЕНИЕ

Уходят лето и лета –
Осталась малость.
И я не тот, и жизнь не та –
Какая жалость!

Зачем-то я на склоне лет
На склонах Стрельной.
Ещё чуть-чуть – и вот хребет
Водораздельный.

Налево – бездна зелена,
В ней тонут хаты.
А справа – вольная волна
Бежит куда-то.

Последний камень впереди,
А дальше – небо!
И захолонуло в груди:
Взобратся мне бы!

Но, подпирая небеса,
Упругой тенью
С рыжинкой в лёгких волосах
Стоит виденье.

На самом краешке скалы
Стоит, курноса и бесстрашна,
А под скалой кружат орлы,
Как стражи башни.

Такая в мире красота –
Я к ней причастен.
И я не тот, и жизнь не та –
Какое счастье!

МОЙ ГОРОД

Я в этом городе – дома,
Мы с ним навеки родня:
Сотни людей мне знакомы,
Тысячи – знают меня.

Юный мой город непросто
Вымерять нынче пешком,
Но каждый дом, как подросток,
В нём от пелёнок знаком.

Нянчил младенцев весёлых,
Им помогал вырастать,
Чтобы потом новосёлам
Нравились рост их и стать.

От колыбели воспетый,
Вырос и дарит уют
Город, где струны проспектов
Сами сегодня поют.

Звонких мелодий аккорды
Плещут, как волжский прибой.
Город прекрасный и гордый,
Как мне стать вровень с тобой?

1982

МОЕМУ ГОРОДУ

Стёклами зеркальными блистают
Новые элитные дома.
Город мой нахально процветает,
Что уж там «тюрьма или сума»!

И домов сияющих вершины
Лезут любопытно в облака,
А внизу шумят, шумят машины –
Чем не полноводная река?!

Всё бы хорошо: живи, ликуя,
Только по окрестным по лесам
Слишком кратко пташечка кукует,
Предрекая век недолгий нам.

Только люди что-то делят, делят:
Делят рынки, банки и дома...
Город мой, ну, что с тобою делать,
Часом, не сошёл ли ты с ума?

Город мой, богатый и несчастный,
Как и вся бездумная страна,
В том, что Русь разорвана на части,
Есть и наша горькая вина.

РАЗЪЕЗД УСЛАДА

Мал разъезд, но какое название – Услава!
А пейзаж-то, пейзаж-то скользит за окном! –
Хоть какая-то глазу и сердцу награда
За внезапно и странно оставленный дом.

За тревожный вопрос: «А когда возвращенье?»
За невнятный ответный колёс перестук,
Что бывают прощенья за все прегрешенья,
Что бывают пределы тоскливых разлук.

Разноцветьем горит жигулёвская осень,
Но беспечна ленивая речка Уса.
Не пойму: то ли поезд, то ль чёрт меня носит,
То заносит в леса, то зовёт в небеса.

За покорность ему ничего мне не надо:
Кутерьма моей жизни бездарна почти...
Разве только разъезд, что зовётся услада,
Попадается изредка пусть на пути!

ЖИГУЛЁВСКИЙ ОСОКОРЬ

Устал я и жизнью замучен:
Всё беды от дочек и внучек.
Что душу мою облегчит?
Что будет от горести щит?

Поеду послушать в межгорье,
Как ветер шумит в осокоре,
Задумчиво, мудро шумит –
Он этим давно знаменит.

Приляжешь в тени великана –
Затянутся старые раны,
Коснёшься шершавой коры –
Забудутся наши миры,

По веткам побегаешь глазом –
И в небе окажешься сразу.
А там – жаворонок поёт!
Там ласточки юркий полёт!

Я с ними в зенит полечу,
Я ими себя полечу –
Забудутся беды и хворь...
Ну, где ты, ну, где осокорь?!

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

От жары и от гроз
Сердцу много ли толку?
Вот метель, вот мороз –
Это детства осколки!

Это зайцев следы
И сугробов громады –
Ух, запасы воды!..
Ну, а что ещё надо?

В сенцах – лыжи в углу,
Шуба сохнет на печке,
Полуночную мглу
Гладит пламя от свечки.

В полутьме образа,
За окном ветер свищет...
И зачем мне гроза?
И зачем мне жарища?

Не сошёл ли с ума?
Непонятное дело:
Я промолвил: «Зима!»
А в душе потеплело!

Тамара КИРИЛЛИНА

Самарская обл., Тольятти

Родилась 1 июня 1946 года в г. Медногорске Оренбургской обл. в семье фронтовика. В Тольятти – с 1950 года. Окончила Орский педагогический институт, работала библиотекарем, воспитателем детского сада. Автор двух книг стихов: «Обессилит когда-нибудь злость» (2007), «С небес и опять в небеса» (2012). Публиковалась в журналах «Русское эхо», «Город», альманахе «Стрежень», «Антологии тольяттинской поэзии», коллективных сборниках «Поэты в Ставрополе на Волге» и «Писатели и Ставрополь на Волге» (2019, 2021, составитель обоих сборников Семён Краснов), в книге «Музы Автограда» (2022, под общ. ред. А.М.Зеленцова) и др. изданиях. Член тольяттинского городского отделения Самарской областной писательской организации Союза писателей России.

ТИХИЙ СТАВРОПОЛЬ МОЙ

Православные корни –
Тихий Ставрополь мой.
Перезвон колокольный
Возвращает домой.

Детство всё ещё помнит
Бесконечный простор:
И цветущую Пойму,
И цепочку озёр.

Васильки и ромашки,
Подмаренника мёд –
Солнце в жёлтой рубашке
Над рекою встаёт.

Выплывают картины
Стёртой лодочкой лет:
Палисад, георгины –
Соловьиный рассвет.

И молитва под вечер,
И бревенчатый дом,
Где аукалась вечность
С парходным гудком...

ВОЛЖАНКА

Разбегусь с высокой горки,
В глубину реки нырну,
Если выросла на Волге,
На воде не утону.

Доплыву я до серёдки,
А потом решу, как быть:
Нет спасателей на лодке,
Можно Волгу переплыть.

И шутить мне так не страшно,
Пусть душа в груди замрёт!..
Кто мне с берега помашет?
Кто вернуться позовёт?

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ШИРЯЕВЦА

Дожди над крышей моросили,
Но песням не было конца.
Встречали праздник – «День России»,
На сцене сельского крыльца...

...Согрелись мы ухой горячей,
Нельзя на Волге без ухи!..
И местный житель тихо начал
Читать Ширяевца стихи...

Зовёт гостей гудок парома,
Я не забуду этот день,
Тепло бревенчатого дома,
Крыльцо и белую сирень.

Ещё стоит изба простая,
И воскресает снова Русь,
Когда Ширяево читает
Стихи поэта наизусть.

ИМЯ

В.С.

Рождественский сказочный иней,
Автограф на белом снегу –
Мужское красивое имя
Я долго забыть не смогу.

Быть может, ушёл со святыми,
Его мне уже не найти!
Осталось одно только имя
И тайная нежность в груди.

Остались невнятные грёзы,
Январских свиданий штрихи...
Не зря обжигали морозы,
Просились на волю стихи.

БИБЛИОТЕКЕ «ФОЛИАНТ»

Выпал снег – и нет невзгод!
Всё теперь в порядке,
Потому что – Новый год,
Потому что – Святки.

И причудливый январь
Лепит зимний домик, –
До утра горит фонарь,
Где ночует гномик.

А сугробы высоки,
Выше только горка,
Мчатся с горки чудаки,
Млея от восторга.

В Рождество запретов нет,
Хоть и нет гарантов!..
Но горит в окошках свет
Сказкой Фолианта.

МОГУ ЛИ?

С кем радостью мне поделиться?
Стоит, красотой горда,
Прекрасная роза-царица!
Страдания нет и следа.
Вчера опустила головку,
Завяла совсем без воды...
Трезвонить об этом неловко,
Во время всеобщей беды,
Людей пустяком беспокоить,
Твердить восхищенья слова:
Смотрите-ка, чудо какое,
Прекрасная роза – жива.
Её я спасала любовью,
Не мёртвой – живою водой.
Могу ли гордиться собою?
Могу ли сразиться с бедой?
Вселенские высушить слёзы,
Неужто не хватит мне сил?
Весь Мир я спасала как розу,
А розу спасала, как Мир.

* * *

Ослепительно солнце сияло,
но весна была только в пути.
И тогда я уже потеряла
то, что с Вами сумела найти.
С Вами солнце горело до ночи,
грели вербу весенние сны.
И раскрылись наивные почки,
виноватые без вины.
Был январь на себя непохожий.
Пел мне песни тогда соловей!
Но недолго. Вы только прохожий
в перепутанной жизни моей.
Всё смешалось! И, правда и, грёзы.
Я задерживать Вас не могу...
Ветки вербы и ветки мимозы
Утопают сегодня в снегу.

Ольга КУЗЬМИЧЕВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ

(Республика Татарстан, г. Набережные Челны)

Родилась 8 апреля 1964 года в г. Волжский Волгоградской обл. Окончила Набережночелнинское училище искусств (виолончель), Набережночелнинский пединститут (педагогика и психология), Высшие лит. курсы Литературного института им. А. М. Горького. Член Союза российских писателей, Союза писателей Республики Татарстан. Руководитель литобъединения «Лебедь». Автор песенных альбомов «Любовь пою» (2002), «Ты услышишь» (2008), «Маленькое скерцо» (2012); четырёх книг художественно-документальной прозы: «Одноклассники. Письма в будущее» (2009), «Всё – ничто – без любви» (2015), «Там, где цветёт шиповник. История в лицах» (2018), «От Кургана до Мехико» (2022); четырёх лирических сборников: «По воле небес» (2003), «Раскачивая маятник судьбы» (2008), «Янтарная бусина» (2017), «Музыкальные диктанты» (2023). Соавтор литературно-музыкального спектакля «Дай мне руку» – по письмам М. Цветаевой и Б. Пастернака (2019). Лауреат Республиканских премий «Хрустальное перо»; им. Сажида Сулеймановой; Национальной лит. премии «Золотое перо Руси». Лауреат Всероссийского поэтического конкурса «Голоса цветов» (Тольятти, 2023).

КАРТИНА

Сквозь мартовский снег
проступил золотистый песок...

Как солнечный зайчик,
пробился на холст
одуванчик.

Художницы кисть
расписала его сарафанчик
и травки подбросила
в светлый весенний лесок.

Вот-вот
по наитию ветра
сорвутся слова,
вот-вот
разольётся мелодия
красок чудесных,
и холст оживёт,
напевая цветения песню,
и солнцами
сорная
вдруг
засияет трава.

Умирающий снился лебедь.
Перья белые падали снегом.

Я хотела спасти, но верить
не умела... А в чёрном небе
долго бились лучи зарницы,
а в молитве – слова о хлебе:

«даждь нам днесь»...

Только и молиться
не могла...

Но в колокол птица
превратилась в закатном небе:

долгий «бом-м»,
долгий гром;

и стон:

«Брат – не брат», –
скорбный, донный бас...

В развороченном и пустом
сердце

кровью застыл Донбасс.

Перья – души детей, белы
упадали на Млечный путь.

«Наведённые в грудь стволы
отведи, Отче, как-нибудь...»

Сердце ныло, молитву творя:

«Ныне убо призри на ны,
неразумные чада Твоя,
защити, спаси от войны...»

И летели вперёд куда-то
не то ангелы, не то лебеди.

За солдатами шли солдаты.

«Вы осилите!.. Вы скрепите
Рубежи...»

И взмывала птица –
я глаза подняла –

Мария!

«Дева, имя твое святится...»

Богоматерь покров творила.

Кафедральный собор о пяти куполах. Панихида.
Богородицы лик – утешение в скорбной юдоли.
О, Пречистая Дева, прости ей, что Царство Аида
распахнула своею рукою, не вынесла боли...

Я послала бы ей сообщение голосовое,
чтоб дыханье продлилось, но мессенджера не найдётся...
Только Кама, что Летою стала, под ветрами воет,
рядом Тойма томится, глубокие стынют колодцы.

А вода в них чиста, только не напоила поэта,
не плеснула, живая, на кровоточащие строфы:
и лишь по небу гривою чиркнув, погасла комета,
затянулась петлёю строка на гвозде апострофа.

И от Третьего Спаса в день третий все стороны света,
все окраины стонут трубой горловой без сурдины.
Вновь пронизано звоном прощальное зарево лета,
и летит над Елабугой имя – Марина, Марина...

ОДИНОЧЕСТВО

Как зябко в тишине осенней тьмы.
Лишь снег стучит в стекло – тяжёлый, липкий,
как будто пиццикато нервной скрипки
частит о неизбежности зимы.

Окно напротив светом маяка
пронзает сети веток оголённых,
в нём вижу силуэты двух влюблённых...
А в сердце у меня лишь маета.

Знобит. И у беды – скрипичный строй,
звучит каприс Никколо Паганини.
И ревность источает колкий иней,
и душу рвёт подпиленной струной.

Тень ясеня неслышно
царапает стекло.
Как будто время вышло –
в часах песком стекло.

Темно.

В хрустальных латах
пять белых хризантем
с зелёным ароматом –
любви моей тотем.

Цветы – комочки света
в осенних кружевах –
таят улыбку лета,
рассеивают страх,
мне милый передал их
с запиской: «Вместе мы»...

А за окном – бульвары
в предчувствии зимы:
на лужах – тонкий, хрусткий
ледок; и снег летит.

И без надежды грустный
фонарь стоит – разбит;
лишь редкая машина,
умчась за поворот,
напомнит визгом шины –
там где-то жизнь идёт...

Больничная палата,
открыта дверь. Горит
единственная лампа –
дежурная не спит.

И я не сплю, и ясень
сквозь стылое стекло
мне будто шепчет: «Ясен
случится день...»

Светло.

* * *

Клавиши рояля перекрашу –
чёрные в зелёный, жёлтый цвет.
И на белых – лепестках ромашек –
разыграю: любит или нет...

Разольётся звуками былое:
жёлтый мне вина измен плеснёт;
а зелёный – вечною тоскою –
жгучей лапой хвойной полоснёт.

Я сама ломала хвои эти,
траурный чинила отворот:
от судьбы – долой;
пугали сети
и манили –
взгляд твой,
жаркий рот.

И вскипали жилы зельем ржавым,
будто реки, рвущиеся с гор:
пала, князь, к ногам твоим держава,
Промысел верша, как приговор...
Маковки ромашек зазвенели –
сводов золотых колокола.
Мой родной!.. А я и в самом деле,
в перезвоне – вздохом – ожила.

Ожила. И клавиши не крашу
чёрные в зелёный, жёлтый цвет, –
я узнала, Господи, ответ.
Ожила. И умереть – не страшно.

* * *

На проспектах яблони цветут,
во дворах черёмухи вскипели,
ветер лепестковые метели
закружил – снежинки там и тут;
скоро почки тополя – в салют,
наметёт сугробов жарких-жарких!..
Не подумай, мне зимы не жалко.
Жаль цветы – их дворники сметут.

* * *

Ветер всепрощающего мая.
Быстрая студёная Ока
встретила нас, будто понимая:
вместе мы на время, лишь пока
мудрая позволила Мелета,
зная всё, что впереди нас ждёт...
Божье народившееся лето
в день один вместило целый год.
Может, оттого, не чуя стыни
окских вод, бросались мы в волну,
и она, вскипая на стремнине,
выносила нас на глубину;
но звала, шумела океаном
берега цветущая трава,
тополь заговаривал нам раны,
ты шептал мне жаркие слова.
А над лесом радостные висли
птичьи голоса. Кукушка счёт
свой вела, не допуская мысли:
всё проходит, этот май пройдёт...
Он промчался на стрижиных крыльях.
Крикну – эхо. Солнце запад жжёт.
Город опустел. Кафе закрыли,
что в Тарусе время стережёт...

* * *

В безропотном падении листа
я слышу звук дрожащий клавесина.
Осенняя мелодия проста,
как голая, озябшая осина.
Во всём сквозит сиротская тоска,
щемящая ледком, и в глянце – лужи,
и солнца живописного мазка
не видно на холсте предзимней стужи...
Последний лист, как ржавчина клейма,
осенним настом впаянный в холстину,
уснул – и не звенеть уж клавесину.
Басами вьюги ухаёт зима.

Анатолий КУЛИКОВ

Самарская обл., г. Тольятти

Родился в Заполярье 25 октября 1954 года. Закончил Самарский госуниверситет. Историк, социолог. Редактор радио и ряда городских газет. Выпустил два сборника прозы «Живём», «Ещё живём» и книгу стихов «Я успеваю жить». Кандидат в члены Союза писателей России.

ЖИЗНЬ СО ВКУСОМ

К чему нам пустые наветы –
Мы вкусно и сытно живём.
Печенье, жвачку, конфеты
Со вкусами фруктов жуём.

Со вкусами мяса сосиски
Себе на обед подаём,
Спиртное со вкусами виски
Мы гордо по праздникам пьём.

Смакуем пустышку, как дети,
И верим в придуманный миф.
Со вкусом бекона в пакете
Картошка и презерватив.

Со вкусами денег зарплату
Несём мы с работы домой,
Со вкусом культуры за плату
Концертный мы слушаем вой.

Со вкусами знаний из школы
Бежит по дворам ребятня,
Со вкусом закона не скоро
Вершит правосудие судья.

О вкусах не спорят в бессилии,
И спорить я здесь не берусь,
Но только лишь слёзы в России
Имеют естественный вкус.

* * *

Обожжётся небо о закат
И заплачет звёздными слезами,
Проведёт дорогу между нами
Лепестками яблоневый сад.

Буду петь я песни про любовь,
Ты, внимая мне, согласишься в вечность.
Будешь так божественно-беспечно
Отдаваться чародейству слов.

Покачнётся месяц в небесах,
Разрезая жизнь на половинки.
Только две небесные слезинки
Заискрятся у тебя в глазах.

* * *

Как скоротечна жизнь! В мерцающей тиши
Прийти, понять, постичь, не расплескать случайно.
Гармонию миров в гармонию души
Тихонько перелить... и раствориться в тайне.

Как скоротечна жизнь! Ведь тяга к красоте
Ещё не в тягость мне, ещё не рвётся нить.
Среди мельканья дней, летящих в суете,
Я успеваю жить, я успеваю жить...

Татьяна ЛАВРИНОВА

Самарская обл., г. Тольятти

Родилась 28 января 1972 года на острове Сахалин. Окончила три курса Хабаровского института культуры по специальности библиотекарь-библиограф универсальных библиотек, а затем, приехав в 1994 году в Тольятти, продолжила образование, получив диплом Тольяттинского государственного университета. Работает в детской библиотеке. Автор сборника «Стихов живые амулеты». Печаталась в альманахе «Стрежень», журнале «Слово» (Южно-Сахалинск). Дипломант городского конкурса «Поэзия

Тольятти» (2022), финалист Всероссийского поэтического конкурса «Библиотечная муза» (Тольятти, 2022).

* * *

Исписанный листок,
Окружье лампы,
И кот, зевающий у ног,
Всё моет лапы...
Прохладный зев небес,
Звёзд вереница,
Со мною на земле и без –
Всё повторится...

КОНЕЦ ЛЕТА

Было лето? Было или нет?
Пролетело, отзвенев заманчиво,
В золотящейся листве сокрыт ответ,
Для которой лето много значило.

Не сезон – большая жизнь
Сочных трав, налитой силой зелени,
А теперь доверчиво дрожит
Пламенный листок в угоду времени...

Охрой кроны расцветит и заревом,
Летняя агония легка,
Жизнь идёт. И повторится заново
Песней молодого ветерка...

* * *

Причитанье старой вьюги
За синеющим окном,
В зимнем круге, давнем круге,
Сгинул мир, и сад, и дом...

Переключки злого ветра
С ночью, сонною луной...
Ничего на целом свете –
Только морок ледяной...

* * *

Раскину сети, вроде рыбака,
Чуть взбаламутив Муз, приму улов, –
Моя добыча и весома и легка:
Десятка два пульсирующих слов...

МОЛОДЫМ ПОЭТАМ

Новое поколение, молодое, горячее,
Страстное, чуткое, голосистое, зрячее,
Новый виток поэзии, новые смыслы, гении,
Всех Муз вам на плечо и верного вдохновения!

Дерзкие, богом в макушку целованные поэты,
Вам – оставлять грядущему оды, песни, сонеты,
Вам – переиначивать, строить, не разрушая,
Чтобы в привычных словах звучала душа большая.

* * *

Я – в круге, навсегда очерченном,
Как тесен круг...
И утром в нём, и днём, и вечером,
А ночью, вдруг

Кольца пределы размыкаются,
Полёт – стремглав;
Душа парит, в плену не мается,
Свой круг поправ...

Виктор МАЛАХОВ

г. Ульяновск

Родился в Челябинске. Член Союза писателей России с 2006 года. Автор 10 сборников стихотворений. Финалист премии «Наследие» (2016), лауреат областной поэтической премии им. Н. Благова (2017).

ВОЛГА

Волга – это значит воля.
Рыбий плеск и птичий гам,
Робы, белые от соли,
И сады по берегам.

Волга – это струги Стеньки,
Перекличка кораблей,
Ввысь взметнувшиеся стены
Белокаменных кремлей.

С Русью слитая навеки
И её земная суть.
Это – из варягов в греки
Подзабытый ныне путь.

Волга... Цепь седых курганов,
Тайны дремлющих веков,
Изумленья Ибн-Фадлана
Достиженьям мастеров.

Знает всякий посторонний:
Здесь приветливо живёт
И к труду, и к обороне
Приноровленный народ!

2020

ПРОЦЕСС

Здесь пейзаж ненавязчив и вкрадчив, –
Мне сегодня и нужен такой.
Кабы знать, что доподлинно значит
Этот мир у меня под рукой?

Пробирает весенней прохладой
Чуть желтеющий вербный пушок.
Ну а я всё пытаюсь поладить
Со своей неуёмной душой.

Что такое готово начаться?
Для чего наступает черёд?
Мир, раздробленный нами на части,
Скоро ль цельность свою обретёт?

Для чего на моих перепутьях,
На моих перекрестьях дорог
Эта свежесть весеннего утра,
Этот бьющий в лицо холодок,

Эта нежность, с которой на ветках
Нянчит небо заботливый лес?..
Собираю в себе человека
И никак не закончу процесс.

2018

БЫЛОЕ ВРЕМЯ

Уж такое время было:
Холод, голод и террор...
Но порою сердце билось,
Словно пламенный мотор!

И ковались же задорно
Счастья общего ключи!
И на пионерских сборах
Зажигали трубачи!

Жизнь то была водопадом,
То текла позорно вспять.
И чернить её не надо,
И не надо обелять!

ЗАВЕТНАЯ МЫСЛЬ

Мысль заветную свою,
Так и быть, сегодня выдам:
Мы уже живём в раю,
Только этого не видим.

Отчего же нам видать
Лишь несчастья и лишения?
Потому ль, что не туда
Поворачиваем шеи?

Невелик пока что рай,
Но такой родной и милый!
Надо бы его прибрать
От окурков и бутылок.

Лес избавим от плешин
В лучших правилах дизайна.
Что не сделает один,
То получится с друзьями.

Вот почистим родники,
Яблонек и груш насадим!
Молодёжь и старики,
Приходите, Бога ради!

Этот наш нехитрый рай
Не какая-то химера.
Если хочешь – расширай
До планетного размера!

Марина ЧЕРМИСОВА

Республика Татарстан, г. Казань

Родилась и живёт в Казани. Окончила филологический факультет КГУ. Более тридцати лет проработала в школе. В восьмидесятые годы посещала литературные объединения Николая Беляева «ARS» при КГУ и Марка Зарецкого при музее М. Горького. Автор нескольких поэтических сборников. Произведения опубликованы в журналах «Идель», «Казань», «Армак», в сборниках стихотворений современных авторов: «На самом деле» (Казань, 2020), «Вольный слог» (Самара, 2021 и 2022), «Сумайри-ки» (Казань, 2021), «Из Казани с любовью» (2022), «Библиотечная муза» (Казань, 2022), «Отцовский след» (Тольятти, Казань, 2022), «Стихоществие» (Тольятти, Казань, 2023). Составила и издала книги Бориса Гинзбурга, Ольги Овчинниковой, Михаила Киселёва, пять сборников поэтических миниатюр авторов из шести стран.

* * *

*пустая скамейка
в солнечных лучах
папина яблоня*

По невидимой колее
солнце катится столько лет,
а по тропке своей земной
папа гонит велосипед.

Тёплый ветер, июльский зной.
Слева лес стеной, справа луг.
Я за папиною спиной
с любопытством смотрю вокруг.

И, заметив, что в колесе
спицы светятся серебром,
между ними сую ступню...
И мы с папою кувыркком!

Живы, целы, лежим в траве
и поём: «А нам всё равно!»
...Четверть века уж папы нет.
Папа катит велосипед.

* * *

*родительский дом
на стене дрожат
тени цветущих вишен*

Что-то не спится, не спится.
И объяснить не могу.
Память моя – колесница –
правит в одну колею.

Там, за незримой границей,
папа ещё молодой.
Таволга белою птицей
мой охраняла покой.

Там, за невидимой далью
и недоступной чертой,
мне неизвестны печали,
каждый знакомый – живой...

Но тормозит колесница.
Я поправляю крыла.
Чтобы счастливой продлиться,
таволга мне их дала.

25 ОКТЯБРЯ

*старый забор
не меня ли высматривает
папина вишня*

Сегодня день удачнейший на редкость.
Всё ладится, всё спорится, поётся.
Сбывается всё то, о чём забылось
в кружении событий суетливых.

И только за мгновенье до конца,
в котором стрелки неустанные сойдутся,
ты вспоминаешь – это день рождения
ушедшего давно отца.

Любимые вовек не разойдутся.

ОЖИДАНИЕ...

*Поэту, Учителю, Другу,
Настоящему Человеку Николаю Беляеву*

* * *

Жизнь продолжается... Лихо
время стремится вперёд.
В небе сиреновом тихо
белая птица плывёт.

Вербные свечки качает
ветер-бродяга шальной.
Тает, но не угасает
жизнь.

Словно листик сквозной
и пририсованный к ветке
чьей-то надёжной рукой...

* * *

снег безжалостно кружится...
еле теплится свеча...
то дрожит, то горяча
всё душа не распротится
с этим городом промёрзлым,
но замешанном в любви...
и плывут над нами снеги —
светлые стихи твои...

* * *

ночь перетекает в утро...
утро переходит в день...
с каждым
прочитанным
стихотворением
вы остаётесь во мне —
я ваша тень.

ДОМУ

Когда-нибудь не станет и тебя,
но ты ещё стоишь среди новых зданий,
которые всё выше в мирозданье
и дальше от законов бытия.

Тебя же сторожит кудрявый клён
и пение с церковей и минаретов,
под абажуром томики поэтов
ещё листают. А за окоём

уходит солнце, чтобы возродиться
жар-птицею и осветить огнём
обшарпанный, но не забытый дом,
в который не дано мне возвратиться.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ЗИМЫ

Последний день зимы –
и радостно и грустно.
Жизнь катится вперёд,
а хочется – назад.

Туда, где над землёй
в далёком захолустье
всё так же падал снег.
Но всё-таки не так...

Там нет ещё потерь,
все живы, и все вместе.
Там снег над головой.
Там счастье через край.

А всё же впереди
нас ждут благие вести.
Ждёт счастье – только верь.
Ждёт счастье – так и знай.

ТАВОЛГА

Что-то не спится, не спится.
И объяснить не могу.
Память моя – колесница
правит в одну колею.

Там, за незримой границей,
мама была молодой.
Таволга белою птицей
мой охраняла покой.

Там, за невидимой далью
и недоступной чертой,
мне неизвестны печали,
каждый знакомый – живой...

Но тормозит колесница.
Я поправляю крыла.
Чтобы счастливой продлиться,
таволга мне их дала.

* * *

Спят в колодце весь день облака –
возвращаюсь домой без воды.
Пережду до вечерней поры
и успею до первой звезды.

Возвращаюсь домой без цветов.
Лишь полынная горечь в руках,
в волосах моих ветер затих,
блики вешнего солнца в глазах.

И такое смятение чувств
посреди уходящего дня!
И так хочется, хочется жить!
И счастливый напев соловья!

ДРУГУ

Если все травы скошены,
ты раскисать не смей.
Лучше в местах заброшенных
ты отыщи скорей
тот устоявший маленький
наперекор всему
нежный цветочек аленький
и улыбнись ему.

Если все листья сброшены,
если идут дожди,
ты в небесах всклокоченных
солнышко разгляди.
Всё будет, как положено,
всё повторят опять:
травам шуметь нескошенным,
веткам листву качать.

РОЗОВАЯ ПЕСНЯ

Ах, Боже мой, какая радость!
Друг приезжал ко мне вчера.
На память розы мне остались.
Болтали мы до вечера.

И он ушёл. Какая радость,
что дома ждёт его жена.
И ни о чём я не печалюсь.
Цветы со мной, я не одна.

Ах, Боже мой, какая радость,
что помнит кто-то на земле.
И целый день я улыбаюсь.
Сияют розы на столе.

И сердце просится наружу.
Душа от радости поёт.
Мне не страшны мороз и стужа,
пока на свете друг живёт.

Пётр БУЛАТОВ

(12 июля 1910 – 20 апреля 1987)

Булатов Пётр Степанович родился в деревне Подборное Ставропольского уезда Самарской губернии 12 июля 1910 года. Отец его, Булатов Степан Михайлович, пел регентом в церкви. Мать, Ольга Даниловна, занималась семьёй, в которой было пятеро детей. В 20-е годы дети остались сиротами. Двоих младших взяли в детдом, а Пётр, средний, стал жить в семье старшей сестры Марии. Для того, чтобы его взяли на работу в маслобойню, прибавил себе 2 года – по документам год его рождения 1908. В ставропольской школе вместе с ним учился будущий детский писатель Виктор Иванович Баныкин, младше его на 6 лет. Позднее Пётр окончил педагогическое училище в Ставрополе, приехал к старшему брату Владимиру, который работал учителем в Нижегородской губернии, и остался здесь – работать учителем в селе Перелетиха Лысковского района. В 1939 году заочно окончил Горьковский пединститут, и они с супругой, Голышевой Клавдией Васильевной, стали работать учителями русского языка и литературы в сельской школе села Валки Лысковского района. В войну, в 1942 году, был призван в 3-й Гвардейский полк, 4-ю стрелковую дивизию. После ранения лечился в военном госпитале, был демобилизован. С 1943 по 1950 год работал директором сельской Валковской школы. Всего проработал в школе 36 лет. С конца 70-х жил в Тольятти. Похоронен на ТоАЗовском кладбище. Публиковался в лысковской газете «Приволжская правда». Автор книги «Письма из Валков» (вышла уже после его ухода).

ДЕД ЕРМОШКА

– Вот что, Ермошка, хочешь, чтобы у тебя были новые штаны и была бы рыбица на ушицу, поедем сегодня ночью рыбачить. Ты знаешь, завтра Господня Пасха. Вот люди-то нажрут мясного до наглохтятся винища, так на следующий день и захотят с похмелья ушицы. Уж я это знаю. Мы с тобой этой ночью и наловим рыбицы. Ты гоже на лодке едешь, только грести у меня будешь, – с такими словами обратился ко мне дед-сосед, прозванный в народе «Гроб-Ермошка».

– У меня, – продолжал старик, – всякая снасть имеется, на всякую рыбу. Только вот какой уговор: никому, даже домашним, не говори, что мы с тобою сегодня поедем рыбачить. Вот как только стемнеет, приходи к нефтяным бакам. Ты знаешь мою лодку и там жди меня...

Очень странный был дед Ермолай. Жил он одиноко в своей хате. Давным-давно у него умерла жена, от которой остались двое детей. Фёдор и Настя уже обзавелись своими семьями и жили в деревне. Изредка дети навещали отца, но он их встречал неприветливо, и дети уходили от него всегда расстроенные. Дед Ермолай ни с кем из людей почти не дружил, ни к кому не ходил и отличался молчаливостью. А если с кем говорил, то говорил медленно, тихим, степенным голосом. На моей памяти он дважды приводил себе старух на сожительство, они что-то долго не жили, умирали.

Старик ухитрялся в любое время года ловить рыбу. Когда к деду приходили покупатели и спрашивали: «Дедушка Ермолай, не будет ли с килограммчик рыбы?» – старик недовольно бурчал: «Ты говори мне по-русски, никаких килов я не знаю и знать не хочу. Самая правильная мера – это фунты, пуды».

Он брал свой древний заржавленный безмен, похожий на палку с набалдашником, на которой были какие-то бугорочки, ямочки, чёрточки. Только дед мог разбираться в этих премудростях.

– Вот смотри, я вам даю с походом: три фунта и ещё восемь золотников.

На поверку же никакого похода не было. Наоборот, каждый убеждался, что дед граммов 200-300 недодал.

– Уж очень ты, дедушка, дорого за рыбу берёшь, – жаловались покупатели.

– Что вы, господь с вами, божескую цену беру, а такой рыбицы нигде не сыщешь. И эти ваши деньги беру не для себя, а для Господа Бога. Ведь всё до копейки уношу в храм божий. И за себя, и за вас, грешных, молюсь.

Дед, действительно, посещал церковь, но чтобы он больше одной свечки ставил, никто не видел.

Старика многие пожилые односельчане побаивались, считая его за недоброго человека, который может навести на людей и животных порчу. Всех мальчишек он почему-то называл «Ермошками». За что и получил прозвище. А женщины все у него были Васёнами, по имени первой его жены.

Идёт дед по улице и видит: человек укладывает или строгает тёс. Он остановится, посмотрит и скажет: «Хорош тесок, особенно вот эти две смолистые. Ты их, Василий, побереги».

– Зачем их беречь-то? – скажет Василий.

– Как зачем? – отвечает дед. – Все под богом ходим. Мы не знаем, что с нами случится через час. А может кто-нибудь у вас и умрёт, вот тесинка-то и пригодится на гробок. Износу ему не будет.

– Типун бы тебе на язык, – огрызнётся Василий.

Увидит дед толстое бревно, осмотрит его со всех сторон и промолвит, обращаясь к хозяину:

– Кирилл, выдолби-ка из этого бревна домовину. Пригодится. Сто лет не сгниёт.

И пойдёт дальше, довольный тем, что испортил людям настроение...

И вот я на берегу стою у лодки. Вскоре увидел деда, несущего вёсла и топор.

– А где у тебя снасть? – спросил я.

– А снасти-то у меня на острове, в землянке. Туда сейчас и поплывём.

Я сел за вёсла. Длинная, неповоротливая, кособокая посудина, у которой нос и корма были на одном уровне, густо просмоленная с обеих сторон, напоминала гигантскую рыбину. Лодку так и звали «щука». Но щучьего в ней ничего не было, и по её ходу надо было называть черепахой.

Несмотря на все мои усилия, «щука» продвигалась весьма медленно. Мастер, сделавший лодку, соорудил её с «секретом», она при движении всё время забирала влево, так что я скоро разгадал «секрет» и грёб левым веслом, а правым только еле касался воды.

Вот и остров. Дед сошёл с лодки и скрылся в кустах. Скоро он вернулся, неся в руках «охан» и багор. Я знал, что этой снастью рыбная ловля запрещена. Охан на длинном железном пруту идёт по дну и срезает всякую рыбу, и об этом я сказал деду.

– Довольно болтать-то. Запрещена! Откуда ты знаешь? Уж сколько лет этой снастью рыбу ловлю, и никто мне ничего не сделал. Чай, я не чужое ворую, рыба-то ничья, её никто не кормил, а значит, над ней нет и хозяина. Ну, я сяду на корму, дай-ка снасть-то и топор. В случае, попадётся большая рыбица, так я её топором и оглушу. А багор положи вдоль лодки. Если льдинка или брёвнышко попадутся, так ты оттолкни их. Давай поднимемся до Никольского, а потом спустимся вниз.

Ночь была тихая, но очень тёмная, течение реки быстрое, шумливое. Дед был в настроении.

– Давай, давай, милый, нажимай на вёсла-то. Ночь, ночь-то какая, такая ночь только раз в году бывает, – восхищался дед. – Ермоша, ты в каком классе учишься? – обратился ко мне старик.

Я ответил. – Ты вот что мне скажи, почему накануне Пасхи всегда бывает тёмная ночь?

Я знал почему и сказал, что это зависит от положения Земли и Луны, что учёные на много лет вперёд рассчитали, когда будет полнолуние, когда темно. Известно даже на сотни лет вперёд время

солнечных и лунных затмений.

– Брось-ка врать-то, – повысив голос, сказал Ермолай. – Кто же это может высчитать, когда Господние светила будут нас, грешных, освещать и греть. Всё это враки. Господь сам предназначил дни Пасхи.

Со стариком спорить было бесполезно.

– Ты ещё вот что мне скажи, учёный человек, – не унимался дед, – почему освящённые крашеные яйца на Пасху не портятся. Вот приходи ко мне завтра, я достану при тебе из-за божнички прошлогоднее яйцо, расколю его, и оно не будет испорченным.

Нам ранее учитель химии объяснил «секрет» крашеного яйца, и я пояснил деду.

– Всё это вам в школе учителя наврали, а вы, дурачки, и верите, – со злостью произнёс Ермолай.

Я почувствовал, что старик переменял ко мне отношение, стал сердитый и что-то бурчал про себя.

Прибыли на место.

– Эй, ты, Ермошка, – поворачивай на середину реки. Что я буду тебе приказывать, то ты и делай.

Старик запустил охан, и он пошёл ко дну.

– Эх, какая-глубина-то, наверное, аршин пятнадцать будет.

Через несколько минут в лодке трепетало несколько стерлядей и другой рыбы.

– Ну, слава богу, Ермоша, начало есть, – промолвил дед. – Сколько по-твоему сейчас часов?

– Думаю, часов одиннадцать, – ответил я.

– Значит, скоро Христос воскреснет, – уточнил старик.

В лодке рыбы прибывало. Дед брал даже малюсенькую стерлядку-пиковку.

Вдалеке послышался рокот мотора.

– Дед, – сказал я, – нас догоняет катер. Вероятно, рыбохрана.

– Бросай грести. Покрой мешками рыбу. Бери скорее кормовое, на вот конец верёвки, просовывай в дыру вёсла, завязывай. Дай мне теперь весло сюда, – шептал дед.

Я только теперь догадался, для чего у деда в кормовом весле проделано отверстие. Привязав верёвку от охана, дед взял кормовое весло и стал для видимости управлять лодкой. «Хитрый старик, – подумал я, – никто не догадается, что за кормовым веслом волочится охан».

Догнав нас, с катера кто-то крикнул:

– Что за люди плывут?

Старик не растерялся и умирающим голосом произнёс:
– Меня вот, больного старика, внучек в больницу везёт.

Катер промчался.

– Кто это, Ермоша?

– Да это инженер из гидростроя, – ответил я.

– А чего их шайтан ночью носит? Чего они делают?

– Измеряют местность. Здесь где-то Волгу перегородят плотиной.

Построят электростанцию.

– Безумцы! – воскликнул дед. – Да разве Волгу перегородишь? Как текла Волга-матушка с испокон веков, так и будет течь.

– Уж сколько гидростанций построили.

Поравнявшись со старым городом, мы услышали ружейные выстрелы. Осветилась яркими огнями церковная ограда: зажгли плошки со смолой. Это значило: наступило воскресение Христово.

– Ну, кто сказал, что Бога нет? Кто сказал, спрашиваю я. Скажи ты мне, Ермошка.

Я ничего не ответил. А старик вдруг запел: «Христос вос-крес из мёртвых». Пел, а сам внимательно присматривал за посудиной.

– Что ты как гребёшь? Греби сильнее, лодка-то боком пошла, ворочай, ворочай скорее!

«Смертию смерть поправ...». Греби, чёртушка, сильнее, охан заносится под днище.

Я выбивался из сил. А старик продолжал: «И сущим во гроби, живот да-ри-ви...»

Что это было за пение? Жутко было слушать. Я никогда не слышал подобного. Старик не обладал ни малейшим даром голоса и слуха.

Мне показалось, что на корме сидит не один дед, а по крайней мере пять-шесть самых бездарнейших певцов, которые орали дикой блажью. Эхо далеко разносило по Волге это дикое «попурри». Чтобы заставить деда прекратить его завывание, я закричал:

– Дед Ермолай, зачем ты поёшь? Нас могут услышать и отнимут охан да рыбу.

– Чаво ты сказал? Кому это вдомяк, что мы рыбачим.

И дед снова запел.

– Перестань петь, страшно тебя слушать, – воскликнул я.

– Чаво ты лепечешь? Вот пропою молитву двенадцать раз, тогда и перестану.

Вдруг я почувствовал, что лодка не подвигается вперёд. У меня блеснула мысль: уж не охан ли зацепился за корягу. Старик внезапно прервал пение, закричал:

– Гребь, гребь сильнее, снасть за что-то зацепилась. Гребь правым веслом. Давай налево! Поворачивай лодку против течения! – Я не успевал выполнять дедовы команды. – Талань, талань, подлец! Поворачивай к острову! Бросай вёсла, иди ко мне. Давай вместе тянуть верёвку и снасти.

Я ухватился за конец. Нос «щуки» высоко поднялся, корма стала захлёбываться. Лодка рыскала в разные стороны.

– Садись снова за вёсла, – крикнул дед, – гребь вперёд, назад давай! Талань, талань ты, сукин сын! Нажимай, нажимай на вёсла сильнее!

И тут совершилось невероятное: неуклюжая «щука» помимо моих усилий закружилась вокруг своей оси. Мы, по-видимому, попали в водоворот. Вода ревела, бурлила. Мы намертво сели на одном месте.

– Что делать-то будем? – заорал дед и изрыгнул целую серию пятиэтажных сквернословий, каких я никогда и не слышал.

А ограда церкви, напротив которой мы остановились, по-прежнему светилась огнями, и с колокольни плыл над рекой малиновый пасхальный звон.

– Руби верёвку, – крикнул я, – иначе мы не выберемся из этого водоворота.

– Утону, а снасть не брошу.

Дед выбился из сил, стал задыхаться, кашлять. Послышался тяпок топора. Я догадался: старик перерубил верёвку охана. И вдруг мимо моей головы что-то со свистом пролетело и булькнулось в воду: это Ермошка со злостью кинул в меня топором.

– Вот подлец, через тебя «кормилицу-то» потерял. Ну, погоди, я ещё с тобой расправлюсь, – пригрозил дед.

– Не боюсь я твоих угроз, ничего ты мне не сделаешь, вот тебе это даром не пройдёт.

– Ну, поворачивай к домам.

Старик долго-долго молчал. И, видимо, желая загладить свою вину, заговорил самым смиренным тоном:

– Знаешь что, Саня, я немного погорячился. Нервинный уж больно стал. Снасть жаль. Ведь ею я кормился. Ты только подумай, что я за жизнь перенёс: четырёх жён похоронил, да две убежали с моим добром.

– Зачем ты в меня топором кинул?

– И сам, Саня, не помню. Видно, бес попутал, – оправдывался старик.

– Ну, дед, хорошо ты ругаться умеешь, такого сквернословия я никогда не слышал.

– Я ругался? – воскликнул дед. – Ты с ума сошёл? Это тебе почудилось. В жизни не ругался. Зачем на старика наговариваешь. Грех

падёт на тебя. Вот что, Сашенька, забудем всё, что у нас произошло, ты никому не говори об этом.

– Нет, обязательно расскажу. Чуть меня не зарубил, а я буду молчать.

Мы пристали к берегу.

– Вот тебе рыбка на ущицу, – и дед бросил мне на берег рыбы.

– Плевать я хотел на твою рыбу, – и пинком ноги далеко отшвырнул её в воду.

Дома меня хватились. Я всё объяснил, что со мною случилось, а днём рассказал своим товарищам о ночных похождениях с дедом Ермошкой. И с тех пор к деду прибавилось ещё одно прозвище: «Браконьер».

Игорь ГАЛИЛЕЕВ

г. Пенза

Игорь Владимирович Галилеев родился 3 мая 1972 года в Пензе. Журналист, с 16 лет работал внештатным корреспондентом. Служил в ВДВ. Победитель четырёх международных литературных конкурсов, организованных Международным Союзом русскоязычных писателей, лауреат (2 место) V Международного литературного конкурса «Хижицы-2021». Публиковался в журналах «Чайка» (США), «Сура», «Вторник», «Русское поле», «Русский динозавр», «Нева», в сборниках «Крымское Приключение-2021», «Финт ушами», «Дым отечества». Дипломант Международной литературной премии «ДИАС» (2022).

МАРИНОЧКА

Мариночка... Так её называют дети. Может, потому, что уколов она не делает, а чаще всего просто разговаривает. Улыбаясь, спрашивает о том, о чём, рисунки хвалит. Мол, вырастешь, твои картины в Лувре висеть будут... Ага, будут – всем понятно, что утешает, успокаивает. Ведь нас, детей в «раковом» отделении, врачи, среди прочего, должны надеждой обеспечивать. Как говорят, «на позитив настраивать»...

А какой здесь позитив? Не дураки уже большинство, знаем, – усатой санитаркой тёткой Ольгой научены.

– Вона, – говорит, когда полы под кроватями моет, – слышите, молоточки стучат? Это вам гробики сколачивают...

Вот и весь позитив. Да мы и без неё понимаем – каков конец будет. Но Мариночка всё равно рассказывает о нашем будущем, фантазирует. Бывает, сядет на кровать и давай придумывать.

– У тебя, Славик, – это она мне, – семья большая будет. Трое, нет, четверо детей и жена красавица...

– Пусть, – говорю, – она врачом работает, ладно?

– Хорошо, пусть работает. Так вот, а ты известным следователем станешь, – это Мариночка мою страсть к книжным детективам в реальность трансформирует. – Будешь трубку курить и все девчонки в тебя влюблены будут.

– Да кому я нужен-то, лысый, – и рукой на свой голый, как коленка, череп показываю.

– Это ерунда, Славик, волосы – не главное. Гораздо важнее что в душе у тебя...

Верно, душа важнее...

Мне 11 лет. В больнице год уже живу. Волосы не сразу выпали. Хотя, если честно, каким я с причёской был – не помню совсем. Мама всё реже приходит стала. Может, и хорошо, что так. А то придёт, сядет на табурет рядом и плачет. Аж самому тошно становится. И перегаром от неё пахнет. Тётка Ольга говорит, что сдалась, мол, мать, заживо отнесла меня, вот и пьёт. Поминает.

А отец уже месяца три не навещал. Мамка сказала, что в командировку уехал, не вернётся никак...

В палате нас четверо. Я самый старший. И старожил самый. Двое совсем мальцов – пяти и шести лет – под капельницами постоянно. А недавно новенького на мишкино место перевели, Олежкой зовут – лежит, хнычет всю дорогу. Больно, говорит. Я ему иногда свои витаминки сладкие даю, успокаивается. Но дружить он всё равно не хочет – мол, незачем. Хотя, смотрю, Мариночку с первых посещений полюбил. Да к ней и нельзя по-другому относиться. Самой ей бог детей не дал и всю свою не истраченную любовь материнскую она нам отдаёт. И лечит.

Мариночка – врач.

Говорят, что здесь она несколько лет работает, из института сразу пришла. И ведь не зачерствела пока! Хотя сколько нас, славиков и мишек, уже проводить успела...

Так день за днём и проходят – в ожидании...

Сегодня Мариночкина смена. Жду, к шагам в коридоре прислушиваюсь. Вчера мне вставать наконец-то разрешили. Но далеко ходить всё равно нельзя. Поэтому я у окна пристроился. Ах, как хорошо там! Самый красивый ноябрь в моей жизни! Деревья в больничном дворе утренний мороз снежными гирляндами украсил, из застывших веток фигуры сплёл – можно хоть целый день разгадывать. А солнце оставшиеся листочки, словно струны, пальцами лучей перебирает – мелодию к зиме подбирает. Если ухо к стеклу плотнее прижать, то музыку услышать можно. Про жизнь она и про любовь...

Тут дверь распахнулась, и я уже хотел радостно Мариночку поприветствовать, но это оказалась тётка Ольга. Ведром посередине палаты бряцнула и мокрую тряпку на пол шлёпнула. Молча всё, без слов, даже на нас не глядя. И швабру длинную с плеча сняла. Ну вот вылитая та самая старуха. Только вместо косы – швабра.

Но я поздоровался.

– Здравсьте, тётъ Оль, – говорю. – А почему к нам Мариночка не идёт? Или смена не её?

– Её, её, – отвечает, – дурочки этой.

А сама тряпкой под одежкиной кроватью жмыхает.

– Не придёт сегодня, не ждите, – продолжает. – Сама заболела с вами, полутырками.

И тут швабру на пол бросила и руками всплеснула:

– Ну это же додуматься надо! Свои деньги на вас тратила! Вот дура-то!..

Только на третий день от другого врача мы узнали, что Мариночка на свою зарплату нам чего-то покупала: альбомы для рисования, книжки, фломастеры. И в прошлую зиму даже одеяла нам тёплые, стёганные на всё отделение сама сшила. А пальто себе зимнее купить не успела... Свалилась с воспалением, в другом корпусе теперь сама лежит. Тоже, наверное, в окно смотрит...

– Ага, щас, смотрит, – то ли ругается, то ли радуется тётка Ольга. – При смерти она. Температура сорок. Лежит там бледная, зубами стучит под одеяльцем больничным. Себя бесполезно на вас променяла. Эээх...

Вон оно что...

План в голове за секунды возник.

Палата наша на втором этаже располагалась. Высоко в общем-то, но страшно не было.

Конечно же, дождались ночи. Участвовать вчетвером решили, иначе не получилось бы ничего. Как только новенький дежурный врач обход сделал, пора стало.

Простыни связать – это полдела. Смочь вот, сидя-то на подоконнике, на морозе – это самое важное. Двух мальцов с собой решили не брать – в палате будут наше с Олечкой возвращение стеречь, чтобы обратно простыни скинуть. В общем, собрали мы в один тюк все одеяльца наши – у нас в палате и без них как в духовке – и первым его сбросили. Простыни я к ножке своей кровати привязал и за окно вылез.

Да что б тебя! – ветрище коготками сразу под пижаму забрался, в тело вцепился. Пожалел я, что только в тапочках больничных и в носочках лёгких, пальцы на ногах вмиг одеревенели. Но отступить нельзя, там Мариночка из-за нас мучается.

От подоконника отцепился и кое-как, хилыми ручонками перебирая, как мотыль на леске, почти сорвался – спустился до низу. Пластмассовыми подошвами об асфальт хлопнул, думал, всю больницу разбуду. Обошлось вроде...

Олежке показываю – давай, мол, спускайся. Смотрю, карабкается. Эх, дурной, носки под тапки не одел даже. А штаны пижамные у него коротенькие, до середины голени. Вот замёрзнет-то! Шепчу громко:

– А ну обратно лезь, пока не спустился. Один справлюсь...

Может, так безопаснее будет, надёжнее получится. Олежка обратно в палату закинулся – снизу видно, что нос синий от холода – и простыни за собой втянул, чтобы не заметил никто, окно закрыл сразу. Рукой через стекло показывает, мол, иди, я на «посту» буду.

Ну и хорошо. Тюк с одеялами за спину взвалил, крикнул взрослому и пошёл к соседнему корпусу от фонарей прячась.

Голова лысая жуть как замёрзла, до самых мозгочков мороз добрался. Иду, шатаюсь, Мариночкой себя подбадриваю, мол, умрёт она без нашей-то помощи, позаботиться о ней, кроме нас, некому. В темноте бордюра не увидел, обоими коленями прямо об бетон ударился, брызги яркие из глаз высыпались. Но губу нижнюю прикусил, чтобы не закричать, не завывать от боли. Посидел немного, пока холод в позвоночник через пятую точку не проник, – дальше идти надо. Один тапок куда-то в темноту улетел. Руками пошарил – нет нигде. Ладно, думаю, ничего, и так дойду. А в одном-то шаркать не удобно – и второй тапочек бросил. Тюк снова за плечо – как картошку носят – забросил и дальше в путь отправился. Думаю, увидел бы меня сейчас кто, от смеха бы прямо на месте умер: идёт доходяга, метр тридцать ростом, мешок больше себя несёт, лысина инеем покрыта, и в одних носочках с дыркой на пятке. Умора... А вдобавок слёзы на щеках кристалликами от холода застыли.

Плакал от боли, конечно...

Палата мариночкина на первом этаже была – мы всё заранее вызнали – иначе не решились бы на эту ночную операцию. Окно её ночником подсвечивалось – что внутри разглядеть можно. Я тюк с одеялами прямо под подоконник поставил и замороженными ступнями на него залез, чтобы повыше было.

Вот она, Мариночка наша, лежит бледная лицом, как воск. Крупная испарина на лбу блестит и тяжело так, прерывисто, с надрывом, дышит. Моё сердце в комочек сжалось и к горлу поднялось. Жалко-то её как! Я, мы-то, ведь ладно, ясно с нами всё, нас много таких. А она – одна на всех. Всех нас любит, надежду даёт. Да и саму жизнь, может, даёт по второму кругу. Смотрю на неё через окно и слёзы кулаком по щекам размазываю, жалею самого близкого человека своего.

Но дело доделать надо. Постучался тихонько – нет реакции. Думаю, а что если без сознания вдруг? В детективе читал, вспомнилось, что нельзя в таких случаях человеку спать давать – не проснуться может. Вспомнил

и испугался! И со всей силы в окно заледеневшими кулаками забарабанил с криком:

– Марина! Мариночка! Ты только не спи! Слышишь?! Не спи только!!!

А через рыдания слова уже в рёв превратились. Но стучу по стеклу, только бы проснулась.

И тут, смотрю, глаза её затрепетали, приоткрылись. Посмотрела на меня и снова веки без сил опустились, только слеза по щеке скользнула – значит, увидела меня, значит – поняла. Жива, значит.

А в больничных коридорах уже свет загорелся, голоса громкие кругом. Дверь в мариночкину палату распахивается, и врач с медсестрой забегают. Только это и помню...

Говорят, что я сам от переохлаждения без сознания упал – хорошо мешок с одеялами был, на него прямо. Ноги сильно отморозил, долго ещё ничего не чувствовали, как деревяшки. Потом больно ужасно стало. Поэтому меня уже Олежка своими витаминками подкармливал.

Местной больничной легендой я стал, со всех отделений на меня посмотреть приходили. И кто чего только не рассказывал! Мол, меня к Мариночке в палату через её окно затащили. Вместе с одеялами теми. Говорят, что она меня к себе в кровать положила, отогреть. И что всю ночь сама на меня теплом своим дышала. В общем, вышло так, что спасла спасителя своего неудавшегося.

Сама она поправилась, конечно – не знаю точно: одеяла наши помогли или лечение. Но уже через месяц снова к нам пришла. С улыбкой и слезами. Рыцари, говорит, вы мои, сказочные...

Но сказка и в жизни случается.

Выздоровел я. Не сразу, конечно, пришлось в столице в каком-то Центре побывать – там ещё с полгода полечился. Как оказалось, помогло.

И только недавно узнал, что моё лечение больших денег стоило. Стал выяснять – следователем работаю всё-таки – кто оплатил. Думал, может, мать перед своей смертью или отец потерявшийся...

Оказалось, что Мариночка...

...Окно своё узнал сразу. Рука сама к голове, так и оставшейся без волос, поднялась. И сердце защемило что-то. Воспоминания хлынули. Опустился на лавочку осеннюю во дворе больничном – как и не уходил отсюда: всё те же деревья голые, тот же запах щей из пищеблока и тишина... Будто время здесь специально в кисель превратилось, чтобы жизнь на подольше растянуть.

Из дверей корпуса силуэт в белом халате вышел – лица не рассмотрю никак, слёзы мешают, а смахнуть вроде стыдно – взрослый же. Только вблизи по улыбке понял: Мариночка...

С сединой уже, в очках на добрых и понимающих глазах. Остановилась, посмотрела внимательно.

– Ну, Славик, а ты говорил, что некрасивый вырастешь... А сам вон какой!

И улыбается сквозь слёзы...

А мне сказать бы хоть что-то, но не могу никак. Ладонь её взял и лицом прижался, склонившись. А она меня по голове гладит, успокаивает:

– Не надо, Славик, не говори ничего. Хорошо же всё...

Да чего стесняться-то слёз своих! Обнял её.

– Спасибо, – говорю, – и не только от себя...

И за больничный забор показываю. А там жена моя любимая платком слёзы вытирает, и двое сынишек – не поймут: чего это папка сопли на кулак наматывает.

– Всё как обещали, – улыбаюсь, – так и случилось. Детей только двое пока, но это ведь дело – наживное...

С тех пор Марина Владимировна членом нашей семьи стала. Хотя, наверное, её семьёй я всегда был...

Татьяна ГОГОЛЕВИЧ

Самарская обл., г. Тольятти

Гоголевич Татьяна Евгеньевна родилась в Ставрополе (ныне Тольятти). Окончила Самарский медицинский университет. Практикующий врач психотерапевт, кандидат медицинских наук, действительный член Профессиональной психотерапевтической лиги. Член Союза писателей России, Союза российских писателей. Публиковалась в периодических изданиях Тольятти (постоянный автор журнала «Город»), Самары, Екатеринбурга, Москвы. Писатель года журнала «Флорида» (США, 2009). Лауреат премии журнала «Юность» за 2012 год им. В. Катаева, лауреат Международного литературного Чеховского конкурса в номинации «Моя жизнь» за рассказ «Рождество» (2013). Автор книги стихов «Алые яблони» (2004), книги прозы «Мой остров» (2009), книги путевых заметок «Средняя Азия. Взгляд против солнца» (2017).

КРАСНЫЕ ЯБЛОКИ В ХОЛОДНЫХ САДАХ

*...чужую, зябнущую душу
Хочется баюкать на руках
Владимир Мисюк*

Осенью, когда мир внезапно старел, на меня наваливалась тоска.

Вообще-то я не отношусь к людям, у которых легко меняется настроение, но в юности в чужом городе мне иногда хотелось плакать от душевной боли. Эту боль обычно вызывал ещё бесснежный жёсткий холод поздней осени или ранней зимы, когда сухими серыми складками застывали дома в мертвеющем голом городе, и невозможно было представить, что в этих домах кто-то живёт.

Впрочем, «это» необязательно начиналось именно тогда, когда деревья сбрасывали листву. Дыхание холода могло прийти в тот город чуть ли не в августе. То ли это был северный ветер, то ли что-то ещё – но всегда нечто узнаваемое, сурово леденящее душу. Душа заболела от холода, как болят окоченевшие руки или ноги. Эту полуболь-полутоску я так и называла для себя словом «холод». Особенно остро он чувствовался ранними холодными утрами, в час, когда ещё не рассвело. Тоска провожала меня до анатомического корпуса и осталась в памяти в сочетании с запахом формалина. Обычно она рассеивалась к солнечному полудню, но бывали дни, когда – не проходила вообще.

И тогда светотень, из которой состоит жизнь, превращалась в общий бесцветный фон. Мир становился безжизненным или, в лучшем случае, каким-то отдалённым. Почва уходила у меня из-под ног, и я пыталась ухватиться за какую-нибудь мелочь, придавая ей особое значение.

Так, я довольно долго везде носила с собой маленький флакончик из-под духов, который нашла в своей тумбочке – он принадлежал какой-нибудь девушке, жившей в комнате студенческого общежития до меня и, скорее всего, уже закончившей институт. Флакончик был маленький, граммов на пять, стеклянный. Стеклянными буквами по стеклу было написано слово «Safe». На дне флакона оставалась почти невидимая капля жидкости. У неё был горьковатый золотистый запах. Я подносила флакон к лицу, и мне казалось, что неведомая жизнь сочится из него – тёплые комнаты, счастливые люди, живущие легко и свободно, клавиши и струны, рождающие нежные, властные звуки.

Ещё я много ездила. Это было старое испытанное средство, сознательно применяемое лет с пятнадцати. Подходил любой вид транспорта – поезд, теплоход, самолёт, автомобиль: лишь бы покачивало и за окном менялся пейзаж. Разумеется, среди учебной недели не сядешь в самолёт, но, как уже сказано, меня устраивали и автобусы. Собственно, корпуса мединститута были разбросаны по всему областному городу, но мне не всегда хватало обычной дороги. Иногда, если позволяло время, я каталась часами.

Поездки заменяли мне дорогу домой, беседу с другом и, может быть, что-то ещё более тёплое и важное. Пожалуй, то, что скользило за окном, не всегда меня интересовало – порой хватало покачивания и людского тепла. Бывало, что я специально забиралась в переполненные автобусы и грелась. Главное – это ни к чему не обязывало. Я никогда ни с кем не заговаривала и не отвечала ни на чьи вопросы. Если мне говорили что-нибудь хорошее, я и тогда предпочитала отвечать взглядом.

Мне нужно было быть в форме, в хорошей форме – и в институте, и на практике, и в общежитии. И, кажется, мне это удавалось. Но мне не нужно было держать марку в автобусах. Мне там просто ничего не нужно было делать.

Особенно нелегко мне давалась моя двадцать первая осень – в городе, который уже был знаком насквозь. Было больно не только от холода, но и, может быть, от стремительности, с которой сгорали листья и вечера. Существовали и ещё причины.

...Дорога между Самарой и Новокуйбышевском скучна – и та, которая идёт через Кряж, и другая. Они обе долго тянутся мимо безотрадно-пыльных сооружений, сменяющихся ещё более нерадостными пустырями. Автобус едет из конца в конец не меньше часу. Сам автобус пылен летом и замызган в любое другое время года. (А если говорить точнее, то автобусы эти большей частью и пыльны, и замызганы одновременно). Кроме того, они, эти автобусы, дребезжат и всегда набиты

битком. Но именно этим рейсом я время от времени ездила в ту осень – в основном, без определённой цели. Просто так – от конечной до конечной, взад-вперёд.

То есть, случалось, какая-то цель у меня была. Например, вдоль обеих этих дорог располагалось несколько адресов, где жили мои знакомые. Можно было выйти из автобуса в каком-нибудь из этих мест. Но когда приближалась нужная остановка, сама мысль о том, что необходимо выходить из автобуса (и даже просто переставлять ноги по направлению к двери), была неприятна.

Может быть, весной или летом описываемые дороги и бывали хороши, но в это время мне не приходилось их видеть, а осенью они выглядели неприветливо.

Однако на одной из дорог (на которой именно, не помню) небольшим оазисом лежали сады. Кажется, это был дачный посёлок, очень старый, частью уже заброшенный – покосившиеся деревянные домики, сгорбленные яблони и древние чёрные вишни. Да, это был дачный посёлок, потому что на крышах маленьких домов не было труб: я хорошо это запомнила. Автобус шёл вначале вдоль дач, а потом дорога заходила в сады – остановки две-три.

Я не сразу разглядела дачные сады сквозь пыльные зыбкие окна автобуса. Скорее всего, я несколько раз проезжала мимо них. Тусклый рыжеватый свет опадающей и опавшей листвы был невнятен среди общего вялого бледного фона.

Становилось немного легче, когда дождь белел, спускаясь с белого неба. Как зеркало, он отражался сам в себе. Он дымно окутывал автобус. Смягчались звуки, мылись стёкла. Как-то на развороте автобус тряхнуло, и меня прижало к мокрому даже изнутри стеклу, и неожиданно я увидела в белом дожде ярко-красные яблоки.

Яблоки горели в мокрых зябнувших садах, как огонь. Яблоки появились из бледной мглы, из неяркого серо-алого блика, – блика среди других, меж нечётких рябин и полустёртого боярышника. Они вдруг проявились ало, чувственно-остро, их цвет согревал. В этих яблонях было что-то неузнанное и узнаваемое. (Как будто мой двойник звал меня на непонятном и в то же время смутно знакомом языке). Всё началось с этих яблок, но уже можно было разглядеть – сквозь пелену дождя – и сиреневые листья дикого винограда, и тонкий лёд на маленьких окнах – должно быть, оставшийся с ночи, и сугробики опавшей листвы, залёгшие под мокрыми заборами, и неяркие звёзды последних цветов. И сам дождь, нежной пеной оседавший в садах. И множество пузырьков в лужах среди опавшей листвы – как если бы кто-то вылил шампанское в тлеющую листву или, скажем, море только что залило эти сады и схлынуло. Но всего

сильнее были краснеющие яблоки – от них шло почти физическое ощущение желанного тепла.

Когда мы проехали дачи, я закрыла глаза, чтобы ничто не стёрло впечатления. Я закрыла глаза и в мыслях покинула автобус. Я сошла в дождь в первый же сад, и то, что было со мной дальше, и кого я встретила в том саду – пусть со мной и останется. Мне было так хорошо, как если бы всё происходило на самом деле. Автобус дошёл до Новокуйбышевска и вернулся в Самару, и снова ушёл в Новокуйбышевск. Я открывала глаза, когда начинались дачи. Освещение менялось, но яблоки по-прежнему грели и освещали, как пламя костра ночью, всё новые подробности. Самыми тёплыми они были, с румяным смуглым деревенским оттенком наивной бесхитростности, когда автобус второй раз шёл к Новокуйбышевску – то есть на третий раз подряд. В Новокуйбышевске я открыла глаза на конечной остановке – яблок было так много во мне, что окружающее уже не могло их заслонить.

Я открыла глаза и увидела очень внимательный взгляд водителя. Он смотрел на меня из зеркальца, в которое видно салон. Я вдруг осознала, что стою в пустом автобусе на задней площадке – я так и простояла на ней, не шевелясь, не делая попытки занять ни одно из освободившихся мест – все три перегона. И я увидела вдруг – глазами, глядящими на меня из зеркала – и свой растерянный взгляд, и свой вишнёвый плащ, уже потёртый и слишком лёгкий для этой погоды, и капрон не по погоде, и ботиночки на шнуровке – тоже слишком лёгкие, на чересчур неустойчивом тоненьком каблучке. Которые, к слову, у меня второй (или даже третий) день не находилось сил как следует почистить.

Он смотрел на меня так пристально, что душа моя сжалась от мысли, что этот человек может со мной о чём-нибудь заговорить (например, о том, какого чёрта я катаюсь на этом его автобусе взад-вперёд), и нужно будет ему что-то отвечать.

Но он ничего не сказал мне, он перевёл взгляд и закурил. Он вообще больше не смотрел на меня – пока мы не тронулись.

Но когда я приоткрыла глаза по дороге в Самару, чтобы взглянуть на уже уходящие в сумрак дачи, то увидела, что водитель находит меня взглядом, и странное чувство, что он отвечает за меня, пришло ко мне. Это чувство не было долгим, но оно появлялось всякий раз, когда я ощущала на себе его беглый взгляд.

Я, должно быть, – тогда, – забыла о водителе прежде, чем вышла из автобуса. Я пришла в общежитие, и долго согревалась под горячим душем, а потом, надев тёплый лыжный костюм, залезла на кровать под одеяло. В комнате горел свет, толкался какой-то народ, но мне это было всё равно. Даже когда я открывала глаза, яблоки, тёплые красные яблоки висели на старых яблонях и сыпались с веток, и падали вместе с дождём

с белого неба. Ощущение, что мне тепло именно от этих яблок, не оставляло меня.

Прошли годы. Я давно закончила институт, у меня большая практика.

И когда к моей душе прислоняется другая мёрзнущая душа, всё чаще я думаю о том, что не вправе быть для другого человека красным яблоком или даже целым яблочным садом. Мне кажется, гораздо важнее быть проводником, – как тот водитель, который вёл свой автобус мимо садов, может быть, ему самому неведомых, и не задал ни одного лишнего вопроса.

2003

Айдар САХИБЗАДИНОВ

Республика Татарстан, Тетюшский р-н, с. Урюм

Родился в Казани 2 декабря 1955 года. Окончил школу № 98 в посёлке Калуга (Казань). Служил в Советской армии. Учился в КГУ на истфилфаке. Окончил Литинститут им. Горького (1993). Публиковался в журналах «Октябрь», «Наш современник», «Флорида», «Казань», «Идель», «Литучёба», «Сетевая словесность», представлен двумя рассказами в сборнике «Русская литература народов России 20 века» при журнале «Дружба народов». Автор книг прозы: «Ни в селе, ни в городе», «Скованные одной цепью», «Сентябрьские груши», «О товарищах весёлых, о полях посеребрённых», «Провинциал». Лауреат журналов «Флорида» (2010) и «Казань» (2006). Лауреат Державинской премии за 2012 год. Лауреат Международной литературной премии «ДИАС» (2021).

НА ВОЛГЕ

(в сокращении)

«ОМ» шёл вдоль грузового берега. Жёлтые портовые краны, расставив ноги, как жирафы, то и дело наклонялись к реке, словно пили воду. Пройдя мимо элеватора, «ОМ» повернул к середине реки. На волнах качались устаревшие катера с автопокрышками на бортах. На одном из них матрос с бурой плешью занимался стиркой и, яростно скалясь, отчего рыжина его казалась ярче, кривил колесом ноги и выкручивал бельё прямо себе на ступни. В открывшемся серебристо-бегучем просторе посреди Волги стояла на якоре баржа, перегруженная брёвнами. И ещё бок к боку две стальные близняшки с торчащими вверх буферами. Одно судно вытягивало со дна реки песок и поливало им из трубы соседнюю палубу, будто осыпало сестрицу золотом. Мутные воды с обеих её бортов стекали в Волгу, а горка нарастала.

За кормой «ОМа» появился двухпалубный сильно покосившийся теплоход. Он был старинный, с неуклюжей надстройкой, будто сверху на него поставили дачную веранду, – шёл на предельной скорости, удивительно заваливаясь на бок, будто получил пробоину. И, грохоча, не боясь опасной близости, начал равняться, выдвигать элементы своего пирсинга – звезду и якорь, торчащий, как серьга из пуповины. И, словно на телетайпной ленте, прошли перед глазами крупные синие буквы: «Бул...га...рия». Корма, низкая, куцая, как полукружье измазанного белилами таза, выбрасывала ошмётки изрубленной воды. И пассажиры на верхних палубах победителя, большей частью женщины, с чувством превосходства поглядывали на отстающий «ОМ», очевидно, довольные своим лихим капитаном.

Пройдя в течение часа Волгу по диагонали от берега до берега, «ОМ» пришвартовался к пристани «Ташёвка», стал выгружать пассажиров с поклажей. Слово «ташый» по-татарски означает «кипит, бурлит», и Артуру с малых лет казалось, что это слово придумали именно здесь. Ведь когда теплоход отчаливал, давая задний ход, утробно газуя и напрягаясь так, что его трясло, то под ним бурила вода, закручивалась в глубине белой спиралью и разлеталась наверху раскидистыми кружевами. А тросы и верёвки, улетавшие от пристани к далёким обрывам, от качки то вскидывались, то плюхались в воду; смолёные лодки, привязанные нос к носу, часто-часто клевали, будто куры на детской игрушке.

От Ташёвки «ОМ» пошёл ровным ходом, мерно разматывал под текстильный шум движка пёстрый клубок берегов. Над обрывом в зелени леса мелькали яркие палатки, оранжевые и голубые. По срезу известняка чернели пещеры, будто кто-то вдавливал в пенопласт горящие окурки. У воды стояли купальщики, толстые и худые. Бледнокожие новички, глазели на теплоход, морщась из-под ладоней, приставленных ко лбу козырьком. Загорелые же, бывалые, иссиня-бурые, как грозовая туча, деловито ходили по берегу, начхав на судно.

Весь путь до Гребеней (Нурлата) составлял два часа. Солнце знойного две тысячи десятого года нещадно палило, и приходилось время от времени переходить на другую сторону палубы в тень, где от ветра и близости воды овевало прохладой.

Наконец показались три известковых гребня. Три утёса-богатыря, давшие название этому месту. На их макушках когда-то торчали деревца, как чубы хохлов. Мощно выпирали над рекой каменистые скулы... Теперь богатыри облысели и потеряли высоту, осыпаясь в воду уже от затылка — лица их, как гипсовые маски, давным-давно обрушились.

Вот залив и здание спиртзавода, вот мелькнул изволок, здесь были пионерская баня и родник. Вот торчат из воды трубы, вероятно, это причал для катера. А самой пристани нет! Мужчина подумал: как же он высадится? А между тем «ОМ» сбросил скорость и повернул к берегу. С разворота воткнулся носом в гальку. Женщина-матрос и пожилой мужчина, оба в синих спецовках, начали что-то вращать — и от палубы отделился трап с приваренными стальными поручнями, завис в воздухе и пошёл-пошёл, снижаясь, к земле, упёрся концом в грунт...

Артур высадился. Прямо под обрывом мужик в дырявом трико жёг костёр и, жутко чадя, смолил перевернутую лодку. Наверх вела прочная стальная лестница с зигзагообразными маршами. Артур поднялся – и сразу узнал просторный луг и длинный бревенчатый сарай вдоль обрыва, сильно осевший. Тот ещё сарай, сложенный в духе купеческих амбаров, ему было, наверное, более ста лет. И казалось, за его дверьми до сих пор хранятся сбри, бочки с дёгтем и бурлацкие верви, протянутые от стены до стены в своей тяжкой дрёме.

Дорога почти сразу упиралась в ограду лагеря, прежде деревянную, теперь стальную. Сваренная из высоких пик, она казалась неприступной, уходила к реке и свисала над обрывом так, чтобы никто не смог пройти. Но всё же туда вела тропинка... Артур спустился, повис на решётке. Перебирая руками, оказался на внутренней стороне ограды. Поднялся, но вновь наткнулся на высокий забор, идущий вдоль берега. В одном месте была промоина, заложённая длинными досками. Мужчина вытянул их по очереди и с силой бросил как можно дальше под обрыв.

И вот они, пионерские палаты, три больших дома, стоящие в ряд! Когда вышел с другой стороны построек к футбольному полю, от бревенчатого домика, где когда-то жил 5-й отряд – подростки, выскочила бойкая собачонка и начала лаять, подбегала угрожающе. Появился из сруба мужик с помятым лицом. Начал что-то говорить.

Собака мешала изъясниться.

– Я в детстве тут отдыхал! – крикнул Артур.

– А-а... – понятиливо протянул мужик и пошёл обратно, шевеля широченными штанинами с сильно мятым задом.

– погоди, земляк! А кто купил этот лагерь?

Не оборачиваясь, мужик махнул рукой.

– Козёл какой-то. Не знаю. Мы охраняем.

Артур хотел пройти к строению клуба, где обычно играли в почту. Тогда он серьёзно решил жениться на Кате, девочке в крошечных сандалиях с продавленными дырочками и с бантиками на макушке. Девочка была очень уютная и хорошо вела бы семью. Он писал ей: «Я Вас люблю», но «почтальон» не приносил ответа. А сама девочка, ей было лет восемь, смотрела на лопоухого обожателя, дико вытаращив глаза, будто он зарезал свою бабушку, и старалась спрятаться в толпе подруг.

Пёс верно отрабатывал свой хлеб, лаял и не позволял перейти футбольное поле. Тогда Артур вернулся к лазу, вылез к стальной лестнице

на обрыве. Прежде здесь петляла дорожка, протоптанная пионерами-нарушителями, стояло огромное дерево, под корневищем которого кто-то прятал в мыльнице сигареты «Салям».

Он спустился к воде. На пирсе, выходящем далеко к фарватеру, купались две девочки лет четырнадцати-пятнадцати. Нырjali с помоста, вытянув вперёд руки, – умело, как парни. И, выпроставшись из глубин, подплывали к помосту, спокойно разговаривали, ни крика, ни визга.

Волны набегали к ногам Артура и уходили в щебень, как в губку. В сумке лежали чай и большая металлическая кружка с привязанной проволокой в виде дужки, чтобы держать на палочке над костром. Сидя на корточках, он начал собирать мелкие ветки. Расстояние от воды до обрыва здесь было всего с метр, и дровами не разжиться.

Девушка в зелёном купальнике крикнула ему с помоста:
– А вон смотрите, какая палка! Прямо над вами...

Она сама пробежала по насту, ступила на гальку, вскарабкалась по обезьяньи наверх и скинула ему сук – длинный, корявый, метра четыре длиной.

– О, спасибо! Тут ужин сготовить хватит! – сказал мужчина и стал поджигать сухую листву. – А вы – местные?

– Не-е. Мы приехали.

Темноволосая, загорелая, она смотрела несколько лукаво, но доверительно. Глаза – густо-зелёные, на переносице – каникулярные веснушки. Подруга была светловолосой, бледнокожей (вероятно, не приставал загар), в ярко-жёлтом, тоже сплошном, купальнике и с неопределённым лицом, как сырой блин, о котором ещё не знаешь, что получится.

– На дачу?

– Бабушкин дом.

– А что же тут всё огородили? Еле пролез.

– Это ещё что! – сказала светленькая, – раньше от забора до самой воды висел моток колючей проволоки!

– Мы вон с той стороны лагеря пролезали, – поддержала её подруга и добавила с жалобой:

– Нас прогоняли.

– Да, время... – протянул гость, подкладывая ветки в костёр. – Уж такое оно. Нам повезло больше. Но вы должны знать, что на этот берег

никто не имеет никакого права. Юридически. По закону. Берега рек, судоходных, транспортных, особенно таких, как Волга, – это стратегическая территория. Это ваш берег.

Заварка в кружке поднялась, сквозь неё вздулась пена. Подержав ещё кружку над пламенем, он поставил её на гальку, вынул из сумки чашку и налил в неё немного чаю. Устроившись поудобней, начал отхлёбывать. Наблюдал за купальщицами, которые опять ушли на край помоста.

Обе ныряли с траекторией дельфина. Без брызг, с прямыми ногами. Ступни исчезали в воде, захлопывая гладь и унося в глубину крутящейся шлейф из пузырей. Выпрастывались, мотнув головой, и подплывали к помосту. Вылезали, словно литые, с острыми коленками и лоснящимися бёдрами. Сдавливали воду с материи купальников, нажимая ладонями на живот и бёдра – сверху вниз, вода сбегала по ногам. Зеленоглазая с некоторым женским изяществом поправляла у виска каштановые завитушки и всё поглядывала на гостя, будто ожидала ободрения.

– А какая там глубина? – спросил он.

– Три, – сказала она и посторонилась.

Он уже шёл с жердью замерять. Сунул конец в воду, но его повело течением в сторону. Наконец жердь уперлась в дно, и... тут Артур увидел огромного пса! Пёс стоял на берегу. Окрас и стать мощной восточноевропейской овчарки, великолепная стать! Вот только уши подвели – не торчмя стояли, а лежали на лбу.

Оглашая побережье густым басом, пес пошёл на помост. Артур опустил жердь книзу, преграждая дорогу.

Пёс шагнул и в мгновение ока перегрыз конец палки. Потом ещё и ещё – и, роняя куски, продвигался к мужчине.

– Он меня съест! – воскликнул Артур.

– Да нет! Он добряшка, – в голос крикнули девочки. – Полкан, нельзя!

– Его зовут Полкан? Здорово! Какое сказочное имя! Ай, хороший Полкан! Вот, на – догрызай.

Пёс одним прикусом разделил пополам остатки брошенной ему под ноги жерди и прошёл к краю помоста, а потом обратно. Не обращая внимания на незнакомца.

- А чей это? Ваш?
- Ничейный, общий, – сказали девочки.

Артур решил искупаться. Разделся прямо на пирсе; спросил:

- А вы сальто умеете?
- Не-е...

– Сейчас попробую. Сто лет не нырял. Тут хорошо, упор надёжный. А то как-то с лодки попробовал, она лёгкая, дюралевая. Я оттолкнулся, а корма ушла, прямо как тазик отлетела. Я плюхнулся на спину. Так отбил, что кожа покраснела. Как калошей настучали.

– Осторожней! – предупредили его. – Здесь, под водой – тоже колючая проволока!

- Что? – опешил мужчина и выпрямился...

– Да нет, не бойтесь, здесь катер чалит. Проволока вон там, по бокам, туда не заплывайте.

- Мда-с. Ну, ладно. Итак!..

Он собрался с духом, опять присел и сделал прыжок вверх, кувыркнулся в воздухе и плюхнулся. Правда, с согнутыми в коленях ногами, неудачно.

И, боже! Что он ощутил под водой! Он забыл, что в носу перебита перепонка и «солдатиком» погружаться нельзя. Струя под напором ударила носоглотку, в глаз, в мозги! Взмахивая, как гусь крылами, он поторопился наверх, на воздух. И, выбросив наконец голову с вытаращенными глазами, уже не мог сдержаться от нестерпимого кашля и чиха...

- Пере... Пчхи!.. Я! Апчхи! Чхи-хи-хи-хи!

В следующие разы кувыркнулся, взмахивая лишь одной рукой, а другой сжимал ноздри.

Снова заварил чай, благо взял конфеты и пачку заварки. Девушки согласились чаёвничать. Насластив рты слипшимися от жары шоколадными конфетами, с удовольствием пили его крепкий и горький чай. С нетерпением ожидали своей очереди; кружка шла по кругу. Чай заметно всех взбодрил. Начали шутить, смеяться.

– А вы отдыхали когда-нибудь в пионерском лагере? – между прочим спросил гость. – В детском лагере? – поправился он, видя, что пионерии эти девочки уже не застали.

– Нет.

– Жаль! Это так здорово! Не объяснить. Ведь почему я сюда приезжаю? Потому что это было лучшее время в моей жизни. Счастье! Мы были маленькими, но очень серьёзными патриотами. Обожали Фиделя Кастро и Че Гевару. Маршировали и пели с чувством:

*Под чёрной кожей
У негра сердце тоже!
Оно ведь может
Смеяться и грустить.*

– Вот так, смотрите!

Артур, вдруг развеселевший, опьяневший после купания от чая, ступил на тёплый помост и, сделав лицо строгим, стал маршировать и петь:

– Па-ад чёрной кожей...

Девушки смеялись, подошли ближе. А зеленоглазая вдруг стала рядом и, через плечо задорно глядя ему в глаза, тоже начала маршировать, «руля» руками, будто вела корабль. А потом, застеснявшись, спрыгнула с помоста воду. И Полкан, такой революционный Полкан, казалось, был готов отдать жизнь за Остров свободы – громко лаял и толкался.

На какое-то время мужчине показалось, что девочки вовсе не подростки, и нет разницы в возрасте в двадцать лет. Вернее, что они все трое – как ровесники, и очень хорошо понимают друг друга.

Вдруг Артур спохватился.

– Слушайте, а во сколько пароход в Казань? В четыре? Это ведь последний?

– Ракета будет в восемь из Шеланги...

– А до Шеланги сколько идти? Семь километров? – спросил он.

Девушки промолчали.

– А может, чёрт с ним! Плевать на всё, остаться с ночёвкой? Заплатить за постель...

Он задумался.

Девушка в зелёном купальнике выжидательно смотрела ему в лицо...

Итак. Время подходило к четырём. Артур обычно ложился в два-три ночи. Что он будет делать всё это время? Еду он, конечно, купит, а книг здесь нет...

– А клуб тут построили? – спросил он. – Интересно, как сейчас танцуют?

– Какой клуб! – ответили ему. – Нет тут никого, мы только вдвоём на всю деревню. С ума сойти!

Он вспомнил длинные одинокие пионерские вечера на обрыве, над простором Волги, и его до живота проняла тоска.

С другой стороны, девочки не бросят его одного...

– Нет, – сказал он, – надо ехать. А сколько сейчас времени?

– Да мачту отсюда будет видно! – убеждали его.

– А вон и мачта! – воскликнул он.

Сквозь береговые заросли над завалом показался крестик антенн возвращавшегося из Шеланги «ОМа».

– Ёлы-палы, я не успею! Прощайте, девочки! – он быстро оделся, схватил сумку и стал карабкаться наверх, добрался до решётки.

– Вы кружку забыли! – крикнули ему.

Не оборачиваясь, он махнул рукой. А потом, подумав, что жест неприличен, крикнул:

– Она закопчённая, испачкает сумку!

Он поспел как раз, даже с запасом времени. Впереди него неуклюже поднималась по трапу женщина одних с ним лет, в голубом платье-костюме, полноватая и неуклюжая, так что ему пришлось даже дожидаться.

«ОМ» отошёл от берега. Когда давал задний ход, Артур находился на правой стороне – чтобы видеть обрыв под лагерем, а когда теплоход повернул, он оказался лицом к дальнему берегу. «ОМ» пошёл быстро. Спohватившись, мужчина кинулся через арку к противоположной стороне палубы. Спотыкаясь о трап и канаты, подбежал к борту, упёрся руками в перила. Низкое солнце нестерпимо слепило... Наконец он различил берег,

торчащие из воды трубы, пирс. Девочки – зелёный и жёлтый купальники – стояли на самом краю помоста, глядели на идущий теплоход... и вдруг разом энергично замахали руками! Рядом стоял чудесный Полкан!

В сердце ёкнуло, а в уголке глаза набухла тёплая слеза...

Он отвечал им, покуда мог видеть силуэты. По мере удаления девочки, словно на плоту, уходили в низину – вниз по течению; сверху на них от утёса падала тень.

«А зря ты уехал. Зря! Ты всегда был дурак! Ты привык во всём видеть плохое, – пролетало в нём с чувством. – Чистоплюй! Теперь ты состаришься и умрёшь. И у тебя никогда такой чистой и доброй встречи уже не будет».

Евгений ЭРАСТОВ

г. Нижний Новгород

Эрастов Евгений Ростиславович родился в 1963 году. Окончил Горьковский медицинский институт и Литературный институт им. А. М. Горького. Доктор медицинских наук. Член Союза писателей России. Автор семи поэтических и четырёх прозаических книг, а также более двухсот публикаций в периодике. Произведения переводились на английский, немецкий, испанский, македонский и болгарский языки. Лауреат премий Нижнего Новгорода (2008), Нижегородской области им. А.М. Горького (2014), им. Ольги Бешенковской (Германия, 2014), литературной премии им. Марины Цветаевой (Татарстан, Елабуга, 2014). Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2022» в номинации «Дело».

ЗАБЫТАЯ РУКОПИСЬ

* * *

Единственная фотография, где мы запечатлены вместе. Поэтому она мне так дорога. Март 1984 года, Горьковское море. Разлапистые ветки елей, покрытые снегом. Хоть март, весной ещё и не пахнет.

Игнатий Сидорин, наш маститый прозаик, выглядит задумчиво и слегка отстранённо. В неухоженной, наскоро постриженной бороде у него уже проглядывает седина. Светлая дублёнка апеллирует к замшелым архетипам – то ли ямщик, то ли командарм Блюхер в выстуженной ветрами Сибири, выслеживающий кровавого Колчака.

Рядом с ним – пенсионер невзрачного вида, олицетворённая безликость, «начинающий прозаик», в старомодном пальто с каракулевым воротником.

Возле старичка – Наташа Зайцева, высокая, стройная, в смешной шапочке крупной домашней вязки, в мутоновой шубке. Единственная женщина из пишущей братии, приехавшей на творческий семинар.

А рядом с Наташей – герой моего повествования Виктор Бибииков. Он одет не по сезону легко – тёмный длинный кожаный плащ, хоть и не новый, зато весьма романтично выглядящий, кепка, белый шарф чуть ли не до пояса. Ему двадцать три года, он студент истфила, восходящая звезда нашей поэзии.

У самого края уже пожелтевшей фотографии чуть ли не в обнимку с еловым стволом расположился я – самый юный из нахлынувшей сюда молодой творческой волны – мне нет ещё и двадцати одного года.

Между мной и Виктором – гулкое, звенящее от пустоты и тяжести незаполненное пространство. Оно и раньше обращало на себя внимание, а теперь и подавно. Как будто там должен стоять ещё один человек.

Так, начиная с тридцатых годов, с исторических фотографий исчезали всякие «враги» – Троцкий, Бухарин, Каменев, Зиновьев. Их ретушировали услужливые архивисты.

Но здесь никогда никого не было изначально. Незаполненное пространство отделяет меня от этих людей. Я там выступаю в роли случайного прохожего, соглядатая. Ну какое отношение я имел к творческой молодёжи? Обыкновенный студент-филолог, пишущий никакие стихи.

Нет, я вовсе не стесняюсь роли соглядатая. Наверное, так определено свыше – везде нужны свои архивисты...

...Витя Бибиков отличался от всех независимостью, полным отсутствием социальности. То, о чём мечтали другие, приходило к нему просто так, падало, как снег на голову. Например, его стихи в областную газету несколько раз носил Михаил Алексеевич Куликов, руководитель поэтического объединения «Лира». Куликов принципиально не помогал никому с публикациями, считая себя лишь литературным наставником, хвалил удачные, но явно непубликабельные по цензурным причинам стихи, воспитывая у студийцев хороший вкус. Для Виктора он сделал исключение: «Сам бы он не отнёс, а стихи замечательные»...

После майских праздников решительно, бесповоротно расцвела черёмуха, и в бесхозном русском воздухе удушливо запахло синильной кислотой. Резко похолодало, я надел старенькую осеннюю курточку и поплёлся в «Лиру». В портфеле у меня лежала рукопись Виктора – третий копировочный экземпляр стихов, которые должны были обсуждаться в этот день – Кулик практиковал такие персональные обсуждения...

Виктор повёл себя не слишком деликатно – растворился в холодном майском воздухе, даже не предупредив о своей неявке. Впрочем, такое поведение свойственно поэтам, и Куликов не слишком удивился. «Лира» прошла, как и всегда – с нелюбезными высказываниями и бесконечными перекурами, во время которых в конце коридора, возле туалета, на подоконнике разливалась спешно купленная кем-то водка. К концу заседания Кулик становился всё добрее и добрее...

Тогда я ещё не предполагал, что больше не увижу Бибикова. Я никогда не был его другом, даже стихи его в то время меня не слишком привлекали. Я учился на филфаке, мне было что и кого читать. Тот факт, что Виктор уехал из нашего города и поступил в Литинститут, меня несколько не расстроил и не потряс. Ну, уехал и уехал.

Оценил я его стихи гораздо позднее, когда перебирал старые бумаги. Тогда-то и возникла у меня мысль узнать о его судьбе поподробней, отыскать его стихи в журналах, может быть, что-то написать о нём.

Да-да, это было именно так! Мысль возникла раньше, чем чувство.

* * *

Мария Сергеевна Куликова, вдова писателя, приняла меня весьма учтиво. Разумеется, фамилия Бибиков ей ничего не говорила. Похоже, что Кулик вообще не говорил с женой ни о литературе, ни о своих студийцах...

Мои изыскания продолжились вторым визитом. Варя Кудашева, доцент кафедры русского языка, была в конце восьмидесятых особенно дружна с Бибиковым... Варвара Николаевна оказалась честнее, чем я предполагал, и почти сразу выложила свои карты:

– Неужели ты пришёл только ради воспоминаний?

– Мой визит, Варя, носит исключительно профессиональный характер. Я по природе архивист, по специальности – литературовед. Стихи Виктора – возможно, лучшие стихотворные строчки, написанные когда-либо в нашем городе... Мы собираемся издать книжку стихов Бибикова...

– У Виктора не было никакого архива. Насколько я помню, стихи он писал в одной общей клеёнчатой тетради буроватого цвета. После смерти Витькиного отчима квартира, где Бибиков провёл детство, досталась дочери отчима... К ней ехать бессмысленно, она никогда с Витей не общалась. Так что у ней никаких рукописей быть не может. А если и попали случайно – давно их выкинула в помойное ведро. У Виктора вообще практически не было вещей. Ходил всегда в одном и том же драном сером свитере крупной вязки с чёрными фигурами вроде колёс или снежинок. Смутно помню какие-то джинсы, брюки. Пиджаки не носил, галстуки – тем более. Была у него привычка – писать чёрными гелевыми ручками. Кстати, как литературоведу тебе должно быть интересно – у него гораздо больше публикаций, чем вы все думаете. Вовсю печатался в Москве, в толстых журналах...

Странная вещь человеческая память! И откуда появляется вдруг такое ощущение – «вовсю печатался»? Почему-то она решила, что лучше меня знает библиографию Бибикова. Его дважды напечатали в журнале «Москва», один раз – в «Нашем современнике», и всё это – за год-два до смерти. Больше никаких публикаций (кроме шести местных, газетных!) у него вообще не было. Девять публикаций за 32 года жизни! Это же просто смешно. 25 стихотворений опубликовано, 15 существуют в рукописи – таким образом, сорок стихотворений – это всё, что осталось от Виктора Бибикова.

– Виктор вообще мало написал, – продолжила Варя, как бы читая мои мысли. – На всех выступлениях читал одно и то же... А вообще, я рада была, когда мы расстались! Ведь жить с ним было невозможно. Одни

стихи на уме. В последние годы была у него любовь – Лариса Ставрогина из Юрьева. Может быть, у неё что-то осталось.

– А как это всё произошло? – дошёл-таки я до самого тяжёлого вопроса.

– Не знаю. В Москву я к нему приезжала только один раз. Уже тогда я была для него человеком из прошлой жизни. Но уверена – никакой пьянки не было. Виктор никогда не пил. Криминал тоже исключаю – кому он нужен, отнять у него было нечего... Несчастливая любовь? Вряд ли. Никогда никого и ничего не любил, кроме стихов. Скорей, какое-то разочарование в жизни. У него часто бывали депрессии...

* * *

В субботу утром я поехал в Юрьев. Недалеко от моста через Клязьму свернул направо, оставил машину на лужайке, дошёл до реки.

Старинная, политая кровью междоусобных разборок Юрьевская земля ждала меня на том берегу узкой речки и совсем не отличалась от земли нашей, нижегородской. Кстати, Бибииков очень любил реки. Волга, Ока, Ветлуга, Кудьма, Керженец, Линда, Яуза, Сходня – это всё было названо в его немногочисленных стихах.

Сидя под низкорослым ивовым кустарником, я подумал, насколько изменилась моя жизнь с тех пор, как я стал заниматься стихами Виктора. До сих пор не могу ответить на вопрос, почему мне так не нравилось изучать романы Достоевского, почему сам Достоевский, навязанный в институте малохольной научной руководительницей, был мне физически противен с его животной ненавистью к инородцам и страстью к рулетке? Я никогда не мог поверить, что наши классики действительно жили. Даже клочок волос Пушкина в музее на Мойке под стеклянной витриной казался мне поддельным. А здесь был человек, который говорил со мной, пил кофе и молочный коктейль в кафе «Космос» на улице Свердлова, дрожал на сквозняке, вздрагивал от автомобильных сирен и трамвайных звоночков, любовался первым снегом, писал стихи.

...Нашёл я Ставрогину далеко не сразу, на втором этаже барачного двухэтажного здания. Поразило, насколько она была внешне похожа на Варвару. Грязная у ворота старорежимная кофточка, джинсовая юбка, кое-где махрящаяся на подоле, вечная сигаретка в руке.

– Витя? Да, способный парень. Пожалуй, самый яркий поэт из нашего семинара. Жаль, что так получилось. Мы с ним мало общались.

– А я считал, что вас связывала долгая дружба.

– Откуда такие сведения?

– От Варвары Кудашевой, моей однокурсницы.

Что-то вроде гримасы появилось на лице Ставрогиной, но она быстро разыграла полное равнодушие.

– Не знаю такой.

– Скажите, у вас не могло остаться стихов Виктора?

– Нет, что вы... Откуда? Компьютеры тогда ещё только появлялись. Шестнадцать лет прошло с его гибели.

«Шестнадцать лет...». Я посчитал. Лариса не ошиблась, и это точно названное число заставило меня усомниться в том, что они с Витей «мало общались».

– Пойдемте на лоджию, покурим.

– Спасибо, я не курю.

– Ну, постоите рядом.

Вся лоджия была завалена старыми толстыми журналами – «Новый мир», «Дружба народов», «Москва»...

Лариса долго курила, глядя в одну точку.

– А вы знаете, – сказала она вдруг, – а ведь я все его письма уничтожила.

– Письма? Так, стало быть, у Бибикова ещё были какие-то письма?

– Да, немного, штук десять. Жаль, конечно. Тем более, не совсем личные. Там рассуждения были – о жизни, о литературе. Как раз то, что интересует вдумчивого читателя... Ну что вы так смотрите на меня... Ну, выбросила. Разорвала сначала на мелкие кусочки. Баба, истеричка... можете продолжить. Я вам сначала вообще ничего говорить не хотела, а потом вдруг поняла – интерес у вас к Вите настоящий, человеческий, не ради там статьи какой-нибудь или учёной степени... Поэтому честно вам и призналась. А стихи его у меня остались. Неопубликованные. Девять штук. Я вам сейчас ксерокопии сделаю.

Через несколько минут я держал в руке девять свежих листов бумаги с отксерокопированной машинописью. Сам вид этого текста подействовал на меня сакрально, как старославянский шрифт на православного христианина. Ведь и у меня была когда-то пишущая машинка «Москва», мне её подарила соседка, бывшая журналистка. И у меня клавиша с буквой «О» подчас насквозь пробивала бумагу, оставляя овальные дырочки. Удивительное совпадение.

– Кроме этих стихов у меня ничего нет, честное слово. Если нужны будут воспоминания, я напишу. Сама напишу. И чтобы без исправлений. Интервью давать не буду. Вот мои координаты, здесь и электронка есть, – Лариса дала мне серебристую визитку. – Так что пишите, звоните...

* * *

С чувством душевного подъёма вырулил я на центральную улицу Юрьева. Нет, я поехал сюда не напрасно!

Припарковавшись возле исторического центра, долго ходил по высокой набережной Клязьмы, посетил старинные соборы. Всё это время девять листков бумаги, сложенные пополам, лежали у меня во внутреннем кармане куртки. Я боялся читать эти стихи. Вдруг это будет другой Бибиков, не тот, которого я знал? Ещё девять стихотворений! Стало быть, 49 уже есть у меня... А вдруг они были опубликованы?

Я сел на лавочку, чувствуя, как напряжённо колотится сердце.

Нет, эти стихи были мне незнакомы. И одновременно с этим возникло у меня чувство узнавания – никто, кроме Вити Бибикова, не мог написать эти строчки!

*Глядел на Кудьму я – на илистое дно,
На водорослей тонкие травинки,
Смотрел многосерийное кино –
Как в гладиаторском кровавом поединке
Столкнулись лето с осенью... Оно
Не новое, но красочны картинки.*

*Хрустел сентябрь свернувшимся листом –
Сухим и ломким, как твои сосуды,
И лета обветшалого фантом
Напоминал про поцелуй Иуды.*

*Никак ответить я не мог – к чему
Сижусь я здесь, зачем мне это пенье
Кузнечиков, поскольку не пойму
Ни этот мир, ни светопредставленье*

*И светопреломленье – видит Бог
Меня у речки, сломанную иву,
Цикорий, звербой, чертополох,
Пырей, полынь, репейник да крапиву,*

*И сломанное старое весло
С намазанной кривою цифрой «9»...
Надежды все течение унесло.
Как быстро всё исчезло и прошло!
И что теперь мне с этим миром делать?*

* * *

Большая жёлтая церковь в Лакинске. За церковью – источник со святой водой, часовенка, кладбище. Припарковавшись возле этой церкви, я вдруг понял, что еду в Москву.

Именно там мне предстоит поставить точку в моих исследованиях, именно там я, скорей всего, смогу понять то, что не понял раньше.

Мне хотелось увидеть своими глазами всё, что видел он, когда шёл пешком от станции метро «Дмитровская» до общежития.

Я и сам не понимал, почему всё это мне было так важно!

Здание общежития всегда вызывало ощущение бесприютности. Сейчас там установили турникет, в будке сидит мордovorot в камуфляжной форме.

Всё тот же лифт, медленно скользящий по шахте.

Я поднимаюсь на шестой этаж.

Не знаю, из какого окна он выпрыгнул, знаю только, что упал не на улицу, а во двор. Действительно, высокогато.

И страшновато.

Я долго смотрю вниз. Пытаюсь понять, что он чувствовал тогда, в далёком октябре 1993 года.

Нет, он вовсе не был героем и не ходил защищать последний русский парламент. Его убили не выстрелы из «демократических» танков на Краснопресненской набережной. Мне кажется, он ушёл от нас ещё раньше, так же, как Блок угас не в двадцать первом, а в восемнадцатом году.

«Как тяжело ходить среди людей и притворяться непогибшим...»

...В наш город привезли его в товарном вагоне...

Похоронили Бибикова на кладбище в районе фабрики «Красная Этна». Возле жуткой ободранной кирпичной стены – скромная заброшенная могила. Металлический памятник-временка с красной звездой. Странное недоразумение – Витя никогда не служил в армии.

...Если честно, я очень плохо знаю, каким он был, и сильно переживаю из-за этого. Я чувствую нишу в пространстве, которую занимало когда-то его тело. Эту нишу теперь не может заменить никто и ничто.

У меня не было друзей. Я понимаю, что Витя Бибиков мог быть моим другом. Как человек, он был наверняка гораздо шире своих стихов.

Он не сумел перепрыгнуть через водоворот, отделяющий тот берег от этого. И я не знаю, кем бы он стал, если бы перепрыгнул. Во всяком случае, я его не вижу ни пошлым коммерческим издателем, ни писателем-пройдохой, ловким получателем всевозможных пахнувших дешёвыми фуршетами междусобойных премий и грантов, ни членом всяких международных, всеевропейских и прочих фондов имени создателей

водородных бомб, выставяющих глянцевые морды на каждом углу, ни книжным спекулянтом-барахольщиком.

Наверное, есть в этом какая-то несправедливость, что я со всеми своими статьями и диссертациями, почти никому не нужными, живу, а его – нет.

На памятнике более чем скромная табличка: «Бибиков Виктор Александрович. 1961–1993». Он не дожил даже до возраста Христа.

* * *

Я беру простую, картонную папку, кладу туда все газетные вырезки со стихами Вити, вырванные странички из журналов и две подборки – мою, старую, 1984 года и ту, которую мне подарила Лариса из Юрьева, и ставлю папку на книжку полку – рядом со своими любимыми стихами.

Я думаю, это правильное решение. Ведь книжная полка – лучшее место для стихов.

Олег КОРНИЕНКО

Самарская обл., г. Сызрань

Родился 6 февраля 1954 года на Украине, в селе Котовское Киевской области. Окончил 1-е Харьковское военное авиационно-техническое Краснознамённое училище (1974 г.) и Курганское высшее военно-политическое авиационное училище с золотой медалью (1994). Почти 30 лет жизнь была связана с Сызранским высшим военным авиационным училищем лётчиков: работал бортехником, начальником ТЭЧ звена, помощником начальника воспитательного отделения по культуре. Воевал в Афганистане. Награждён восемью медалями, в том числе медалью «За боевые заслуги». Участвовал в VIII Всесоюзном совещании молодых писателей (Москва, 1984), VI и VII Всероссийских семинарах писателей Армии и Флота (Дубулты, Минск, Пицунда, 1985, 1987, 1989). В 1998 году принят в члены Союза писателей России. Печатался в центральных изданиях «Аврора», «Детская роман-газета», «Енисейка» (Красноярск), «Истоки», «Луч» (Ижевск), «Московский вестник», «Наш современник» (Красноярск), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), «Простор» (Казахстан), «Российский писатель», «Русское эхо» (Самара), «Смена», «Советский воин», «Сура» (Пенза), альманахах «Витрила» (Киев), «Самарская Лука», коллективных сборниках издательств Самары, Москвы, Киева. Председатель Сызранской региональной организации «Содружество детских писателей». Лауреат литературных премий «Город» (1999) и «Признание» (2006), дипломант IV Международного конкурса детских и юношеских произведений им. А. Н. Толстого (2012).

«ПЕТЛЯ НЕСТЕРОВА»

Рассказ

Валерик с детства мечтал стать космонавтом. Тимка тоже мечтал стать космонавтом, потому что об этом мечтал Валерик. Друзья регулярно делали зарядку и закалялись – готовились к своему полёту. А к нему надо быть всегда готовыми.

– В школу лучше ходить пешком, а не на троллейбусе ездить, – заметил как-то Валерик. – Это тоже тренировка.

– Ходи, кто тебе не даёт, – заметил Тимка. – У меня другая система.

Какая – Тимка не говорил, а вот Валерик по своей системе часто в школу опаздывал.

А однажды на уроке физкультуры у Валерика закружилась голова. Школьная медсестра дала ему понюхать нашатырного спирта и попросила Тимку проводить Валерика домой.

– С таким вестибулярным аппаратом в космос не пустят, – заметил папа Валерика.

– А что же делать? – спросил Тимка.

– Тренировать надо на «рейнском колесе» или на лопинге – вращающихся качелях.

Ребята от незнакомых слов притихли.

– В детском парке есть аттракцион «Петля Нестерова». Это то, что вам надо, – подсказал папа.

– Так и называется – «петля»? – удивился Валерик.

– Так и называется: «Петля Нестерова» по фамилии лётчика Петра Николаевича Нестерова, который впервые выполнил в небе эту фигуру. Аттракцион этот вы знаете – видели в мультфильме «Ну, погоди!»

– Ура! – обрадовались ребята.

В выходной день Валерик с Тимкой поехали в городской парк. По дороге Валерик представлял, как они сядут в кабину самолёта, пристегнутся ремнями и начнут накручивать круги один за другим.

Но возле аттракциона их ждала очередь. Не большая, а всё-таки очередь.

Ребята забеспокоились: срывалась их первая тренировка на новом тренажёре. А тут ещё женщина-контролёр со своим вопросом:

– Ребята, а вам не рано на этом аттракционе кататься?

– Да вы что, – возмутился Тимка. – Мы уже год как ходим в Школу юных космонавтов.

– Ну-ну, – покачала головой женщина-контролёр и покрепче пристегнула ребят.

– Готовы? Поехали!

Зажужжал винт на носу самолёта, и он вместо того, чтобы сорваться с места, сонной мухой пополз вперёд. Когда деревья парка ушли под крыло, Валерик понял, что это катастрофа. Висеть головой вниз на глазах у всех было не очень-то весело.

Он мысленно толкал самолёт, а тот еле полз. Ещё немного, подумал Валерик, и ремни не выдержат.

– Ты как? – дрожащим голосом крикнул Валерик.

– Самочувствие отличное! – ответил Тимка, и от этого Валерику стало ещё страшнее.

Когда самолёт наконец выровнялся, Валерик понял, что на большее его не хватит. И хотел попросить женщину-контролёра остановить самолёт. Он только открыл рот, как самолёт опять покарабкался вверх,

и вскоре Валерик, точно мультяшный Волк, опять повис головой вниз. В ремни он не верил, а потому изо всех сил вцепился в сиденье.

Валерику не хотелось так рано погибать. А как же космос? А слава? Если с самолётом что-нибудь случится, то памятник Валерику поставят, скорее всего, возле кассовой будки аттракциона. Или назовут её его именем.

И Валерик закричал.

– А-а-а... Тётенька, остановите!

Закричал, потому что было страшно. И потому, что он увидел в толпе папу, который кого-то искал.

– Папа, останови самолёт!

Но самолёт Валерика не послушался и по инерции, жужжа винтом, опять пополз вверх. Папа метнулся к женщине-контролёру и принялся ей что-то объяснять. И вскоре винт на самолёте замер, он медленно опустился, и бледный Валерик вылез из кабины.

Домой они возвращались молча. Папа шёл впереди, то и дело оглядываясь на притихших друзей. Каждый из них думал о своём. Тимка представлял себя за штурвалом настоящего космолёта. А Валерик просто глядел себе под ноги, которые уверенно шагали по тротуару, и не мог понять: что случилось? Почему он кричал?

– Ничего, со всеми такое может случиться, – успокаивал нас папа. – Просто всегда надо реально оценивать свои возможности. Но вы – молодцы, если не побоялись повторить подвиг самого Нестерова!

Дома папа показал ребятам фото Петра Нестерова. Они долго разглядывали в энциклопедии стройного летчика в фуражке и с кортиком на боку, а также приземистый «Ньюпор-4», на котором лётчик выполнил свою «мертвую петлю».

– А если бы Пётр Николаевич жил сейчас, он стал бы космонавтом? – спросил Тимка.

– Я думаю, что стал, – ответил папа.

– А я тебе что говорил, – Тимка посмотрел на Валерика и рядом с фамилией «Нестеров» написал карандашом – «косманавт».

Валентина ЮДИНА

Самарская обл., п. Сборно-Симоновский

Родилась 26 июня 1949 г. в селе Обшаровка Приволжского района Куйбышевской области. Окончила физико-математический факультет Куйбышевского пединститута имени В. В. Куйбышева и Московский народный университет искусств им. Н. Крупской. Отличник народного просвещения. Стихи, рассказы и сказки публиковались в районных и городских газетах, в журналах «Наш современник», «Начальная школа», «Книжки, нотки и игрушки для Катюшки и Андрюшки», «Сура», «Стрежень», в электронном издании «Звуки праздника», альманахах «Русское эхо», «Сызранская излучина», антологии прозы и поэзии «Сызрань литературная», книге «Чести достойны», а также в коллективном сборнике «Серебряные родники». Автор сборников «Бессонница», «Листок рябины на стекле», литературно-музыкального сборника для детей «Альпинистка», музыкальной сказки «Варенькин мяч», поэтических сборников для детей «Другой подход», «Просим чудо повторить». Член Союза писателей России.

ТРЕНЕР

Пришла зима, и я на лыжах
Лечу по снежной целине.
За мною мчится пёс мой Рыжий,
На пятки наступая мне.

Мой верный спутник точно знает,
Где спуск крутой, где путь прямой,
Не отстаёт, не обгоняет –
Как тренер рядышком со мной.

Плетусь тихонько – подгоняет,
Остановлюсь – хвостом вильнёт,
Как будто Рыжий намекает:
– Чего стоишь? Лыжня зовёт!

Мой тренер знает, что он хочет.
Нам с ним победа по плечу!
На тренировку завтра точно
Я две котлеты прихвачу.

РАЗВЕ ОНА ВИНОВАТА?

На школьных подружек обиделась Ксюша.
Она стометровку промчалась всех лучше.
Придирчивы были подруги и строги:
– Легко побеждать, если длинные ноги.
Ну разве она виновата? –
От мамы достались когда-то!

Обиделась Ксюша на школьных подружек.
Какое им дело до рыжих веснушек?
Зачем обзывать? Зачем же дразниться?
Не может никак с этим Ксюша смириться.
Ну разве она виновата? –
От папы достались когда-то!

Уже перед сном призадумалась Ксюша:
– А стоит ли всякие глупости слушать?
Скажу я подружкам своим откровенно,
Что в каждом есть что-то своё несомненно.
Ну разве же вы виноваты,
Что стали такими когда-то?

СОЛИДАРНОСТЬ

Брата старшего Мишутку
За отметки в дневнике
Наказали не на шутку:
Он совсем не на минутку
Оказался в уголке.

Жалко стало мне братишку.
С кем же мне теперь играть?
Кто мне почитает книжку?
Ну, уж это много слишком –
Два часа в углу стоять!

Я прижмусь к братишке, значит,
Солидарность проявлю.
За компанию поплачу.
Пусть он так или иначе
Знает, как его люблю.

ЗУБНАЯ ФЕЯ

Весь урок почти молчала
И не разжимала губ,
Потому что я качала
Языком молочный зуб.

Так что он до перемены
Еле-еле дотерпел,
Со звонком одновременно
Мне в ладошку полетел.

Знаю я (ведь он не первый,
Не второй – очередной) –
Надо зуб свой непременно
Фее показать зубной.

Только зря я размечталась.
Нас позвали на обед.
Как ни странно, оказалось,
Что в ладошке зуба нет!

А какие были планы!
И куда же он пропал?
Все проверила карманы,
Парту, ранец и пенал.

Случай-то не пустяковый.
Хорошо, что есть друзья!
Отыскали зуб... в столовой...
Точно – мой! Узнала я.

Утром рано под подушку
Заглянула, – зуба нет.
Только мягкая игрушка –
Феи сказочной привет.

БЕЛОЛОБЫЙ

Я домой спешил вприпрыжку,
В дневнике пятёрку нёс!
А за мной бежал худышка –
Маленький лохматый пёс.

Рыжий, будто лис, однако –
Совершенно белый лоб.
Только видно – забияка:
Повалил меня в сугроб,

Головой толкался в ноги,
Лаял и хвостом вилял,
Застывал среди дороги
И меня не пропускал.

Проводил почти до дома.
Грустно посмотрел вослед,
Намекая, что знакомы, –
Пригласил бы на обед!

– Да... проголодались оба.
Мне понятна эта грусть.
Подожди-ка, Белолобый,
С чем-то вкусненьким вернусь.

ПОЧЕМУ АПЛОДИРОВАЛ ТОПОЛЬ?

Разбрелись над синей речкой
Облаков цветных овечки.
Налетел бродяга-ветер
И постриг овечек этих,
Разноцветной пряжи кучи
Намотал в большие тучи.
А из тучек, посмотрите,
Льют серебряные нити
На дворы, лужайки, крыши,
На девчонок и мальчишек.
Потому огромный тополь
Листьями так громко хлопал.

ДРУГА ЛУЧШЕ НЕ НАЙТИ

Пёс Пират такой огромный,
Масти чёрной с сединой,
И не скажешь, что бездомный:
Дружелюбный, верный, скромный,
А воспитанный какой!

Он всегда (как будто знает)
Нас встречает на пути,
Так забавно развлекает,
И смешит, и забавляет –
Друга лучше не найти.

Вы с Пиратом не пытайтесь
Бегать наперегонки.
Лучше что-нибудь кидайте.
Принесёт, не сомневайтесь,
Варежку с любой руки.
Другу верному мы рады,
Да и он, наверно, рад,
Что бывает с нами рядом,
Исполняет всё, что надо,
И не требует наград.

САМОКАТ

Я сегодня очень рад!
Мне на день рожденья
Подарили самокат –
Просто загляденье!

Папа руль мне подтянул
Правильно, по росту.
На подставку я шагнул, –
Встал, и нет вопросов.

Делаю толчок ногой
И лечу стрелою,
Только ветер озорной
Свищет за спиною.

Не пытайтесь и догнать!
Берегитесь, кошки!
Тороплюсь я показать
Транспорт свой Алёшке.

ВОЛШЕБНИК ЯСЬ

Сегодня у Вари такое случилось!
В кроссовке письмо у неё очутилось.

Письмо без конверта на тонкой бумаге,
Бумаги такой нет и в универмаге.

Печатные буквы и ровные строки.
По чтению так пригодились уроки.
«Ах, Варенька, здравствуй, дружок дорогой!
Ведь я наблюдаю давно за тобой.

Затейлива, вежлива ты, весела.
Но вот забываешь порой про дела.
Одежда твоя в беспорядке лежит,
А если она от тебя убежит?

С дивана постель убери, не лентясь».
И подпись: «С любовью, волшебник твой Ясь».
А после: «Когда мой исполнишь каприз,
Тогда и ищи на окошке сюрприз».

«Волшебник! Такой настоящий! Ко мне?
Решил заглянуть наяву, не во сне!
Конечно! Конечно! Я всё поняла».
Варвара скорей принялась за дела.

Сложила одежду, помыла посуду,
Порядок теперь надлежащий повсюду.
И Варенька быстро к окошку бежит,
А там в самом деле подарок лежит.

В красивой обёртке большая конфета.
Оставить такое нельзя без ответа:
«Спасибо, волшебник! Я буду опять
Письмо от тебя с нетерпением ждать!»

Наталья БОНДАРЕНКО

Самарская обл., г. Сызрань

Окончила Саратовский университет по специальности «биолог-химик», в Москве – школу «Эйдетики» и курсы стенографии и скоротчения, в Самаре – курсы «Семейное воспитание». Работала в школах, во ДТДиМ (методистом по воспитательной работе и педагогом), внештатным корреспондентом газет, руководила службой «Семья» и центром «Семейная родословная», вела курсы «Развитие интеллектуально-познавательных навыков», преподавала в Учебном центре профсоюзов. Прозаик и публицист.

Выпустила книги: двухтомник «Россия в судьбах...», «Тамарочка», «Одной крови...», «Артёмкины истории и мамины сказки», «Привет! Я – Артёмка» (книга выиграла субсидию в конкурсе Минцифры). Соавтор пяти публицистических и литературных сборников. Произведения публиковались в журналах «Наш современник», «Русское эхо» (Самара), «Волга – 21 век» (Саратов), «Костёр» (СПб), «Муравейник» (М.), «Поэзия. Двадцать первый век Новой эры» (М.), «Сызранская излучина», «Детская роман-газета» (М.). Дипломант и лауреат Международных литературных конкурсов – им. В. Крапивина, «Центр Европы», «Созвездие духовности», Германского «Лучшая книга года» – «За глубину и проникновенность прозы», «Большой финал»; I Московского областного конкурса детской литературы им. Агнии Барто, I Всероссийского конкурса «Лучшее краеведческое издание по истории и культуре российского казачества». Участник II Всесоюзного форума «Казачество – сквозь века». Лауреат городских конкурсов «Женщина года» и «Признание» в номинации «Литература и журналистика». Член Союза писателей России.

ПУПСИКИ

Вы любите чай? Кто его не любит... Для меня чай вкуснее всего с лимоном. И чтобы кожура у лимона была пупырчатой, тугой. Как баскетбольный мяч. Берёшь нож и врезаешься в лимонную кожуру. Проступает пахучая жидкость. Нож тонко режет ароматный фрукт, брызжут капли сока... Обмакнув лимонную дольку в сахар, кладёшь её на язык, она тает во рту... И в этот момент непроизвольно дёргается голова, сводит мышцы рта. Теперь поскорее горячего чая!

По вечерам, когда моя рука тянется к лимону, чтобы порезать его к семейному чаепитию, рука соседки по лестничной площадке висит над нашим дверным звонком. «Дзы-ынь», – раздаётся резкий звук, и у меня, как у подопытной собаки Павлова, прекращается лимонное слюноотделение. А у соседки наоборот – только начинается. И она спешит к нам на чай в модном ярком кимоно и цветастых с помпонами тапочках. Я подозреваю, что запах лимона соседка улавливает через стены. Нос, что ли, столь способный у неё?.. А иначе – почему такая точность? Нет, это просто поразительно! Я же говорю, тётя Лена, вместе со своей длиннотелой таксой Лялькой, ежевечерне, точнёхонько в момент

нарезания лимона оказывается на нашем чаепитии, привнося в кухню аромат французской парфюмерии.

А дальше... Лялька, как и все нормальные собаки, не любит пить чай. Угостившись кусочком колбаски, она по обыкновению принимается со старанием искать заячью нору. Мы с Алинкой и папой тоже стараемся. Нам надо быстро покончить с чаепитием, чтобы не мешать соседке наслаждаться чаем и восторгаться. Чем, спросите? Да всем подряд, тем, что попадётся ей на глаза. На тётиленины глаза попадаемся мы с Алькой, красные от горячего чая, Алинкины серёжки, мамина причёска и осанка, натюрморт на стене, папин ножичек, сахарница из сервиза, цветок в горшке... Много чего попадает на зоркие тётиленины глаза, всего и не упомнить. Ну, вы поняли: тётя Лена обожает всё расхваливать своим великолепным с придыханием голосом.

– Ой, какая чудненькая вещичка! Мариша, я без ума! Как глаз волнует! Без неё жизнь – не жизнь! – поёт соседка дифирамбы всему подряд на нашем семейном чаепитии. И даже стенам в прихожей! Такой уж восторженный тётя Лена человек...

Принимая тётиленины слова за чистую монету, мама без промедления протягивает соседке то, от чего она теряет ум и даже собственную жизнь (мы с Алькой не в счёт). Душистая тётя целует маму в щёчку и медоточивым голосом рассыпается в благодарности:

– Дорогая, ты – мой ангел! Спасибо, золотце моё, родная моя Маришечка! Голубушка, ты сама доброта! Но не буду злоупотреблять твоим драгоценным временем.

Неспешно допив чай, тётя Лена встаёт из-за стола, подзывает к себе Ляльку, гладит её с умилением, многократно целует и скрывается с ней (и мамиными подарками) за дверь, оставляя в прихожей шлейф дорогих духов.

Нет, правда, соседка очень даже вежливая тётя! И голос у неё приятный – прямо как у кошки – масляный, мурлыкающий... Кажется, она вот-вот замяукает. Своим елейным голоском тётя Лена не говорит, а умильно баюкает. И однажды она замурлыкала, в смысле убаюкала, Алькину бдительность. Да так, что сестрица до сих пор не может понять, как всё произошло.

Это очень даже странно, но соседка с некоторых пор перестала приходить к нам на чай. Я, как обычно, после ужина резал лимон, мама заваривала чай, но звонок в прихожей молчал. Было не понятно... Неужели соседкин нос испортился? Зато тётя Лена стала заглядывать к нам днём, когда мы с сестрой оставались одни. Приходила к Альке. Я ничего не заподозрил в этом худого. Ну приходит и приходит, мало ли... Она ведь нам не чужая. Вот только одна загвоздочка... После каждого её визита

Алюха мрачнела и закрывалась в комнате, резко громыхнув выдвижной дверью.

Алькино настроение я всегда узнаю по двери. Если – плохое, то дверь грохочет, как гром, и даже сыпется штукатурка. Один раз дверь так грохнула, что чуть с колёс не съехала. И понял я: Алька страшно сердита. Я – с расспросами к ней: в чём дело? Но она молчит, как партизан, а у самой глаза на мокром месте. Я и так к ней, и так... Ни в какую! Молчит. И ничего с ней не поделать.

После очередного такого визита тёти Лены Алинёнок зашла ко мне в комнату, села на диван, поджав под себя ноги. Я уже знал по грохоту двери: настроение у неё – на нуле. Через минуту Аля стала говорить тихим подрагивающим голосом:

– Не знаю, что происходит... Догадываюсь, но не могу понять: почему это случилось со мной и моими пупсятами?

Странное изъяснение... Я не выдержал, спросил напрямую:

– Аль, объясни толком, в чём дело? Что случилось?

Алька посмотрела на меня отрешённо, как сквозь стекло. Видок у неё был – о-ёй!словно она далеко. На Северном полюсе. Дрожит от холода, а в глазах – тоска в зелёный горох.

– Соседка, – наконец, заговорила Алина с горечью, – моих пупсиков уносит.

Я опешил: уносит?! Как так? Почему?

– Увидела у меня коллекцию пупсят – я столько лет собирала! – и впала в свой обычный восторг: «Ой, какие деточки, какие куклёшечки!» Тётя Лена – профи, умеет хвалить. Сам знаешь. А потом сообщила, что у неё вот-вот родится внучка и что скоро ей нужны будут такие же куклы, – делилась Алька наболевшим.

А потом замолчала: нелегко было рассказывать. Я её не перебивал.

– Что дальше? – спросил чуть погодя.

Она ответила не сразу, а когда справилась с собой:

– Долго тётя Лена расхваливала пупсят. Стала похожа на лису из басни: голос мягкий, вкрадчивый, улыбочка на губах... И вдруг высыпала на стол мелочь из кошелька и сказала, что покупает у меня кукол, что заберёт их, когда внучка появится на свет. Я не успела сообразить, как её след простыл.

– Теперь... – всхлипнула Аля, – соседка уносит пупсят, по одному каждый раз, для своей Лизочки. Говорит, что заключила со мной договор.

Глаза сестры набухли слезами, лицо стало похоже на убегающее молоко. И вдруг... разразился такой слезопадище! Ничего себе!..

Во мне заклокотал вулкан возмущения. Я стал прямо одержимым. Лицемерка соседка! Коварная обманщица! Ну погодите же, тётечка Леночка! Так поступить... И ведь с кем? С нашей Алькой! И ведь кому?

Дорогой, многоуважаемой Елене Ивановне. Ну, Леночка тётчка! Поведение соседки не укладывалось в моём сознании. Я был в ярости. Стал быстро думать, как помочь Алинке, напрягся на всю катушку. Мне немедленно захотелось бросить соседке перчатку, сразиться с хитрушкой на рапирах, а лучше – на шпагах. Но тут пришёл с работы папка. Я кинулся к нему за советом. Выслушав меня внимательно, папка сказал, будто вбил последний гвоздь в дачный забор:

– Договор между взрослым и ребёнком не имеет юридической силы.

– Ура-а! Знай, хитренькая лисочка! – прокричал и сорвался я к Альчонку.

Услышав новость про юридическую силу, Алька схватила меня за руки и закружила, завихрила! Бесились так, что папка заявил:

– Всё! Улетаю на Марс! Сколько можно испытывать меня на прочность? Я не в состоянии постичь умом это младое поколение.

И мы скорей присмирели.

Знаете, о чём тогда я подумал? Что Алинка найдёт выход. И не ошибся. Что сказала Алька тёте Лене – не знаю. Но это уже не имеет значения. Главное – соседка за пупсиками больше не приходит. Тот визит стал последним.

Электронный литературно-художественный
альманах прозы и поэзии

НОВЫЙ Российский писатель

№ 6 декабрь 2023

Выходит с ноября 2022 года

ВЁРСТКА:
Александр Мишенков

КОРРЕКТУРА:
Галина Булатова

ОФОРМЛЕНИЕ ОБЛОЖКИ:
Картина художника Александра Бучкури
«Рождественский базар»

Главный редактор Александр МИШЕНКОВ
Литературный город России Сызрань

Телефон +7- 927-712-71-38
E-mail: agmishenkov1949@gmail.com